ИСТОРІЯ
44-го ДРАГУНСКАГО НИЖЕГОРОДСКАГО
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
ГОСУДАРЯ
НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА
ПОЛКА.

ТОМЪ VII.

Составилъ В. ПОТТО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Р. Голике, Спасская улица, д. № 17.
1895.

ИСТОРІЯ 44-го ДРАГУНСКАГО НИЖЕГОРОДСКАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА ПОЛКА.

ТОМЪ VII.

Составилъ В. Потто.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Р. Голике, Спасская улица, д. № 17.
1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 27 Января 1895 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава. Стр.

I. На границѣ Азіятской Турціи 1

(1853). Манифестъ 14-го іюля.—Вызовъ князя Чавчавадзе въ Тифлисъ.—Приготовленіе полка къ походу.—Выступленіе изъ Чиръ-Юрта.—Празднества въ Тифлисѣ.—Дальнѣйшій походъ въ Александрополь.—Генералъ Багговутъ.—Первая тревога.—Занятіе нами Баяндура.—Баяндурскій бой.—Отдѣльные его эпизоды.—Прибытіе Бебутова на мѣсто битвы.—Отступленіе турокъ.—Большія потери.—Значеніе Баяндурскаго боя.—Награды за Баяндуръ.—Объявленіе войны и переходъ границы.

Рисунки:

1) Въѣздъ въ городъ Владикавказъ (изъ Альбома кн. Г. Гагарина).
2) Генералъ Багговутъ.
3) Араратъ.

II. Башъ-Кадыкъ-Ларскій бой. 15

(1853). Переходъ дѣйствующаго корпуса за Арпачай.—Общее настроеніе въ русскихъ войскахъ.—Стоянка у Башъ-Шурагеля.—Стычка у дер. Иланлы, и внезапная встрѣча съ турецкою арміею.—Рѣшеніе князя Бебутова атаковать непріятеля.—Переправа черезъ Карсъ-чай.—Башъ-кадыкъ-ларское поле.—Боевой порядокъ русскаго корпуса.—Гренадерская бригада атакуетъ большую турецкую батарею.—Внезапное появленіе Нижегородцевъ въ тылу непріятеля.—Разгромъ турецкой пѣхоты и взятіе большой батареи.—Преслѣдованіе непріятеля и захватъ турецкаго лагеря.—Блистательныя дѣйствія Нижегородцевъ на правомъ флангѣ нашей позиціи у Караяла.—Князь Ясонъ Чавчавадзе въ Башъ-кадыкъ-ларскомъ бою.—Характерное донесеніе его о подвигахъ Нижегородцевъ.

Рисунки:

1) Старинная церковь близъ Башъ-Кадыкъ-Лара.
2) Планъ Башъ-кадыкъ-ларскаго сраженія.
3) Башъ-кадыкъ-ларское сраженіе. (Съ картины Шарлеманя).
4) Генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе въ бою подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ. (Оригиналъ картины хранится въ полку).

III. Отъ Башъ-Кадыкъ-Лара до Кюрюкъ-Дара. 31

(1853—1854). Потери обѣихъ сторонъ въ Башъ-кадыкъ-ларскомъ бою.—Холмъ чести.—Рядовой Озеровъ.—Ночь послѣ побѣды.—Торжественное молебствіе.—Празднества въ Тифлисѣ.—Ода-Симфонія.—Награды за Башъ-Кадыкъ-Ларъ.—Памятники Башъ-кадыкъ-ларской битвы въ полку.—Возвращеніе въ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава. Стр.

Александрополь.—Роспускъ на зимовыя квартиры.—Князь Дондуковъ-Корсаковъ. Новыя лица въ полку.—Полковая жизнь.—Открытіе кампаніи 1854 года.

Рисунки:

1) На стоянкѣ въ аулѣ.
2) Ночь послѣ побѣды.
3) Пріѣздъ фельдъегеря въ Тифлисъ съ турецкимъ знаменемъ.

IV. Кюрюкъ-Даринскій бой. 47

(1854). Значеніе Кюрюкъ-даринскаго боя.—Начало кампаніи 1854 г.—Драгуны у Большого Паргета.—Ночь на 24-е іюля.—Неожиданная встрѣча съ турецкою арміею.—Построеніе боевого порядка и расположеніе лѣваго крыла русскаго корпуса.—Начало сраженія.—Блистательная атака Тверцовъ.—Отступленіе пѣхоты.—Нижегородцы выносятъ одни всю тяжесть битвы за потерянныя орудія.—Страшныя потери полка.—Полное пораженіе турокъ на лѣвомъ флангѣ.—Значеніе подвига Нижегородцевъ въ общемъ ходѣ битвы.—Солдатская пѣсня.

Рисунки:

1) Выѣздъ артиллеріи на позицію.
2) У Большого Паргета.
3) Планъ Кюрюкъ-Даринской битвы.
4) Крѣпость Александрополь.

V. Между двумя кампаніями. 63

(1854—1855). Въ Турціи—послѣ Кюрюкъ-даринской битвы.—Отъѣздъ Багговута.—Праздникъ 22-го августа, и царская награда князю Бебутову.—Слова, обращенныя имъ къ Нижегородцамъ.—Солдатская пѣсня.—Награды Нижегородцамъ за Кюрюкъ-Дара. — Высочайшій приказъ 10-го октября 1854 года и его значеніе для Нижегородскаго полка.—Полковой праздникъ 27-го ноября. Откуда пошло чествованіе иконы Знаменія Божіей Матери.—Молебствіе и торжество въ день полкового праздника.—Новая полковая пѣсня.—Роспускъ войскъ на зимовыя квартиры.—Стоянка въ Сала-Оглахъ.—Возвращеніе къ полку двухъ дивизіоновъ, бывшихъ на Лезгинской линіи.—Военныя дѣйствія въ Кахетіи.—Переходъ полка въ Елизаветполь.—Потрясающая вѣсть о кончинѣ Императора Николая I-го.—Нижегородцы внѣ Кюрюкъ-даринской битвы.

Рисунки.

1) Нѣмецкая колонія въ окрестностяхъ Елизаветполя.
2) Развалины Цинондалъ.
3) Знамя Грузинской дружины.
4) Базаръ и мечеть въ Елисаветполѣ.

VI. Блокада Карса. 79

(1855). Перемѣна обмундированія.—Открытіе кампаніи 1855 года.—Новый главнокомандующій.—Первый періодъ кампаніи: Нижегородцы въ походѣ къ Ардагану, у Бегли-Ахмата, за Саганлугскимъ хребтомъ и въ поискахъ подъ Карсомъ.—Назначеніе новаго командира полка полковника князя Дондукова-Корсакова.—Открытіе имъ сообщенія съ Эриванскимъ отрядомъ.—Неудавшееся предпріятіе противъ Вели-паши.—Тѣсная блокада Карса.—Смерть Позняка.—Переходъ полка въ Бозгалы.—«Ночное побоище» 23-го августа.—Пенякская экспедиція.—Холера въ русскомъ лагерѣ.—Штурмъ Карса и участіе въ немъ Нижегородскихъ охотниковъ.—Смерть князя Грузинскаго.—Зима подъ Карсомъ.—Сдача крѣпости.—Милостивыя слова Императора.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава. Стр.

Рисунки:

1) Переправа черезъ Араксъ.
2) Форма обмундированія 1855 года.
3) Планъ г. Карса и укрѣпленнаго лагеря турецкой арміи.
4) Сдача Карса.
5) Домикъ главнокомандующаго въ Владикарсѣ.

VII. Опять на Сулакской линіи. 101

(1856). Зимняя стоянка въ Елизаветполѣ. — Прибытіе 1-го дивизіона.— Трагическій случай во время пребыванія его въ Кахетіи.—Полковая жизнь въ Елизаветполѣ.—Приготовленія къ новому походу.—Заключеніе мира и роспускъ дѣйствующаго корпуса.—Коренное измѣненіе въ обмундированіи Нижегородскаго полка.—Раздѣленіе его на два полка—Нижегородскій и Сѣверскій.—Формированіе этихъ полковъ въ Царскихъ Колодцахъ—Походъ въ Чиръ-Юртъ, и оригинальный случай въ Дербентѣ.—Встрѣча съ княземъ Барятинскимъ.—Возвращеніе въ Чиръ-Юртъ.—Исторія съ Каррадини.—Трагическая смерть графа Менгдена.—Первые дни пребыванія полка въ Чиръ-Юртѣ.—Начало военныхъ дѣйствій.

Рисунки:

1) Холмъ чести.
2) Форма обмундированія 1856 года.
3) Смерть барона Менгдена

VIII. Начало покоренія Чечни 115

(1856—1857). Начало покоренія Чечни.—Вырубка Маіорнутскаго орѣшника.— Уничтоженіе лѣсовъ по Гудермесу.—2-й періодъ экспедиціи между Аргуномъ, Мичикомъ и Басомъ.—3-й походъ.—Занятіе Шалинской поляны, вырубка новыхъ и расчистка старыхъ просѣкъ.—Окончаніе зимней экспедиціи.— Награды.—Торжественная встрѣча князя Барятинскаго.—Праздникъ у Кабардинцевъ.—Рекогносцировка Ауха.—2-й дивизіонъ на Хоби-шавдонскихъ высотахъ.—Тревоги въ Чиръ-Юртѣ.—Блистательное дѣло 3-го дивизіона на Шеншерекскомъ перевалѣ.

Рисунки:

1) Кишень-Аухъ.
2) Зимняя Чеченская экспедиція.
3) Землянка Ермолова въ Грозной.

IX. Въ горахъ и на плоскости. 129

(1857—1858). 2-й дивизіонъ на Хоби-Шавдонѣ.—Стычка въ Качкалыковскомъ лѣсу.—Начало военныхъ дѣйствій зимою 1857 года.—Драгуны въ дѣлѣ у Курчулъ-аула.—Занятіе Ауха.—Горячій бой 3-го эскадрона у сел. Каме.— Набѣгъ на Зондакъ.—Движеніе къ верховьямъ Хулхулау и въ трущобы Хозы-Шавдона для выселенія горцевъ.—Печальныя недоразумѣнія, вызвавшія энергическую защиту драгунъ со стороны Мусы-Кундухова.— Зимовыя квартиры въ Грозной и Алханъ-Юртѣ.—Трагическая смерть юнкера Авалдова.—Драгуны въ Аргунскомъ ущельѣ.—Возвращеніе на плоскость и защита Аргунской линіи.—Тревога на Гойтенъ-юртѣ.—Молодецкая атака драгунъ на неосѣдланныхъ коняхъ.—Возмущеніе Назрана.—Походъ къ Галашевцамъ.—Новая тревога на плоскости, и спѣшное возвращеніе драгунъ въ Ассинскую станицу.

Рисунки:

1) Станица Алханъ-юртская.
2) Эпизодъ изъ дѣла 20-го мая 1858 года.
3) Переходъ въ Нагорной Чечнѣ.

Глава. Стр.

X. Кавалерійскій бой подъ Ачхоемъ. 143

(1858). На позиціи передъ ущельемъ Нэтхоя.—«Шамиль идетъ».—Выступленіе отряда.—Что видѣли драгуны на пути къ Ачхою.—Нижегородцы одни передъ цѣлымъ скопищемъ Шамиля.—Жестокій кавалерійскій бой на полянѣ.—Смерть Мирошникова.—Зловѣщій сигналъ отступленія.—Князь Амилахвари передъ фронтомъ 4-го эскадрона.—Новый кавалерійскій бой и пораженіе горцевъ.—Унтеръ-офицеръ Шиловъ.—Помощь, поданная драгунамъ.—Разсѣявшіяся мечты Ачхоя и Гази-юрта.—Ночь послѣ побѣды.—Незаслуженный упрекъ Евдокимова. — Письмо Алтухова. — Приказъ князя Дондукова. — Заключеніе.

Рисунки:

1) Ачхоевскій бой.
2) Мюридъ съ наибскимъ значкомъ. (Съ рисунка Горшельдта).
3) Смерть вахмистра Мирошникова.

XI. Послѣдніе дни командованія князя Дондукова. 155

(1858). Послѣ Ачхоевскаго дѣла.—Походъ къ Галашевцамъ и Ингушамъ.—Новое вторженіе Шамиля.—Форсированный маршъ Нижегородскаго дивизіона къ Назрану.—Бой у Акі-Юрта.—Наступившее затишье.—Печальный эпизодъ, послѣдствіемъ котораго является сдача полка княземъ Дондуковымъ.—Переписка его съ Д. А. Милютинымъ.—Путешествіе по Кавказу великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей.—Пріемъ полка графомъ Ностицомъ.—Прощальный приказъ князя Дондукова.—Александръ Дюма посѣщаетъ Чиръ-Юртъ.—Проводы князя.—Воспоминанія, сохранившіяся о внутренней жизни полка въ то время.—Шашка—подарокъ полка князю Дондукову.

Рисунки:

1) Станица Акі-Юртъ.
2) Полковой образъ, пожертвованный княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ.
3) Домъ князя Дондукова въ Чиръ-Юртѣ. (Съ рисунка, доставленнаго кн. Дондуковымъ).
4) Типы мирныхъ горцевъ. (Съ акварели Коррадини).

Приложенія къ VII тому.

1) Императоръ Николай I (въ эпоху Крымской войны).
2) Атака 3-го дивизіона подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ.
3) Князь Дондуковъ-Корсаковъ.
4) Сраженіе при Кюрюкъ-Дара (съ картины Рубо).
5) Лагерь Нижегородскаго полка въ Бозгалахъ.
6) Портреты старыхъ Нижегородцевъ.
7) Типы Нижегородцевъ (съ рисунка Коррадини) акварель.
8) Типы Нижегородцевъ (съ рисунка Коррадини) акварель.
9) Ачхоевскій бой.

ИСТОРІЯ
44-го Драгунскаго Нижегородскаго полка.

Въѣздъ въ городъ Владикавказъ. (Съ картины кн. Гагарина).

I.

На границѣ Азіятской Турціи.

(1853 г.).

Манифестъ 14-го іюля.—Вызовъ князя Чавчавадзе въ Тифлисъ.—Приготовленіе полка къ походу.—Выступленіе изъ Чиръ-Юрта.—Празднества въ Тифлисѣ.—Дальнѣйшій походъ въ Александрополь.—Генералъ Багговутъ.—Первая тревога.—Занятіе нами Баяндура.—Баяндурскій бой.—Отдѣльные его эпизоды.—Прибытіе Бебутова на мѣсто битвы.—Отступленіе турокъ.—Большія потери.—Значеніе Баяндурскаго боя.—Награды за Баяндуръ.—Объявленіе войны и переходъ границы.

14-го іюля 1853 года манифестъ императора Николая I-го возвѣстилъ о занятіи нашими войсками Придунайскихъ княжествъ. Резуль-

таты такого рѣшительнаго шага съ нашей стороны предвидѣть было не трудно:—война, и война съ цѣлой европейскою коализаціею становилась неизбѣжною. И тѣмъ не менѣе тайны кабинетовъ скрыты были такъ глубоко, что многіе государственные люди, въ числѣ которыхъ былъ и тогдашній кавказскій намѣстникъ, не допускали возможности общей европейской войны,—а война стояла на порогѣ отечества.

Князь Воронцовъ былъ уже старъ; ему было 72 года. Все бремя тогдашнихъ событій, казалось, тяготѣло на его маститыхъ плечахъ, и онъ съ нескрываемымъ опасеніемъ глядѣлъ въ даль, предвидя, какихъ тяжелыхъ жертвъ потребуетъ война отъ Россіи. Турецкая армія стояла уже въ Карсѣ, а у насъ только что начинали формировать дѣйствующій корпусъ — и формировать его было не легко. Чтобы взять одинъ Нижегородскій полкъ, необходимый на поляхъ Азіятской Турціи, старому намѣстнику пришлось много подумать о томъ, чѣмъ замѣстить его на Сулакѣ, чтобы закрыть, образовавшуюся съ его уходомъ, брешь въ общей оборонительной линіи. Онъ даже не хотѣлъ одинъ рѣшать такого вопроса,—онъ вызвалъ для совѣщаній по этому поводу командира Нижегородскаго полка князя Чавчавадзе.

Князь Воронцовъ проводилъ лѣто по обыкновенію въ Каджарахъ. Тамъ и донынѣ сохраняется тотъ скромный одноэтажный домикъ, окруженный тѣнистымъ садомъ,—теперь значительно запущеннымъ и порѣдѣлымъ, гдѣ князь Воронцовъ въ бесѣдахъ съ княземъ Чавчавадзе рѣшилъ, наконецъ, вызвать драгунъ, а взамѣнъ ихъ отправить въ Чиръ-Юртъ два полка донскихъ казаковъ, взятыхъ съ Кисловодскаго кордона.

Въ Чиръ-Юртѣ весь интересъ полкового общества уже давно сосредоточивался только на политическихъ извѣстіяхъ. Война занимала всѣхъ, и князь Чавчавадзе не успѣлъ выйти изъ своей дорожной коляски, какъ молва о походѣ разнеслась по Чиръ-Юрту. Оставалось только подождать офиціальнаго извѣстія, — и оно не заставило ожидать себя долго. Въ половинѣ сентября пришло предписаніе—приготовить полкъ къ выступленію на турецкую границу въ полномъ составѣ, и взять съ собою дополнительные ряды и весь багажъ 3-го дивизіона, находившагося на Лезгинской кордонной линіи; князь Аргутинскій извѣщалъ при этомъ, что 3-й дивизіонъ изъ Закаталъ уже направленъ прямо въ Александрополь ([1]).

Въ Чиръ-Юртѣ въ это время только отошли покосы. Какъ всегда

послѣ утомительныхъ работъ, больныхъ въ полку было много, болѣе двухсотъ человѣкъ—и полныхъ 15-ти рядовъ не набиралось. Чавчавадзе, обходя лазареты, говорилъ больнымъ: «Ребята! мы идемъ въ походъ. Великій грѣхъ отставать отъ святыхъ штандартовъ. Что скажутъ, если мы, Нижегородцы, явимся не съ полными рядами». «Идемъ, всѣ идемъ, ваше сіятельство!» восторженно отвѣчали больные,—и въ тотъ же день лазаретъ опустѣлъ; въ немъ осталось только девять человѣкъ, которыхъ болѣзнь приковала къ постелямъ (2).

29-го сентября на полковомъ плацу отслуженъ былъ напутственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Проводы не отличались ни торжественностію, ни задушевностью, такъ какъ провожать было некому: полкъ выступилъ весь, въ полномъ составѣ, и въ Чиръ-Юртѣ оставались только инвалидная рота, да 11-й эскадронъ, разбившіеся по работамъ еще до восхода солнца. Только населеніе слободокъ и проводило эскадроны вплоть до плашкоутнаго моста, который драгуны перешли съ пѣснями и бубнами. Не у одного человѣка сердце стѣснилось томительною тоскою. Какъ ни печальна была штабъ-квартира, но драгуны все же привыкли къ ней и смотрѣли на нее, какъ на свою дорогую родину. Многіе изъ нихъ видѣли ее въ послѣдній разъ утромъ 29-го сентября, когда съ благоговѣніемъ молились на плацу передъ полковымъ аналоемъ. Напутственный молебенъ былъ для нихъ и отходною молитвой (3).

Съ уходомъ драгунъ Чиръ-Юртъ опустѣлъ; вѣчная сутолока и шумъ смѣнились въ немъ мертвой тишиной, и жизнь замкнулась въ слишкомъ однообразныя, черезчуръ уже скучныя формы. А полкъ длинною сверкающею лентою тянулся между тѣмъ по Кумыкской плоскости. Въ хвостѣ его ѣхала коляска, въ которой сидѣли два офицера: князь Чавчавадзе и князь Амилахвари, не успѣвшіе еще оправиться отъ ранъ, полученныхъ ими въ послѣднемъ дѣлѣ на Сулакѣ. Густая пыль, длиннымъ облакомъ тянувшаяся за полкомъ, безпокоила раненыхъ офицеровъ, и они приказали свернуть на верхнюю дорогу, которая шла мимо кустарника и всегда считалась опасной. Здѣсь и теперь скрывалась засада. Кучеръ первый замѣтилъ въ кустахъ мелькнувшую папаху, и, повернувъ тройку назадъ, вихремъ помчался къ арьергарду. Горцы пустились было въ погоню, но въ полку опасное положеніе офицеровъ было замѣчено вовремя, и на встрѣчу партіи уже скакалъ полуэскадронъ пикинеровъ. Горцы въ одно мгновеніе окунулись въ балку и скрылись въ предгоріяхъ Ауха.

На линіи, въ Щедринской станицѣ, къ полку присоединилась Донская № 7-го казачья батарея полковника Долотина, которая не разставалась съ нимъ уже до окончанія турецкой войны. Миновавъ Грозную, станицы Сунженскихъ Казовъ и Владикавказъ, полкъ перевалилъ черезъ горы и 20-го октября прибылъ въ Тифлисъ.

Князь Воронцовъ былъ въ это время боленъ; но онъ пересилилъ болѣзнь и встрѣтилъ полкъ верхомъ на Головинскомъ проспектѣ, вмѣстѣ со всѣми тифлисскими жителями. Разсказываютъ, что когда намѣстникъ подъѣхалъ къ полку, на встрѣчу ему грянуло ура! и во всѣхъ эскадронахъ заревѣли пѣсенники съ бубнами и литаврами (4). Это было до такой степени неожиданно, до того оригинально, что многіе изъ свиты намѣстника смутились и растерялись, но самъ онъ, продолжая ѣхать по фронту, спокойно и добродушно улыбался: онъ одинъ понималъ это вырвавшееся наружу чувство, и давалъ ему настоящую цѣну. На слѣдующій день городъ, на каравансарайской площади, угощалъ весь полкъ обѣдомъ, приготовленнымъ на широкую руку. Грузины, въ избыткѣ патріотическихъ чувствъ, тѣснились кругомъ и братались съ драгунами. Самъ князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, назначенный командиромъ дѣйствующаго корпуса, обходилъ столы и, указывая на бѣлый крестъ, висѣвшій у него на шеѣ, напоминалъ драгунамъ о славномъ Кутишинскомъ боѣ.

Въ тотъ же день всѣ офицеры полка приглашены были однимъ изъ тифлисскихъ гражданъ, Веримановымъ, на обѣдъ въ залъ дворянскаго собранія, помѣщавшійся на мѣстѣ нынѣшняго кавказскаго музея. Передъ самымъ обѣдомъ прибылъ генералъ отъ кавалеріи Реадъ, и въ короткой рѣчи высказалъ, что присутствуетъ здѣсь отъ имени князя-намѣстника, который поручилъ ему выразить глубокое сожалѣніе, что болѣзнь не позволяетъ ему лично провести этотъ день вмѣстѣ съ драгунами. Обѣдъ, съ воспоминаніями о прошломъ, съ мечтами о будущемъ, съ застольными рѣчами, произносимыми графомъ Соллогубомъ, длился долго, и только вечеромъ гости и хозяева вспомнили, что ихъ ожидаетъ еще спектакль, который намѣстникъ приказалъ дать въ честь Нижегородскаго полка. Театръ въ этотъ день представлялъ, дѣйствительно, оригинальное зрѣлище. Весь партеръ занятъ былъ офицерами; а въ стульяхъ, ложахъ и въ райкѣ помѣщались солдаты. Повсюду виднѣлись мужественныя лица, повсюду красовались нижегородскіе мундиры съ ихъ характерными газырями, блестѣли кованные драгунскіе эполеты. Давали одно

дѣйствіе изъ итальянской оперы «Лючія» и русскій водевиль. Сперва на лицахъ драгунъ, никогда не видѣвшихъ театральной залы, выражалось изумленіе, но скоро и они увлеклись представленіемъ; ихъ загрубѣлый слухъ, привыкшій только къ реву тулумбаса, къ гудѣнію рожка и звону тарелокъ, поддался обаятельному вліянію музыкальныхъ мелодій. Двѣ первоклассныя звѣзды тогдашней итальянской оперы, г. Сансони и M-me Раффи вызвали даже ихъ шумное одобреніе; но восторгъ вышелъ изъ всякихъ границъ, когда извѣстная актриса Яблочкина въ русскомъ водевилѣ, послѣ куплетовъ о Москвѣ, подошла къ рампѣ и вмѣсто обычныхъ словъ:

Ахъ, во снѣ и наяву
Все мечтаю про Москву
Бѣлокаменную

неожиданно запѣла:

А другой-то край у насъ,
Нашъ воинственный Кавказъ,
Грозный старецъ боевой,—
Онъ Россіи часовой.

Онъ не дремлетъ на часахъ,
Горцамъ онъ внушаетъ страхъ;
И на турокъ онъ готовъ—
Только кликнетъ казаковъ
Да драгуновъ молодцовъ!

Да, прекрасенъ край у насъ,
Нашъ воинственный Кавказъ!
Ай-люли, люли, люли —
Охраняющій Кавказъ
Русь православную.

Эфектъ, произведенный этими стихами, выразился громомъ рукоплесканій, и Яблочкину заставили повторить куплеты нѣсколько разъ; ее вызывали, ей бросали букеты (5).

Такъ окончился въ Тифлисѣ день, окрещенный въ народѣ названіемъ «Драгунскаго дня». Въ свою очередь и Нижегородцы долго поминали его на своихъ бивуачныхъ стоянкахъ, а водевильный куплетъ пре-

вратился въ полковую пѣсню, и слышали равнины и горы Арменіи про грознаго старца, стоящаго на часахъ Россіи.

Думали ли Нижегородцы, возвращаясь изъ этого театра, что не пройдетъ и 12 дней, какъ полкъ будетъ уже въ жестокомъ огнѣ, и къ старымъ преданіямъ прибавитъ новые и свѣжіе лавры.

Еще драгуны стояли въ Тифлисѣ, какъ на высотахъ между Суботанью и Огузлами, верстахъ въ 14 отъ нашей границы, забѣлѣли палатки 40-тысячнаго турецкаго корпуса, находившагося подъ начальствомъ мушира Абди-паши. Турецкая конница рыскала подъ самыми стѣнами Александропольской крѣпости и грабила наши селенія; на нашихъ мельницахъ, и наше зерно османлы мололи для своихъ лавашей; армянское населеніе, сидѣвшее по Арпачаю, или бѣжало или было вырѣзано. Извѣстія объ этихъ неистовствахъ заставили двинуть Нижегородскій полкъ изъ Тифлиса уже форсированнымъ маршемъ, и онъ прошелъ въ Александрополь кратчайшею дорогою черезъ Безобдалъ.

При вступленіи въ городъ полкъ встрѣтилъ генералъ-адъютантъ князь Барятинскій, привѣтствовавшій Нижегородцевъ, какъ старыхъ своихъ кунаковъ по Кумыкской плоскости. Здѣсь же драгуны увидѣли впервые начальника кавалеріи генерала Багговута—человѣка безусловно храбраго и энергичнаго. Такъ какъ начинавшаяся кампанія доставила ему впослѣдствіи честь считаться въ рядахъ Нижегородскаго полка въ память славныхъ побѣдъ, одержанныхъ Нижегородцами подъ его начальствомъ, то будетъ не лишнимъ ознакомиться съ его прошлою жизнью и дѣятельностью.

Александръ Федоровичъ Багговутъ былъ роднымъ племянникомъ извѣстнаго въ русской военной исторіи генерала Багговута, убитаго подъ Тарутинымъ. Онъ началъ службу въ гвардіи, въ Московскомъ полку, и съ однимъ изъ его батальоновъ сдѣлалъ персидскую кампанію. Подъ Джеванъ-Булахомъ, присланный Паскевичемъ съ какимъ-то приказаніемъ въ Нижегородскій полкъ, онъ участвовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ знаменитой атакѣ, когда было взято персидское знамя,—и теперь, по прошествіи 26 лѣтъ, встрѣтилъ въ томъ же полку одного изъ старыхъ соратниковъ—князя Чавчавадзе, котораго зналъ отважнымъ и пылкимъ юношею. Во время польской кампаніи 1831 года Багговутъ, по недостатку артиллерійскихъ офицеровъ, былъ прикомандированъ къ батареѣ гвардейской гренадерской артиллерійской бригады, и командовалъ четырьмя орудіями.

Генералъ Багговутъ.

Въ сраженіи подъ Гроховымъ, когда наши войска атаковали Ольховую рощу, онъ былъ контуженъ ядромъ и раненъ картечью въ лѣвую ногу. Не отходя отъ батареи, онъ приказалъ сдѣлать себѣ перевязку; но она еще не окончилась, какъ новая рана въ голову положила его замертво. Багговута сочли убитымъ и оставили на полѣ сраженія. Вѣрный денщикъ его отправился, однакоже, ночью на поиски, и при тускломъ свѣтѣ фонаря нашелъ его лежавшимъ среди груды тѣлъ, съ едва замѣтными признаками жизни. Денщикъ поднялъ его и перенесъ въ ближайшую корчму. Докторъ, осмотрѣвшій Багговута, нашелъ, что у него была расколота затылочная кость, и вдоль черепа образовалась такая глубокая трещина, сквозь которую виденъ былъ мозгъ. Рана казалась безусловно смертельною, но Багговутъ выздоровѣлъ, благодаря блестящей операціи, которую сдѣлалъ ему молодой, но весьма искусный медикъ Шлегель, присланный главнокомандующимъ: онъ удалилъ поврежденныя части мозга и разбитыя кости, а затѣмъ расколотый черепъ скрѣпилъ серебряной пластинкой, которую Багговутъ прикрывалъ сверху черною головною повязкой. Императоръ Николай пожаловалъ ему за Гроховское дѣло орденъ св. Анны 2-й ст., произвелъ въ штабсъ-капитаны и перевелъ тѣмъ же чиномъ въ гвардейскую конную артиллерію. Впослѣдствіи Багговутъ командовалъ Украинскимъ уланскимъ полкомъ, а затѣмъ гусарскою бригадой 2-й кавалерійской дивизіи. Подъ его-то начальствомъ въ венгерскую войну и прославился гусарскій Ольги Николаевны полкъ своими блестящими атаками подъ Эперіесомъ и Туромъ. Затѣмъ съ 1852 года онъ былъ назначенъ состоять при отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ. Багговутъ отличался вѣрнымъ военнымъ взглядомъ, отвагой и рѣшимостью характера. Послѣднее качество преобладало, пожалуй, надъ другими, и особенно рельефно выразилось въ одномъ эпизодѣ его жизни. Однажды, во время венгерской кампаніи, когда онъ ѣхалъ впереди своей бригады, въ сторонѣ послышались отчаянные крики. Онъ оглянулся и увидѣлъ, что четверка лошадей несла коляску, въ которой сидѣли его жена и сынъ, прямо къ оврагу; кучеръ свалился, возжи волочились по землѣ... Въ одинъ моментъ Багговутъ бросился на перерѣзъ и направилъ своего коня прямо на дышло экипажа. Столкновеніе произошло ужасное. Верховой конь Багговута былъ убитъ на повалъ, но трупъ его задержалъ бѣгъ лошадей и остановилъ коляску. Самъ Багговутъ, выбитый изъ сѣдла, отброшенъ былъ на нѣсколько саженъ, и поднятъ

безъ чувствъ. Таковъ былъ начальникъ кавалеріи дѣйствующаго корпуса, подъ команду котораго становился теперь Нижегородскій полкъ (6).

Еще не успѣли драгуны расположиться на новомъ бивуакѣ и разсѣдлать лошадей, какъ въ главномъ лагерѣ уже ударили тревогу. 3-й дивизіонъ Нижегородскаго полка поскакалъ къ Баяндуру, но скоро вернулся назадъ съ печальнымъ извѣстіемъ о пораженіи линейцевъ. Высланная въ тотъ день на развѣдки Кубанская сотня наткнулась на огромныя толпы курдовъ и башибузуковъ, охватившихъ ее выше мельницы Ванеца. При ней былъ офицеръ, незнакомый съ обычаемъ кавказцевъ спѣшиваться въ трудныхъ обстоятельствахъ; казаки не получили позволенія сбатовать коней, не устояли и почти всѣ были истреблены. Драгуны выскочили за Ванецову мельницу, но курды и башибузуки были уже за Арпачаемъ, и намъ оставалось только подобрать тѣла своихъ порубленныхъ. Если бы сотня спѣшилась, драгуны выручили бы ее черезъ самое короткое время,—и пораженія бы не случилось (7).

Чтобы положить конецъ неистовствамъ башибузуковъ, князь Бебутовъ рѣшилъ занять Баяндуръ большею частью Александропольскаго корпуса и поручилъ этотъ отрядъ генералъ-маіору князю Илико Орбеліани. 2-го ноября Орбеліани повелъ изъ Александрополя семь батальоновъ пѣхоты, два дивизіона Нижегородскаго полка (2-й и 5-й), двѣ пѣшія и одну конную батареи; за ними потянулся огромный обозъ подъ прикрытіемъ татарской милиціи. Война еще не была объявлена, а потому не только открытый рѣшительный бой съ главными турецкими силами, но даже простое появленіе ихъ въ нашихъ предѣлахъ считалось невозможнымъ. Войска шли безъ всякихъ предосторожностей.

А между тѣмъ въ это самое время уже весь турецкій корпусъ перешелъ Арпачай и стоялъ на нашей землѣ въ тѣхъ самыхъ Баяндурахъ, куда направлялись и мы. И вотъ, какъ только наши войска стали подходить къ селенію, вдругъ грянулъ по нимъ залпъ сорока-орудійной батареи, и вслѣдъ затѣмъ на всѣхъ высотахъ, окружавшихъ деревню, разомъ выдвинулось турецкое войско; здѣсь было тысячъ сорокъ пѣхоты и конницы. Наши войска остановились въ полномъ недоумѣніи. Подъ цѣлою тучей артиллерійскихъ снарядовъ, крестившихъ воздухъ буквально по всѣмъ направленіямъ, рядами падали солдаты. Что было дѣлать? Атаковать сорока-тысячную армію, стоявшую на крѣпкой позиціи, даже такому человѣку, какъ Орбеліани, показалось невозможнымъ. Отступить—

2

значило бы сразу подорвать наши нравственныя силы и поднять непріятельскія. При такихъ условіяхъ рѣшили ждать, пока турецкая армія сама не спустится къ намъ съ высотъ, а до тѣхъ поръ стоять и умирать съ достоинствомъ. Князь Орбеліани тотчасъ послалъ извѣстить Бебутова о своемъ положеніи, а самъ развернулъ войска и началъ артиллерійскій бой. 16 русскихъ орудій открыли канонаду; имъ отвѣчали сорокъ четыре турецкихъ. Непривычные къ такому артиллерійскому огню, наши кавказцы сначала озадачились. Но это мимолетное чувство скоро прошло. Они «обтерпѣлись», какъ выражались сами солдаты. «Умирать, братцы, все равно, что отъ ядра, что отъ пули», порѣшилъ одинъ старый егерь—и Куринскій батальонъ вызвалъ даже пѣсенниковъ ([8]).

А снаряды падаютъ все гуще и гуще. Турки учащаютъ огонь до послѣдней крайности. Нѣтъ выхода изъ страшнаго убійственнаго положенія. Гибнутъ люди, но гибнутъ безропотно, не сдавая мѣста. Экзаменъ кавказскимъ войскамъ былъ заданъ трудный,—и они выдержали его съ честью.

До сумерокъ гремѣла канонада. Но турецкая армія не рѣшалась спуститься съ высотъ, чтобы раздавить эту горсть безумно-храбрыхъ людей, и только огромныя толпы ихъ конницы, обскакавъ нашъ правый флангъ, вдругъ понеслись къ обозу. Татарская милиція князя Мамуки съ дикимъ ревомъ обратилась въ бѣгство; покинутая ею сотня донцовъ одна не могла удержать напора,—и курды ворвались въ обозъ. Но это было только на одно мгновеніе. Донской есаулъ Кульгачевъ первый выскочилъ впередъ съ своими орудіями, а за нимъ на мѣсто катастрофы уже неслись пикинерные эскадроны Нижегородскаго полка съ полковникомъ Тихоцкимъ.

Въ первый разъ драгуны увидѣли здѣсь эту типичную восточную конницу, — высокіе тюрбаны, гремучія пики, убранныя страусовыми перьями, бѣшеную скачку курдовъ. Но они не поддались этому впечатлѣнію; они ударили съ такою рѣшимостью, что тысячи всадниковъ осадили передъ двумя эскадронами, а тутъ подоспѣлъ и маіоръ Моллеръ со 2-мъ дивизіономъ. Бой пошелъ одиночный.

Въ преданіяхъ полка и теперь еще живетъ разсказъ о молодецкомъ подвигѣ рядового 10-го эскадрона Перебейноса, находившагося въ обозѣ при офицерскихъ вещахъ. Онъ былъ верхомъ и держалъ въ поводу вьючную офицерскую лошадь. Двѣ куртинскія пики пробили его панта-

леръ, сорвали карабинъ и сильнымъ толчкомъ сбили его съ лошади. Но, падая, Перебейносъ не выпустилъ изъ рукъ повода; онъ быстро вскочилъ на ноги, и ловкимъ ударомъ пики свалилъ обоихъ противниковъ. Сѣсть на коня опять онъ уже не успѣлъ и пѣшкомъ защищалъ офицерскій вьюкъ отъ цѣлой толпы башибузуковъ. Его выручили пикинеры (9).

Въ другомъ мѣстѣ толпа куртинъ наскакала на повозку, которою правилъ артельщикъ 10-го эскадрона Федоръ Кузнецовъ. Нѣсколько куртинскихъ пикъ боднули его, и одна, скользнувши по лицу, вышибла передніе зубы. Кузнецовъ залился кровью, но моментально вскинулъ къ плечу карабинъ и выстрѣлилъ. Молодой куртинъ, въ богатой, расшитой золотомъ курткѣ, нападавшій впереди другихъ, распростерся мертвымъ у самой телѣги; остальные отхлынули. Кузнецовъ быстро зарядилъ карабинъ, и отстоялъ повозку (10).

А тамъ, въ сторонѣ отъ обоза, посреди чистаго поля, идетъ богатырская схватка одинъ на одинъ. Прапорщикъ Вихманъ, только что срубившій одного куртина, уже схватился съ другимъ, человѣкомъ колоссальныхъ размѣровъ. Вихманъ успѣлъ отпарировать пику, и она только насквозь пробила его разстегнутую шубку и въ ней запуталась. Вихманъ схватился за копье обѣими руками. Два противника оспаривали другъ у друга право владѣть этимъ оружіемъ. Унтеръ-офицеръ 9-го эскадрона Харьковскій, подскочившій на помощь къ офицеру, ударилъ куртина шашкой; отъ этого удара только взвизгнулъ панцырь, защищавшій грудь и плечи наѣздника, и шашечный клинокъ разлетѣлся вдребезги. Видя, однако, что копье попало въ мощныя руки юноши, куртинъ выпустилъ его изъ рукъ, но въ тотъ моментъ, какъ онъ намѣревался выхватить саблю, Вихманъ нанесъ ему смертельный ударъ его же собственною пикой. Оружіе и конь убитаго достались побѣдителю (11).

Отбитые отъ обоза, курды понеслись назадъ и скрылись за пѣхотой. «Вотъ, братцы, заговорятъ о насъ въ Тифлисѣ-то», передавали другъ другу драгуны, шагомъ возвращаясь къ своему вагенбургу,—и мысли ихъ переносились отъ этого страшнаго поля въ далекій городъ, въ залитую огнями театральную залу.

Было уже темно, когда вдали послышался бой барабановъ: это князь Бебутовъ велъ свои послѣднія силы—три батальона, шесть эскадроновъ и девять сотенъ казаковъ съ батареею. Позади его, въ Александрополѣ, уже не оставалось ничего.

А въ городѣ, во все продолженіе этого боя, царилъ невыразимый ужасъ. Всѣ лавки и дома были заперты; въ церквахъ совершались молебствія; что имѣло больше духа, вооружалось и собиралось на площадь. Вдругъ въ городъ ворвалась татарская милиція князя Мамуки, бѣжавшая съ поля сраженія, и съ крикомъ: «Русскихъ бьютъ, спасайся кто можетъ!» кинулась грабить лавки. Тревога, безпорядокъ и паника охватили все населеніе. Нашлись, однако, храбрые армяне, которые не позволили грабить себя и ругаться надъ своими женами безнаказанно. Болѣе 10 татаръ было перебито мирными гражданами Александрополя, а остальные съ позоромъ выгнаны изъ города.

Между тѣмъ князь Бебутовъ, подвигаясь впередъ, заходилъ во флангъ непріятелю. Какъ только турки замѣтили это опасное для нихъ движеніе, канонада съ ихъ стороны стала ослабѣвать, и мало по малу прекратилась. Замолчали и русскія пушки. Могильная тишина водворилась тамъ, гдѣ земля стонала и тряслась отъ орудійнаго грома. Турецкая армія въ порядкѣ, но быстро переправлялась обратно за Арпачай. Когда князь Бебутовъ подошелъ къ Баяндуру, въ этомъ разоренномъ селеніи не оставалось ни одного непріятельскаго всадника.

Обагренное русскою кровью, Баяндурское поле осталось за нами, но изъ русскихъ рядовъ выбыло болѣе восьмисотъ человѣкъ, и двѣ батареи приведены въ совершенное разстройство: лошади перебиты, упряжь уничтожена, лафеты повреждены ([12]).

Баяндурскій бой вызываетъ до сихъ поръ строгую критику со стороны военныхъ историковъ, которые сводятъ всѣ свои порицанія на безцѣльную потерю въ немъ нѣсколькихъ сотенъ человѣческихъ жизней. Но если правы и они съ своей точки зрѣнія, если невозможно не сожалѣть о человѣческихъ жертвахъ, то правъ и тотъ старый кавказецъ, который сказалъ: «Прекрасенъ Божій міръ, а умирать надо. Умирать надо, чтобы отечество жило... Но когда всѣ полюбятъ жизнь болѣе всего на свѣтѣ, и жертвы отдѣльныхъ существованій оскудѣютъ, тогда придетъ смерть отечеству, и самобытный народъ сдѣлается рабомъ другого народа, не столько животолюбиваго, какъ онъ. Останется народъ, но не будетъ уже отечества» ([13]). И Баяндурскій бой принадлежитъ именно къ тѣмъ, на которые нужно смотрѣть не съ точки зрѣнія формальной тактики, а со стороны его нравственнаго значенія, не съ точки зрѣнія единичнаго момента, когда безропотно гибли русскіе люди, а со стороны

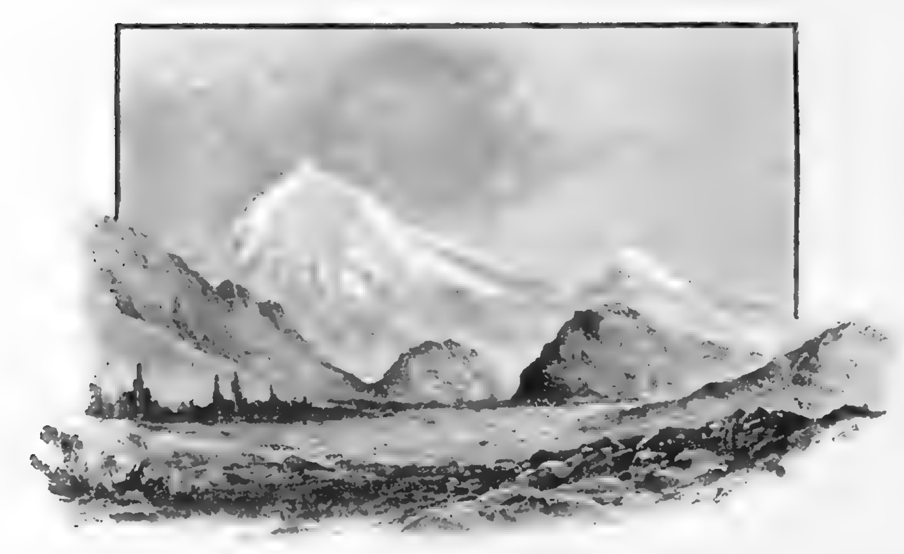
того вліянія, которое онъ оказалъ на судьбу двухъ послѣдующихъ кампаній. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣла на него старая, современная ему Кавказская армія, умѣвшая одерживать побѣды, которымъ изумлялась Россія.

Вліяніе Баяндурскаго боя на всѣ дальнѣйшія событія было громадно. Онъ былъ преддверіемъ двухъ колоссальныхъ битвъ—Башъ-Кадыкъ Лара и Кюрюкъ-Дара, и эти чисто суворовскія побѣды были, можно сказать, простымъ послѣдствіемъ его и какъ бы его продолженіемъ. Въ этомъ смыслѣ Баяндуръ далъ кавказскимъ войскамъ хорошій урокъ; онъ далъ имъ то, чего имъ недоставало,—крещеніе артиллерійскимъ огнемъ. И зрѣлище горсти людей, умѣвшей, говоря словами народнаго поэта: «подъ грозой роковой—назадъ шагу не дать», это зрѣлище должно было поразить изумленіемъ и страхомъ нашихъ противниковъ. Мы видимъ, дѣйствительно, что сильная численностію турецкая армія, пораженная не оружіемъ, а нравственною мощью человѣческаго духа, не осмѣлилась остаться въ русскихъ предѣлахъ: она перешла границу обратно, и тѣ селенія и города, которымъ быть можетъ предстояло испить до дна кровавую чашу, были спасены отъ плѣна и разоренія.

Баяндурскій бой доставилъ и Нижегородцамъ первыя награды: подполковникъ Тихоцкій и маіоръ Кашинскій получили золотыя шашки, капитаны: Познякъ и Суриновъ, штабсъ-капитаны: графъ Менгденъ, Ямбржиковскій и прапорщикъ Покатиловъ—ордена св. Анны 3 ст. съ бантомъ, поручики: Тарновскій, Мамуловъ и Кусаковъ—Анну 4 ст.; штабъ-лекарь Пшездецкій—орденъ св. Анны 2 ст. съ короною; затѣмъ маіору Моллеру объявлено Монаршее благоволеніе, штабсъ-капитанъ Моисѣевъ произведенъ въ капитаны, прапорщики: Вихманъ, Чуйкинъ и Ушаковъ—въ поручики, а юнкера: Эгазе, князь Амилахвари, князь Абашидзе и Тавкежевъ—въ прапорщики. Нижнимъ чинамъ назначено 6 знаковъ отличія Военнаго ордена, и всѣмъ—по рублю серебромъ ([14]).

Подъ яркимъ впечатлѣніемъ только что выдержаннаго боя на поляхъ Баяндура, вернулись наши войска въ Александрополь, гдѣ помѣщалась тогда главная квартира дѣйствующаго корпуса. Фактически военныя дѣйствія уже начались, а манифеста о войнѣ еще не было. Состояніе войскъ и народа было до крайности напряженное, смутное—никто не зналъ, что будетъ. Но вотъ 6-го ноября манифестъ былъ полученъ, и война стала совершившимся фактомъ.

Прошло нѣсколько дней. Лазутчики передавали тревожные слухи, что непріятель намѣренъ, обойдя Александропольскую крѣпость, итти кратчайшей дорогой на Тифлисъ, и что огромныя силы его уже потянулись къ Ахалцыху. Нужно было подумать—что дѣлать? 12-го ноября собрался военный совѣтъ, на который, въ числѣ другихъ генераловъ, былъ приглашенъ и командиръ Нижегородскаго полка князь Чавчавадзе. На этомъ совѣщаніи рѣшено было немедленно начать наступленіе.

Араратъ.

Старинная церковь
близъ
Башъ-Кадыкъ-Лара.

II.

Башъ-Кадыкъ-Ларскій бой.

(1853 г.).

Переходъ дѣйствующаго корпуса за Арпачай.—Общее настроеніе въ русскихъ войскахъ.—Стоянка у Башъ-Шурагеля.—Стычка у дер. Иланлы, и внезапная встрѣча съ турецкою арміею.—Рѣшеніе князя Бебутова атаковать непріятеля.—Переправа черезъ Карсъ-чай.—Башъ-кадыкъ-ларское поле.—Боевой порядокъ русскаго корпуса.—Гренадерская бригада атакуетъ большую турецкую батарею.—Внезапное появленіе Нижегородцевъ въ тылу непріятеля.—Разгромъ турецкой пѣхоты и взятіе ими большой батареи.—Преслѣдованіе непріятеля и захватъ турецкаго лагеря.—Блистательныя дѣйствія Нижегородцевъ на правомъ флангѣ нашей позиціи у Караяла.—Князь Ясонъ Чавчавадзе въ Башъ-кадыкъ-ларскомъ бою.—Характерное донесеніе его о подвигахъ Нижегородцевъ.

14-го ноября 1853 года весь дѣйствующій корпусъ, въ числѣ восьми съ половиной тысячъ, перешелъ Арпачай, и, сдѣлавъ 17 верстъ по

турецкой землѣ, остановился у Перевали. Это была бѣдная армянская деревушка, носившая явные слѣды недавняго посѣщенія курдовъ. Старый священникъ въ чалмѣ и ветхой нанковой ризѣ, съ евангеліемъ, на потемнѣвшей крышкѣ котораго чуть-чуть блестѣло серебряное распятіе, встрѣтилъ наши войска, въ сопровожденіи двухъ-трехъ такихъ же стариковъ, какъ самъ; но жителей при немъ не было. Деревня имѣла такой опустошенный видъ, что казалась покинутой своими обитателями. Это обстоятельство и послужило быть можетъ къ нѣкоторымъ безпорядкамъ, такъ какъ войска бросились разбирать ее на дрова. Въ солдатахъ уже сказалось то характерное настроеніе, которое всегда предшествуетъ битвамъ. Князь Бебутовъ тотчасъ приказалъ прекратить безпорядки. Они прекратились, но ночью случился другой эпизодъ, весьма любопытный, который еще рельефнѣе выразилъ все то же характерное настроеніе войска. Огромный буйволъ забрелъ въ драгунскую коновязь, перепугалъ лошадей, и самъ перепугался до того, что, какъ бѣшеный, началъ метаться по лагерю. Тогда унтеръ-офицеръ 8-го эскадрона Василенко бросился къ разсвирѣпѣвшему животному, и однимъ взмахомъ шашки отнесъ ему голову. Это былъ ударъ самъ по себѣ богатырскій, но теперь обстоятельство это показалось всѣмъ почему-то необыкновенно знаменательнымъ въ виду предстоявшихъ событій, которыя могли потребовать и силы мышцъ, и ловкости, и доброй, на диво отточенной шашки. Отрубленную голову показали князю Бебутову, и онъ, подъ тѣмъ же самымъ настроеніемъ, подарилъ Василенкѣ червонецъ (1).

Погода стояла ненастная; дулъ рѣзкій вѣтеръ, падали хлопья мокраго снѣга. Въ Карской области начиналась зима. По свѣдѣніямъ, которыя имѣлъ князь Бебутовъ, турецкая армія уже думала о зимнихъ квартирахъ, и отступала къ Карсу. Намъ не зачѣмъ было далеко углубляться въ турецкую землю, и войска, отодвинувшись назадъ, остановились у Башъ-Шурагеля.

Но какъ только русскіе остановились,—остановились и турки. Собственно говоря, никакихъ точныхъ свѣдѣній о положеніи турецкой арміи въ главной квартирѣ у насъ не было, и близость непріятеля была обнаружена случайно. 17-го ноября посланы были колонны на фуражировку къ дер. Иланлы, и на одну изъ этихъ-то командъ, изъ ста человѣкъ пѣшихъ Нижегородскихъ драгунъ, внезапно напала турецкая кавалерія. Драгуны, подъ командой поручика князя Амилахвари, не дали, однако,

захватить себя врасплохъ; они быстро составили каре изъ своихъ повозокъ и стали отбиваться ружейнымъ огнемъ. На помощь къ нимъ прискакалъ изъ лагеря драгунскій эскадронъ, подошли два батальона пѣхоты и собрались всѣ фуражировочныя команды. Кавалерія тотчасъ исчезла. Тогда генералъ Кишинскій, принявъ начальство надъ собранными здѣсь войсками, самъ перешелъ Карсъ-чай—и вдругъ остановился: передъ нимъ на высотахъ Башъ-Кадыкъ-Лара стояла лагеремъ вся турецкая армія (2). Какъ только извѣстіе объ этомъ получено было въ лагерѣ, князь Бебутовъ рѣшилъ атаковать непріятеля.

Весь слѣдующій день прошелъ въ приготовленіяхъ. Къ вечеру 18-го ноября всѣ лишнія тяжести отправлены были въ Александрополь, и войскамъ приказано налегкѣ готовиться къ ночному движенію. Куда пойдутъ—не знали; о предстоящемъ боѣ никто не объявлялъ, и тѣмъ не менѣе всѣ были убѣждены, что наступавшій день долженъ былъ рѣшить судьбу цѣлой кампаніи.

19-го ноября, когда войска подошли къ Перевали, свѣжее утро стало переходить въ теплый и ясный осенній день, какіе въ столь позднее время года рѣдко случаются на возвышенной мѣстности Армянскаго плоскогорья. Отъ Перевали до Башъ-Кадыкъ-Лара только шесть верстъ, а турки между тѣмъ совсѣмъ не ожидали нападенія. Не допуская мысли, чтобы слабый отрядъ Бебутова осмѣлился атаковать анатолійскую армію, главнокомандующій ея Абди-паша на самомъ разсвѣтѣ уѣхалъ въ Карсъ распорядиться расположеніемъ своихъ войскъ на зимовыя квартиры. Онъ считалъ кампанію оконченной, и намѣревался до весны ограничить военныя дѣйствія только частными набѣгами курдовъ. Уѣзжая, онъ поручилъ армію Рейсъ-Ахмету пашѣ и приказалъ ему въ тотъ же день отодвинуться къ Хаджи-Вали, верстъ на 12 ближе къ Карсу. Но въ 9 часовъ утра, когда турки стояли еще на прежней позиціи, Ахметъ-пашѣ дали знать, что русскіе переправляются черезъ Карсъ-чай. Извѣстіе это его изумило. Онъ приказалъ готовить веревки, чтобы вязать плѣнныхъ и, вопреки приказаніямъ, рѣшился принять сраженіе (3).

Русскіе между тѣмъ перешли Карсъ-чай, и съ высокаго берега его открылась передъ ихъ глазами обширная равнина, окаймленная со всѣхъ сторонъ горами. Прямо, за небольшой лощиной, стоялъ Караялъ. Вдали синѣли Саганлугскія горы, вершины которыхъ осень очертила уже своими снѣжными полосами. А еще лѣвѣе, уже позади нашихъ войскъ,

на совершенно безоблачномъ небѣ сверкали снѣга Алагеза и вставалъ громадный снѣговой шатеръ Арарата. Библейскою древностью, и языческою стариною вѣяло отъ этой классической горы, и тутъ уже не сорокъ, а можетъ быть четыреста вѣковъ смотрѣли на насъ съ его холодной вершины. На этой равнинѣ, холмистой и изрѣзанной оврагами, почти параллельно пути, по которому шли русскія войска, въ глубокомъ оврагѣ бѣжала рѣчка Маврикъ-чай, а за ней возвышался рядъ холмовъ, скрывавшихъ за собою бѣдную деревушку Башъ-Кадыкъ-Ларъ,—имя, которому суждено было стать историческимъ. На переднемъ планѣ, уже по сю сторону рѣчки, расположились верстахъ въ трехъ другъ отъ друга двѣ деревни: лѣвѣе Гамза-Кирякъ, а вправо—Огузлы, съ огромнымъ каменнымъ соборомъ, который издали одинъ только и виденъ, какъ колоссъ, поставленный сторожить равнину. Въ этихъ селеніяхъ, за ними, и между ними, по высокому берегу оврага стояли густыя толпы непріятельской конницы. Всѣ глаза невольно обратились на эти массы, которыя ежеминутно росли и ширились, какъ грозовая туча, постепенно захватывающая весь горизонтъ. За этими толпами скоро сверкнули штыки,—это шли пѣхотныя колонны. Турецкая армія, съ распущенными знаменами, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, выдвигалась на окраину Башъ-кадыкъ-ларской возвышенности.

Передъ нами обрисовался теперь весь боевой фронтъ непріятельской арміи. Центръ ея занималъ Огузлы, отъ котораго турецкіе батальоны тянулись влѣво почти до самаго Гамза-Киряка. Огузлинскій соборъ былъ сильно занятъ штуцерными. Массы непріятельской конницы около Гамза-Киряка составляли правый флангъ непріятеля; лѣвое крыло его протянулось отъ Огузловъ почти до Караяла. Русскіе между тѣмъ спустились въ долину, зашли правымъ плечомъ и стали лицомъ къ непріятелю. Караялъ остался теперь вправо, и даже въ тылу отряда. Пѣхота наша построилась въ боевой порядокъ: въ первой линіи, подъ командой генералъ-маіора Кишинскаго, стали два батальона Ширванскаго полка, батальонъ Куринцевъ, сводный батальонъ кавказскихъ стрѣлковъ и саперъ, и двѣ батареи. Вторую линію составили два батальона Эриванскаго и два батальона Грузинскаго полковъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Багратіона-Мухранскаго. Въ это время къ начальнику кавалеріи подскакалъ ординарецъ. «Князь Бебутовъ—передалъ онъ:—желаетъ, чтобы кавалерія стала на флангахъ».—«Князь!» обратился тогда Багговутъ къ

командиру Нижегородскаго полка Чавчавадзе—«насъ здѣсь два генерала который флангъ вы изберете?» «Мнѣ все равно», отвѣчалъ Чавчавадзе.— «Въ такомъ случаѣ берите правый, а я возьму лѣвый» (4).

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ

ПРИ ДЕРЕВНѢ БАШЪ-КАДЫКЪ-ЛАРЪ.

Кавалерія раздѣлилась.

Три дивизіона Нижегородскаго полка, 1-й, 2-й и 5-й (пикинерный),

двѣ сотни линейныхъ казаковъ и четыре донскія орудія образовали правый, а два дивизіона, 3-й и 4-й, семь сотенъ линейцевъ и также четыре орудія—лѣвый флангъ нашей боевой позиціи. Такимъ образомъ нашъ центръ состоялъ изъ одной пѣхоты, а фланги изъ одной кавалеріи. Правымъ командовалъ князь Чавчавадзе, лѣвымъ—генералъ Багговутъ. Два батальона Эриванскаго полка, Донской казачій полкъ и остальная батарея остались въ прикрытіи обоза, и составили общій резервъ.

Было 11 часовъ утра, когда русскіе двинулись брать Огузлы. Обѣ стороны сходились въ полномъ порядкѣ, мѣрно, спокойно, точно на простомъ ученьи; не было ни ружейнаго, ни пушечнаго огня. Разстояніе между ними было уже менѣе пушечнаго выстрѣла, а на боевомъ полѣ слышна была только музыка. Но вотъ на лѣвомъ флангѣ грянула первая пушка. Турки отвѣтили залпомъ, и канонада разгорѣлась. Только теперь у насъ явилась возможность опредѣлить расположеніе непріятельской артиллеріи. Оказалось неожиданно, что далеко влѣво, почти у Гамза-Киряка, только за рѣчкой и оврагомъ, стояла сильная 24-хъ орудійная батарея. Если бы мы продолжали итти на Огузлы,—она засыпала бы насъ фланговымъ огнемъ. Положеніе вдругъ становится крайне опаснымъ. Атака Огузловъ была отмѣнена; первой линіи, также какъ подъ Баяндуромъ, приказано держаться на мѣстѣ подъ артиллерійскимъ огнемъ, а второй выдвинуться влѣво, и атаковать грозную батарею, дававшую непріятелю всѣ шансы къ побѣдѣ.

Весь центръ тяжести сраженія сразу передвинулся къ правому турецкому флангу.

Гренадерская бригада вышла изъ-за первой линіи, и подъ глухіе раскаты барабаннаго боя двинулась къ оврагу. Генералъ князь Багратіонъ-Мухранскій ѣхалъ во главѣ эриванскихъ, а князь Илико Орбеліани во главѣ грузинскихъ батальоновъ. Оба они, молодые и пылкіе, были героями этого дня, но одному изъ нихъ суждено было вернуться увѣнчанному славой, а другому погибнуть на зарѣ своей прекрасной, такъ много обѣщавшей жизни.

Засыпаемыя гранатами, колонны перешли страшное поле, и, спустившись въ оврагъ, закрытый отъ выстрѣловъ, пріостановились. Генералы одни поднялись на возвышенность съ цѣлью оріентироваться въ той мѣстности, по которой имъ предстояло итти. Страшная батарея вся была передъ ними. Они ясно увидѣли, что она расположена была на

двухъ уступахъ: на нижнемъ, ближайшемъ къ намъ, стояло шесть орудій; далѣе шла небольшая сѣдловина, а за нею, по верхнему уступу, виднѣлись грозныя жерлы восемнадцати пушекъ. Рѣшено было сразу напасть на оба уступа. И въ то время, какъ Эриванцы атакуютъ нижнюю батарею, Грузинцы войдутъ въ сѣдловину и возьмутъ во флангъ—большую. Полки раздѣлились.

Подъ убійственнымъ огнемъ, неся огромныя потери, подвигаются Эриванцы въ гору. Оба батальонные и почти всѣ ротные командиры ихъ выбыли изъ строя; знамя прострѣлено въ девяти мѣстахъ. Знаменщики мѣняются одинъ за другимъ, а батальоны, устилая своими тѣлами крутые скаты холма, поднимаются все выше и выше. Вотъ они уже на самомъ гребнѣ. Четыре турецкіе батальона, прикрывавшіе нижнюю батарею, кидаются на встрѣчу къ Эриванцамъ. Минутная, но страшная рукопашная схватка—и всѣ шесть орудій взяты карабинерами. Надъ нижнею батареею уже развѣвается сломанное, изстрѣленное, истрепанное эриванское знамя.

Но это только половина задачи. Турки начинаютъ теперь поражать Эриванцевъ убійственнымъ огнемъ съ верхней площадки. Эриванцы держатся, но имъ нужна помощь.

Какъ разъ въ эту минуту показались Грузинцы. Но они появились совсѣмъ не съ той стороны, откуда ихъ ожидали: они идутъ не въ сѣдловину, а прямо въ лобъ главной батареи. Все также безтрепетно идутъ ихъ батальоны, все также, какъ прежде, впереди ихъ молодой Орбеліани; но онъ уже съ подвязанной рукою; онъ раненъ—и только не хочетъ оставить своихъ гренадеръ, пока не окончится битва. Турки видятъ опасность, и на встрѣчу къ Грузинцамъ выдвигаютъ резервы:—тамъ собрано до 15 тысячъ штыковъ. Страшно было видѣть, какъ горсть нашихъ людей шла атаковать такія огромныя силы.

Но гренадеры дошли до батареи, вскочили на гребень,—и здѣсь столкнулись со всею массою турецкой пѣхоты. Никто не отдалъ бы себѣ отчета что произошло въ эту минуту. Князь Орбеліани упалъ, прострѣленный пулею въ грудь, батальоны его не удержались, были сброшены внизъ и очутились за оврагомъ. Князь Бебутовъ, находившійся недалеко отъ мѣста катастрофы, самъ бросился на встрѣчу къ батальонамъ; одушевилъ ихъ, и снова повелъ на батарею.

А батарея уже опять атакована Эриванцами. Они кинулись было на

помощь къ Грузинцамъ, и теперь остались одни. Турки увидѣли передъ собой опять только два батальона—и двинули противъ нихъ восемнадцать. Эти огромныя силы располагаются по самой окраинѣ плато, и стерегутъ Эриванцевъ. Эриванцы останавливаются и залетаютъ подъ гребнемъ. Итти впередъ невозможно. Это былъ самый критическій, самый страшный моментъ Башъ-кадыкъ-ларскаго боя. Тихо стало на полѣ сраженія. Турецкая пѣхота заслонила свои орудія, и они замолчали... И вдругъ, среди зловѣщей тишины, тамъ, гдѣ-то въ тылу турецкихъ батальоновъ, загремѣло ура!..

То были Нижегородскіе драгуны.

Весь ходъ сраженія мгновенно измѣнился.

Теперь мы должны нѣсколько воротиться назадъ, чтобы сказать о дѣйствіи Нижегородцевъ до этого момента. Когда 3-й и 4-й дивизіоны ихъ развернулись на лѣвомъ флангѣ, деревня Гамза-Кирякъ оказалась не занятою турками. Донской артиллеристъ Кульгачевъ тотчасъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, вскочилъ на высоту съ своими орудіями и, очутившись на флангѣ турецкой пѣхоты, отдѣленной отъ насъ, впрочемъ, глубокимъ оврагомъ, сдѣлалъ первый пушечный выстрѣлъ. Этотъ выстрѣлъ взорвалъ непріятельскій зарядный ящикъ. Турки тотчасъ направили огонь въ нашу сторону, и, надо сказать, что огонь этотъ былъ чрезвычайно мѣтокъ. Первое турецкое ядро снесло голову трубачу Нижегородскаго полка Степану Мещеренкѣ, стоявшему рядомъ съ дивизіонеромъ подполковникомъ Шульцемъ (5). Это была первая жертва Башъ-кадыкъ-ларскаго боя, первая кровь, пролитая въ этотъ историческій день Нижегородцами; вторымъ выстрѣломъ былъ убитъ юнкеръ Яблонскій; при третьемъ—граната разорвала на части лошадь поручика Алвадова. Онъ самъ былъ сильно контуженъ, но тотчасъ пересѣлъ на другого коня. Нога сильно опухла. Ему посовѣтовали отправиться на перевязку. «Стыдно, сказалъ онъ, итти на перевязочный пунктъ съ опухшей ногою, когда рядомъ будутъ лежать люди съ оторванными ногами и руками» (6). Такъ онъ и остался до конца во фронтѣ. Замѣтивъ удачное дѣйствіе своей артиллеріи, нѣсколько тысячъ курдовъ ринулись отнимать у насъ высоту и потѣснили казаковъ. Камковъ прислалъ за помощью. 3-й и 4-й дивизіоны Нижегородцевъ по очередно выносились впередъ, чтобы не дать пошатнуться казакамъ; но курды каждый разъ уклонялись отъ схватки съ драгунами, и красныя куртки ихъ мгновенно исчезали за

Башъ-Кадыкъ-Ларское сраженіе (съ кар

оврагомъ. Какъ разъ въ это самое время начиналась атака на большую батарею, и съ высотъ, гдѣ стояли драгуны, было видно все, что происходило въ центрѣ сраженія. Боевая опытность Багговута подсказала ему всю важность наступившаго момента, и онъ, не обращая уже вниманія на курдовъ, рѣшилъ вести свою кавалерію на помощь къ гренадерамъ. Багговутъ, конечно, понималъ ту страшную отвѣтственность, которую принималъ на себя въ этомъ рискованномъ предпріятіи, но его рѣшимость потому и заслуживаетъ вниманія, что была основана на глубокомъ пониманіи духовныхъ, нравственныхъ силъ своихъ подчиненныхъ. Подъ его начальствомъ была кавалерія, съ которою можно было предпринимать и дѣлать все, что угодно.

Чрезвычайно просто, но характерно говоритъ объ этомъ эпизодѣ Нижегородская пѣсня:

А чтобъ пушки не вредили,
Насъ драгунъ въ обходъ пустили,
Чтобы ихъ отнять,—

И отняли.

Подъ страшнымъ картечнымъ огнемъ, открытымъ турецкою батареею черезъ головы своей пѣхоты, драгуны спустились въ оврагъ и стали вытягиваться справа повзводно. Во главѣ пошелъ 7-й эскадронъ, капитана князя Чавчавадзе.

Крутые берега оврага заслонили между тѣмъ боевое поле, и снизу можно было видѣть только черные клубы дыма, поднимавшагося къ небу. Теперь ни туркамъ не было видно драгунъ, ни драгунамъ не было видно, что дѣлается за этимъ докучнымъ гребнемъ, гдѣ только слышенъ бой барабановъ, да раскатами гремѣли ружейные залпы. Орудія смолкли; должно быть, турецкая пѣхота, готовая принять Эриванцевъ въ штыки, заслонила ихъ собою... А дорога все тянется въ гору... И вдругъ на самомъ подъемѣ, какъ разъ надъ головами драгунъ, развертывается турецкій уланскій полкъ. Подполковникъ Шульцъ и князь Чавчавадзе, ѣхавшіе впереди, насчитали шесть эскадроновъ, стоявшихъ въ стройномъ порядкѣ, съ опущенными внизъ пиками. Драгунамъ легче было атаковать въ гору, чѣмъ уланамъ подъ гору, и 7-й эскадронъ тронулся рысью. Уланы заѣхали кругомъ и стали отходить тоже на полныхъ рысяхъ. Чавчавадзе скомандовалъ «шагомъ». Первая мысль, которая при-

шла ему въ голову, была та, что уланы нарочно отходятъ назадъ, чтобы дать мѣсто своему разгону, и затѣмъ стремительнымъ ударомъ сбросить Нижегородцевъ въ тотъ моментъ, когда они покажутся на гребнѣ. Горсть нашихъ всадниковъ очевидно не удержалась бы подъ ударомъ цѣлаго полка, и тогда катастрофа стала бы неизбѣжной. Чавчавадзе выскочилъ на гору одинъ,—и остановился въ изумленіи: уланъ уже не было видно, но онъ самъ стоялъ въ какихъ-нибудь 30—40 шагахъ въ тылу цѣлой линіи турецкихъ батальоновъ, вниманіе которыхъ приковано было къ гребню, гдѣ притаились Эриванцы. Моментъ былъ чрезвычайно благопріятный;—ударить ловко было, какъ изъ засады. Опасаясь привлечь вниманіе непріятеля, Чавчавадзе спустился внизъ, тихо подалъ команду, и 7-й эскадронъ разомъ вынесся изъ оврага (7). Въ это же самое время вдругъ появились и донскія орудія съ отважнымъ есауломъ Кульгачевымъ. Онъ перескочилъ съ ними изрытый, каменистый оврагъ напрямикъ, безъ всякихъ дорогъ, и своимъ появленіемъ изумилъ даже драгунъ. Лихіе артиллеристы сбросили орудія съ передковъ на пистолетный выстрѣлъ отъ батальоновъ, и дали картечный залпъ. За этимъ залпомъ 7-й эскадронъ съ налета врѣзался въ пѣхоту; вслѣдъ за нимъ налетѣлъ и 8-й. Началась ужасная рубка,—даже сосѣдніе батальоны дрогнули и шарахнулись назадъ. Это и былъ тотъ моментъ, котораго съ такою тревогой ждали Эриванцы. Изъ рядовъ ихъ полетѣли вверхъ шапки, грянуло ура!—и они кинулись на непріятеля съ фронта. Паника овладѣла турками. И нападающіе и бѣгущіе перемѣшались теперь въ ожесточенной битвѣ. Капитанъ Чавчавадзе съ рукою на перевязи (онъ былъ раненъ на Кумыкской плоскости и не могъ вынуть шашки) очутился вдвоемъ съ своимъ ординарцемъ Слѣпужниковымъ среди цѣлаго непріятельскаго батальона. Турецкіе солдаты тѣснили и толкали его лошадь со всѣхъ сторонъ. Слѣпужниковъ поторопился заслонить своего командира, и рубилъ направо и налѣво, расчищая ему дорогу. Наконецъ онъ выбился изъ силъ и опустилъ шашку. «Что же ты сталъ?» крикнулъ ему Чавчавадзе.—Не могу больше, усталъ—отвѣчалъ Слѣпужниковъ (8).

Въ другомъ мѣстѣ турецкій офицеръ въ упоръ выстрѣлилъ въ поручика князя Амилахвари. Пуля попала въ ухо коню; бѣлый конь его взвился на дыбы и рухнулъ, опрокинувъ на землю и Амилахвари, и турецкаго офицера. Оба они вскочили однако разомъ, и разомъ выстрѣлили изъ пистолетовъ: турокъ далъ промахъ, а Амилахвари поло-

жилъ противника на мѣстѣ. Очутившись одинъ и пѣшкомъ посреди турецкаго батальона, онъ такъ и бѣжалъ вмѣстѣ съ турецкими солдатами, пока ему не удалось наконецъ выскочить къ сторонѣ большой батареи (9).

Но батареи на старомъ мѣстѣ уже не было. Среди общаго смятенія, покинувъ на позиціи нѣсколько орудій, она быстро взялась на передки, и поскакала назадъ. Князь Чавчавадзе съ 7-мъ эскадрономъ пустился въ погоню. Турецкая батарея, вся на сѣрыхъ лошадяхъ, уходила полнымъ карьеромъ, но видя, что драгуны близко, вдругъ снялась съ передковъ и дала залпъ картечью. Но драгуны были уже на батареѣ. Турецкіе артиллеристы, сбѣжавшіеся въ кучки, защищались банниками, шашками, всѣмъ, что попадало подъ руку; но спасенія не было. Первымъ бросился на нихъ штабсъ-капитанъ Григоровичъ. Турецкій фейерверкеръ поспѣшно оторвалъ отъ картуза ядро, и ударомъ по головѣ сбилъ Григоровича съ лошади. За Григоровичемъ кинулся прапорщикъ Андреевъ—ударъ банникомъ по лицу опрокинулъ его вмѣстѣ съ конемъ. Началась общая свалка. Въ эту минуту подоспѣлъ и 8-й эскадронъ; командиръ его капитанъ Калмыковъ былъ раненъ саблей, и мѣсто его передъ фронтомъ занялъ тоже раненый поручикъ Аваловъ. Артиллеристы наконецъ были изрублены, и вся батарея осталась въ рукахъ Нижегородцевъ (10).

На долю 3-го дивизіона досталось между тѣмъ вынести также не менѣе упорную и тяжелую схватку съ пѣхотою. Онъ шелъ позади 4-го, и едва вскочилъ на плато, какъ столкнулся лицомъ къ лицу съ двумя батальонами, отступавшими уже со второго гребня, но отступавшими, посреди общаго смятенія, спокойно и въ порядкѣ; при нихъ были и два полевыя орудія. Турки тотчасъ свернулись въ каре, и встрѣтили драгунъ батальнымъ огнемъ. Надо же было случиться, чтобы какъ разъ въ этотъ самый моментъ большая батарея, настигнутая княземъ Чавчавадзе, дала свой послѣдній залпъ, и картечь, пронесясь безвредно надъ головами 4-го дивизіона, ударила въ третій. Повалились люди и лошади. Тутъ получили смертельныя раны: командиръ 6-го эскадрона штабсъ-капитанъ Симашкевичъ, поручикъ Реннеръ и прапорщикъ Гемпель. Тогда маіоръ Петровъ во главѣ своихъ эскадроновъ кинулся впередъ и врубился въ каре. Лошадь подъ нимъ была буквально истерзана штыками, но самъ онъ остался невредимъ—подоспѣвшіе драгуны выручили его. Батальоны были изрублены, оба орудія взяты (11). Генералъ Багговутъ въѣхалъ въ разбитое каре вмѣстѣ съ драгунами.

А между тѣмъ на полѣ сраженія появляются свѣжія турецкія силы. Стройно выносятся уланы, чтобы прикрыть бѣгущую пѣхоту, а за ними двигаются два батальона низама съ четырьмя орудіями. Подполковникъ Шульцъ поспѣшно собираетъ и строитъ 8-й эскадронъ, а князь Чавчавадзе съ 7-мъ—уже несется на встрѣчу уланамъ. Уланы дали тылъ. Рядовой 7-го эскадрона Григорій Озеровъ врѣзался, однако, въ ихъ толпы и получилъ 24 раны. Его сочли убитымъ и бросили на полѣ сраженія. Между тѣмъ на помощь къ намъ подходитъ весь 3-й дивизіонъ, и скачетъ Кульгачевъ съ своими орудіями. Послѣдній опять выносится впередъ, и почти въ упоръ осыпаетъ картечью турецкіе батальоны. Пользуясь этой минутой, драгуны бросаются въ атаку: они рубятъ таборы, опрокидываютъ ихъ, топчутъ и гонятъ ([12]). Но этимъ разгромомъ еще не оканчивается для турокъ роковой исходъ Башъ-кадыкъ-ларскаго боя. Въ лицо бѣгущимъ толпамъ вдругъ заскакиваютъ семь сотенъ линейныхъ казаковъ. Они перешли оврагъ лѣвѣе Гамза-Киряка, прогнали турецкую конницу и поспѣли еще къ кровавой работѣ драгунъ. Пораженіе непріятеля на лѣвомъ флангѣ было полное и страшное. Поляна, въ двѣ версты длиною, умостилась, какъ говоритъ очевидецъ, турецкими трупами. Напряженіе борьбы и ожесточеніе солдатъ сказались между прочимъ и въ тяжкихъ ударахъ, которые драгуны наносили непріятелю. Турецкія тѣла, разбросанныя по полю, представляли собой ужасающій видъ: кому досталось по лицу, у того снесено полчерепа, по плечу,—такъ шашка останавливалась между ребрами другого бока, попадались отрубленныя головы, перебитыя кости, отдѣленныя отъ туловища руки и ноги ([13])...

Преслѣдуя бѣгущихъ, кавалерія Багговута вдругъ увидѣла въ сторонѣ отъ поля сраженія огромный лагерь. Вся лощина подъ горою была уставлена палатками; тамъ былъ весь запасный паркъ турецкой арміи, ея продовольствіе, снаряженіе, ея имущество. Непріятельскій станъ, съ его развѣвавшимися еще значками и пестрыми палатками, былъ пустъ и мертвенно недвижимъ. Кавалерія повернула въ лагерь, и въ немъ остановилась.

Пораженіе турокъ на лѣвомъ флангѣ сдѣлало неизбѣжнымъ и пораженіе ихъ центра. Какъ только большая батарея была взята и первая линія наша освободилась отъ ея огня, Кишинскій двинулся впередъ и Огузлы взяты были имъ штурмомъ.

Оставался теперь одинъ не опредѣлившійся еще пунктъ боя,—это

правый флангъ русскаго корпуса. Тамъ стояли, какъ мы знаемъ, три дивизіона Нижегородскаго полка, двѣ казачьи сотни и четыре орудія, подъ командой генералъ-маіора князя Ясона Чавчавадзе. И ему, князю Чавчавадзе, сраженіе при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ быть можетъ болѣе всего обязано своимъ блестящимъ исходомъ.

Едва бой загорѣлся въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ, какъ противъ небольшого кавалерійскаго отряда Чавчавадзе изъ-за предгорій Караяла стали выдвигаться огромныя массы турецкой пѣхоты и конницы. Ихъ численность превосходила весь русскій корпусъ ([14]). Если бы эти силы отбросили шесть слабыхъ эскадроновъ,—они очутились бы въ тылу нашихъ войскъ, и поставили бы ихъ въ положеніе не только критическое, но въ полномъ смыслѣ слова безвыходное. Доблесть Нижегородскаго полка сдѣлала невозможнымъ подобные результаты. Надо сказать, что между нами и непріятелемъ лежалъ глубокій оврагъ, который тянулся отъ огузлинскихъ полей почти перпендикулярно къ нашей позиціи и терялся въ предгоріяхъ Караяла. Черезъ него, невдалекѣ отъ этой горы, проходила дорога, и здѣсь-то, на этомъ именно пунктѣ, должно было разыграться сраженіе. Густыя колонны турецкой пѣхоты и конницы, предшествуемыя курдами, быстро шли къ переправѣ. Два эскадрона турецкихъ карабинеръ на сѣрыхъ лошадяхъ первые перешли оврагъ и, оттѣснивъ казаковъ, раскинули цѣпь. За ними шла бригада уланъ (12 эскадроновъ), а далѣе шесть батальоновъ съ цѣлою батареею. Наступалъ страшный моментъ столкновенія. Подавить эту массу, по крайней мѣрѣ въ 12 разъ превосходившую насъ числомъ, конечно, было нельзя, но остановить ее нужно было во что бы то ни стало. И князь Чавчавадзе искусно выбралъ тотъ моментъ, когда турецкая конница, перейдя оврагъ, заслонила свою пѣхоту. Четыре орудія тотчасъ дали по ней картечный залпъ, и 1-й дивизіонъ, маіора Барковскаго, ринулся въ атаку. Два полка уланъ, застигнутые во время перестроенія, не успѣли развернуться и были опрокинуты на свою же пѣхоту. Барковскій кинулся въ ея интервалы, смялъ нѣсколько батальоновъ, и продолжалъ рубить убѣгавшихъ уланъ. Въ общей суматохѣ турецкая пѣхота открыла бѣшеный огонь во всѣ стороны, и буквально затонула въ клубахъ порохового дыма. Чавчавадзе быстро сообразилъ всю выгоду такого положенія. Батарея опять дала залпъ, и самъ Чавчавадзе, во главѣ четырехъ эскадроновъ, кинулся на пѣхоту. Въ тотъ же моментъ

Атака 3-го дивизіона подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ.

Барковскій, покинувъ уланъ, повернулъ назадъ, и налетѣлъ на пѣхоту съ тыла. Драгуны, опрокидывая батальонъ на батальонъ, смѣшали всѣхъ въ одну кучу, и 1-й дивизіонъ изъ самой линіи турокъ вырвалъ два непріятельскія орудія. Лафетъ одного изъ нихъ былъ выкрашенъ красною краской. Это и была та знаменитая «красная пушка», на которой красовалась надпись, что она пожалована султаномъ въ знакъ особой милости къ Анатолійской арміи ([15]).

«Отброшенные за оврагъ,—доносилъ князь Чавчавадзе:—турки послѣ этого еще пять разъ пытались перейти въ наступленіе; но всякій разъ, пользуясь той минутой, когда уланы закрывали свои орудія, я атаковалъ и ихъ, и пѣхоту, и, благодаря храбрости Нижегородскихъ драгунъ, успѣвалъ приводить и тѣхъ и другихъ въ разстройство. Задача, возложенная на меня, прикрыть нашъ корпусъ отъ обхода, была мною исполнена» ([16]).

Въ третьемъ часу пополудни бой совершенно окончился. Лѣвый флангъ турокъ прекратилъ наступленіе и, повернувъ назадъ, скрылся за Караяломъ. Кавалерія наша его не преслѣдовала,—она была слишкомъ измучена и понесла слишкомъ большія потери. Особенно много пролито было на этихъ поляхъ Нижегородской крови. Здѣсь получилъ смертельную рану командиръ 10 эскадрона капитанъ Кусаковъ; здѣсь были ранены: Кузьминъ-Караваевъ, Покатиловъ, Кашаевъ и Вихманъ. Послѣдняго, раненнаго двумя сабельными и тремя штыковыми ударами, едва успѣли вырвать изъ рукъ турокъ, которые его окружили. Самъ старый князь Чавчавадзе все время находился въ огнѣ, и лично водилъ эскадроны; на его же долю выпалъ замѣчательный случай, выказавшій, что подъ его сѣдинами скрывался все тотъ же пылкій и неукротимый юноша, какимъ онъ былъ въ Паскевичевскія войны. Во время одной изъ атакъ, въ казачьей батареѣ подъ орудіемъ была убита лошадь; упряжь перепуталась, и орудіе стало. Это случилось въ нѣсколькихъ шагахъ отъ турецкихъ солдатъ, которые кинулись и захватили пушку. Князь Чавчавадзе замѣтилъ это, когда вырвать эскадроны изъ рукопашной схватки было невозможно. «Драгуны!» крикнулъ онъ своимъ ординарцамъ: «Неужели мы отдадимъ свою пушку!» И эта горсть, состоявшая изъ трехъ, четырехъ человѣкъ, кинулась за нимъ съ такою рѣшимостью, что турки отскочили назадъ, и орудіе было взято обратно ([17]). Изъ подобныхъ эпизодовъ состояло, впрочемъ, и все Башъ-кадыкъ-ларское сраженіе. Чрезвычайно характерно то, что когда императоръ

Николай Павловичъ пожелалъ имѣть описаніе частныхъ случаевъ мужества и особыхъ подвиговъ, оказанныхъ драгунами въ этомъ бою, князь Чавчавадзе донесъ, что никакихъ случаевъ мужества или особыхъ подвиговъ ни имъ, ни эскадронными командирами замѣчено не было» (18).

Генералъ-Маіоръ Князь Чавчавадзе въ бою подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ.

На стоянкѣ въ аулѣ.

III.

Отъ Башъ-Кадыкъ-Лара до Кюрюкъ-Дара.

(1853—1854 г.)

Потери обѣихъ сторонъ въ Башъ-кадыкъ-ларскомъ бою.—Холмъ чести.—Рядовой Озеровъ.—Ночь послѣ побѣды.—Торжественное молебствіе.—Празднества въ Тифлисѣ.—Ола-симфонія.—Награды за Башъ-Кадыкъ-Ларъ.—Памятники Башъ-кадыкъ-ларской битвы въ полку.—Возвращеніе въ Александрополь.—Роспускъ на зимовыя квартиры.—Князь Дондуковъ-Корсаковъ.—Новыя лица въ полку.—Полковая жизнь.—Открытіе кампаніи 1854 года.

Разбитая подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ, турецкая армія бѣжала, оставивъ въ нашихъ рукахъ тридцать орудій, 18 знаменъ, два лагеря,—и только 12 человѣкъ плѣнныхъ. Потеря же ея убитыми простиралась до шести тысячъ человѣкъ. Если бы у насъ былъ только одинъ свѣжій кавалерійскій полкъ, чтобы преслѣдовать остатки разбитой арміи,—она бы не увезла ни одного орудія, не унесла бы ни одного ружья.

Но и безъ того отъ турецкой арміи оставалось немного. Нужно было видѣть дорогу отъ Башъ-Кадыкъ-Лара до Суботани, какъ видѣли ее наши драгуны на другой день послѣ сраженія, чтобы судить о разстройствѣ турецкой арміи. Какъ за сильно раненымъ звѣремъ можно итти по кровавому слѣду, такъ и наши передовые отряды шли до Суботани по трупамъ и брошеннымъ вещамъ, загромоздившимъ дорогу въ такомъ количествѣ, что во многихъ мѣстахъ артиллерія не могла проѣхать. Не только нельзя было забирать всѣхъ вещей, брошенныхъ бѣгущею арміею, но не было даже довольно рукъ, чтобы жечь и истреблять ихъ. Въ Суботанѣ русскіе взорвали еще цѣлый артиллерійскій паркъ и сожгли зимнее продовольствіе арміи. Что осталось отъ турецкихъ войскъ— осталось нагимъ и голоднымъ.

Не дешево досталась Башъ-кадыкъ-ларская побѣда и русскому войску. Изъ девятитысячнаго корпуса выбыло 57 офицеровъ и 1200 нижнихъ чиновъ. Одинъ Нижегородскій полкъ потерялъ 13 офицеровъ, 130 драгунъ и 267 лошадей.

Какъ только окончилось сраженіе, всѣ наши убитые нижніе чины снесены были къ Огузлинскому храму и похоронены на славномъ Башъ-кадыкъ-ларскомъ полѣ въ одной общей могилѣ. Тѣла убитыхъ офицеровъ отправили въ Александрополь, и ихъ могилы на высокомъ холмѣ, въ виду Александропольской крѣпости, положили начало славному военному кладбищу, которое и до днесь именуется «Холмъ чести».

Изъ числа раненыхъ обращалъ на себя особое вниманіе рядовой Нижегородскаго полка Григорій Озеровъ, получившій 24 раны. Это былъ еще молодой солдатъ, поступившій на службу въ 1847 году изъ крестьянъ села Ладовой Балки близъ Ставрополя. Когда Бебутовъ въ тотъ же день посѣтилъ лазаретъ, Озеровъ, весь облѣпленный пластырями и забинтованный съ головы до ногъ, сохранилъ еще столько бодрости, что на вопросъ князя: «Ну, что, братъ? теперь въ чистую?» шутливо отвѣтилъ: «Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство: лѣвая рука у меня еще дѣйствуетъ» ([1]).

Несмотря на эти страшныя раны, Озеровъ выздоровѣлъ. Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ ему знакъ отличія Военнаго ордена, произвелъ въ унтеръ-офицеры, уволилъ отъ службы и назначилъ въ единовременное пособіе 300 руб., а затѣмъ пожизненный солдатскій паекъ и пенсіонъ по сту рублей въ годъ. Озеровъ живъ и теперь. Ему уже за

семьдесятъ лѣтъ; живетъ онъ въ Ставрополѣ, въ собственномъ домикѣ, имѣетъ уже взрослыхъ дѣтей, и въ 1888 г., во время путешествія государя императора по Кавказу, имѣлъ счастье представляться ему и императрицѣ въ числѣ прочихъ стариковъ-ветерановъ.

Вечеромъ нельзя было узнать русскаго стана. Мы пришли сюда налегкѣ, наши обозы съ утра отправлены были въ Александрополь, и теперь, въ морозную ноябрьскую ночь, наступившую послѣ дня битвы, вдвойнѣ пріятно было чувствовать себя побѣдителями подъ теплымъ кровомъ турецкихъ зеленыхъ палатокъ; мы ѣли пшеничныя турецкія галеты, покрывались бѣлыми турецкими шинелями; лошади окутаны были турецкими одѣялами и обложены кругомъ турецкимъ ячменемъ. Солдаты были утомлены; прошлая ночь проведена была ими безъ сна, день прошелъ въ необычайномъ напряженіи физическихъ и нравственныхъ силъ. И тѣмъ не менѣе далеко за полночь всюду раздавались радостные голоса и ликованіе побѣдителей.

Въ полковыхъ преданіяхъ до сихъ поръ остались еще разсказы о нѣкоторыхъ эпизодахъ, предшествовавшихъ битвѣ, и, конечно, составлявшихъ предметъ разговоровъ въ эту торжественную ночь послѣ побѣды. Эпизоды эти не имѣли непосредственнаго отношенія къ самой исторіи сраженія, и тѣмъ не менѣе они любопытны, какъ свидѣтельство о внутренней духовной жизни полка, о его вѣрованіяхъ, иногда предразсудкахъ, воспитанныхъ суровою боевою жизнью и вѣчною близостью къ смерти.

Представимъ себѣ бивуакъ на берегу Арпачая, въ виду исторической деревни Башъ-Шурагеля. Около костра, на раскинутомъ коврѣ, сидѣли два генерала: князь Багратіонъ-Мухранскій и князь Чавчавадзе, а около нихъ, къ тому же огоньку, собралось еще нѣсколько офицеровъ; былъ въ числѣ ихъ и унтеръ-офицеръ Гаевскій, разжалованный изъ штабсъ-капитановъ Нижегородскаго же полка еще при Постельсѣ. Распоряженіе, уже переданное всѣмъ о ночномъ походѣ, вызвало, какъ и всегда, общее возбужденіе. Гаевскій замѣтилъ первый, что собесѣдниковъ было 13 человѣкъ, и что завтра одного изъ нихъ, должно быть, не досчитаются. «Ну, братъ, шутя замѣтили ему, — кто считаетъ, того и не досчитаются». Гаевскій смущенный всталъ и вышелъ. Послѣ Башъ-кадыкъ-ларскаго боя опять собрался тотъ же кружокъ, но среди присутствующихъ Гаевскаго не было. Въ смутномъ предчувствіи

послали искать его, и нашли въ Огузлахъ: онъ былъ смертельно раненъ и лежалъ въ агоніи.

Другой эпизодъ.

На тѣхъ же бивуакахъ, въ ту же ночь, въ одной изъ палатокъ, едва-едва озаренной огаркомъ потухавшей свѣчи, сидѣли за походнымъ чайникомъ нѣсколько драгунскихъ офицеровъ: подполковникъ Шульцъ, капитанъ Колмыковъ, два брата Авалдовыхъ и князь Амилахвари.

Князь Амилахвари разсказывалъ странный, вѣщій сонъ, видѣнный имъ только за нѣсколько минутъ до похода; другіе слушали его, смущенные какимъ-то страннымъ, необъяснимымъ чувствомъ. Амилахвари снилось, что идетъ Нижегородскій полкъ, а за полкомъ ведутъ его бѣлаго кабардинскаго коня подъ черной, траурной попоной. И этотъ сонъ наканунѣ сраженія, казался всѣмъ предвѣщающимъ что-то недоброе. Нужно сказать, что лошадь Амилахвари имѣла въ полку свою исторію, и исторію довольно печальную. Она была замѣчательной красоты, вся бѣлая, съ тонкой атласистой кожей, съ нѣжною гривой и съ чолкой, какія бываютъ у лошадей самой чистой крови. Былъ у нея только одинъ недостатокъ,—вихры подъ передними лопатками, а это считается на Кавказѣ дурною примѣтою. Старшій Авалдовъ купилъ ее въ табунахъ Шелоха, но не довелъ до полка, какъ у него перекупилъ ее какой-то казачій урядникъ. Этотъ урядникъ въ первомъ же дѣлѣ былъ убитъ на ней. Лошадь перешла къ командиру Волжскаго казачьяго полка маіору Полозову. Полозовъ выѣхалъ на ней въ памятное Гехинское дѣло 18-го января 1852 года, и былъ, какъ мы знаемъ, изрубленъ вмѣстѣ съ Круковскимъ. Тогда лошадь купилъ Амилахвари. Первое сраженіе,—и Амилахвари получаетъ тяжкую рану, едва не сведшую его въ могилу. Это случилось 31-го августа за Сулакомъ, около Чапчака, всего за три мѣсяца до Башъ-кадыкъ-ларскаго дня. Три случая, быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ, укоренили за конемъ его недобрую славу. И вотъ, теперь, наканунѣ сраженія, этотъ самый конь является въ зловѣщемъ сновидѣніи. Едва ли бы нашелся одинъ, даже совершенно несуевѣрный человѣкъ, который легко отдѣлался бы отъ тяжелаго впечатлѣнія при подобныхъ обстоятельствахъ. Офицеры стали убѣждать Амилахвари не выѣзжать въ битву на этомъ конѣ. Авалдовъ даже предложилъ ему свою лошадь. «Что будетъ, то будетъ», отвѣчалъ Амилахвари: «лучшаго коня въ полку я не найду, а въ дѣло надо выѣзжать на лучшей лошади».

Ночь послѣ побѣды.

Вошедшій вахмистръ доложилъ, что велѣно снимать палатки. Офицеры вышли. Князь Амилахвари молча сѣлъ на бѣлаго коня, перекрестился, и поѣхалъ къ своему 8-му эскадрону. Мы видѣли уже, что бѣлый конь погибъ, и самъ Амилахвари едва-едва не поплатился жизнью. И не одинъ подобный разсказъ волновалъ умы побѣдителей въ эту ночь послѣ фатальной побѣды (2).

На другой день послѣ Башъ-кадыкъ-ларскаго боя, 20-го ноября праздновался день восшествія на престолъ императора Николая Павловича,—и, конечно, во всей Россіи не было торжественнѣе и величественнѣе молебствія, какъ то, которое совершено было въ этотъ день на Башъ-кадыкъ-ларскомъ полѣ. Войска молились въ тѣхъ же самыхъ мундирахъ, въ которыхъ сражались наканунѣ, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были разбиты главныя турецкія силы. И невыразимо трогательно звучали надъ отгремѣвшимъ полемъ слова священника: «И сокруши Богъ—Ему же имя Господь крѣпкій въ браняхъ—высокія твердыни, и расточи гордыя мыслію сердца ихъ»...

Въ Тифлисѣ побѣда праздновалась съ особенною торжественностью. 24 ноября передъ вечеромъ курьерская тройка пронеслась по городу, а за нею скакалъ казакъ и везъ большое красное знамя,—новый трофей, какихъ уже много стоитъ передъ главной гаубтвахтой, смиренно склоняясь передъ побѣдными русскими знаменами. Тройка остановилась у дворца намѣстника. Черезъ нѣсколько минутъ народъ наполнилъ весь Головинскій проспектъ и не было предѣла народному восторгу, когда узнали о Башъ-кадыкъ-ларской побѣдѣ (3).

Нельзя не вспомнить здѣсь оды-симфоніи, написанной по поводу этого дѣла и разыгранной на сценѣ Тифлисскаго театра. Слова принадлежали Соллогубу и Вердеревскому, музыка—Шенингу. Поэзія и музыка соединились вмѣстѣ, чтобы устроить торжество въ пользу храбрыхъ солдатъ, раненыхъ на поляхъ Азіятской Турціи.

Самое убранство театральной залы поражало на этотъ разъ всѣхъ своею неожиданностью. Сцена представляла громадную военную палатку, задняя стѣна которой была задрапирована коврами, а боковыя увѣшаны военными арматурами. Передъ палаткой, у самой балюстрады, почти подъ ногами зрителей, стояли турецкія пушки, пирамидально сложены были ядра, и громоздились турецкіе барабаны и трубы. Когда музыка проиграла увертюру, на сцену вышли артисты всѣхъ четырехъ тифлис-

скихъ труппъ,—и впереди ихъ Арнольди. Онъ началъ декламироваті оду, а музыка въ то же время исполняла симфонію.

(Интродукція на весь оркестръ).

Что отуманился тучами черными
Неба родимаго свѣтлый покровъ?
Кликами зависти шумно-раздорными
Русь пробужденная,—чуетъ враговъ...
Русь встрепенулась: штыками щетинится
Вся—отъ окраинъ до сердца земли;
Ждетъ лишь кто первый на бой съ нею кинется,
Ждетъ не дождется, чтобъ гости пришли...
Милости просимъ!... Толпу безпокойную
Мы и безъ счета согласны принять;
Каждый готовитъ ей встрѣчу достойную,
Кто лишь оружіе въ силахъ поднять.
Дрогнетъ опять передъ нами вселенная,
Съ ужасомъ въ лѣтопись впишется вновь,
Какъ безпредѣльная, вѣчно-священная,
Мрачную злобу караетъ Любовь!

(Вдали слышенъ барабанъ, и сигналъ: на коня)

Чу! барабанъ! Ужь бьютъ тревогу,
Сигналы поданы,—и вотъ
Пора пришла... Ввѣряясь Богу,
Спѣшите, ратники, въ походъ.

(Въ оркестрѣ тревога, и изображается сборъ войскъ)

Ужь не далеко супостаты,
Ужь тьмы ихъ видны изъ-за горъ,
Сходитесь, храбрые солдаты,
Сходитесь весело на сборъ;
Сбирайтесь всѣ въ защиту Вѣры
Призывомъ Русскаго Царя:
Вы,—слава войска, гренадеры,
И вы—герои егеря!
Готовьте грозные перуны
Артиллеристы—Божій громъ!
Явитесь молодцы драгуны
Передъ блѣднѣющимъ врагомъ!
И вы, сыны степной равнины,—

Европы ужасъ—казаки!
Сходитесь славныя дружины,
Смыкайтесь въ стройные полки!

(Въ оркестрѣ звуки зурны)

И вы, кавказскіе собратья,
Которыхъ братски приняла
Россія въ мощныя объятья
Побѣдоноснаго Орла,—
Кавказа дѣти боевые!
Живетъ преданье между васъ,
Какія сѣчи вѣковыя
Для вѣры выстрадалъ Кавказъ!
За цѣлый рядъ годовъ привольныхъ
Спѣшите Руси доказать,
Что вмѣстѣ съ ней враговъ крамольныхъ
И вы готовы наказать!
Готовы всѣ.... солдаты въ строѣ,
Всѣ командиры по мѣстамъ,
И въ барабанномъ мѣрномъ боѣ
Гремитъ команда по рядамъ.
Колонны двинулись,—для казни
Неправой зависти идутъ,
Идутъ безъ злобы и боязни,
Знаменъ святыню стерегутъ....
Впередъ! Впередъ!... Идите смѣло
За славное святое дѣло,
Свершайте доблестный свой трудъ!

(Въ оркестрѣ—большой маршъ. Походъ).

Вотъ въ туманномъ отдаленьѣ
Пыль зловѣщая взвилась,
Вотъ зарницей на мгновенье
Нива, дрогнувши, зажглась;
Слышны выстрѣлы и клики:
Помоги намъ Богъ великій!
Настаетъ сраженья часъ!
Стойте, братья! Передъ битвой
Каждый сынъ святой Руси
Съ теплой вѣрою, съ молитвой,
Сердце къ Богу вознеси!

Помолись не о пощадѣ,
А о добромъ лишь концѣ!
О нетлѣннѣйшей наградѣ:
О безсмертія вѣнцѣ—
Просятъ воины Христовы,
И чистѣйшей жертвой той
Искупить они готовы
Славу родины святой.
Просятъ Господа въ Сіонѣ.
Вседержителя всѣхъ силъ,
Чтобъ въ незыблемомъ законѣ
Онъ Россію сохранилъ!

(Въ оркестрѣ молитва, и потомъ сигналъ къ атакѣ)

Вмѣстѣ теперь, всѣ по Царскому слову,
Всѣ до единаго, сколько насъ есть!
Въ бой за отчизну и Вѣру Христову!
Въ бой за Царя и за русскую честь!

(Музыка выражаетъ начало сраженія)

Впередъ и грудью и штыками—
Насталъ часъ Божьяго суда,
И расточатся передъ нами
Враги Христовы навсегда!

(Симфонія, изображающая сраженіе).

Казнь надъ врагомъ совершилась!
Врагъ пораженный бѣжалъ!
Правдой Россія молилась:
Богъ ей побѣду послалъ!
Слава вождямъ знаменитымъ!
Слава знамёнамъ святымъ!
Вѣчная память убитымъ!
Вѣчная слава живымъ!

(Andante religioso въ память съ честію павшихъ въ бою).

Братья! громкую побѣду
Не стяжаютъ безъ утратъ:
Въ полѣ палъ, врагамъ по слѣду,
Не одинъ нашъ кровный братъ.
Палъ—но сирая вдовица
Слезъ не лей надъ мертвецомъ.

Вѣрь, что Божія десница
Осѣнитъ его вѣнцомъ!
Не горюй надъ сиротою:
Будетъ Русь ему семьею,
Будетъ Царь ему отцомъ!

(Оркестръ возвращается къ первоначальному мотиву)

Законъ любви живетъ у насъ издавна:
«Одинъ за всѣхъ, и всѣ за одного!»
Вотъ чѣмъ силенъ народъ нашъ православный,
И почему Орелъ Самодержавный
Не убоится никого!

Въ эту минуту, вмѣстѣ съ послѣдними замирающими аккордами симфоніи, вдругъ распахнулась задняя драпировка сцены, и передъ изумленными зрителями явился двуглавый русскій орелъ, весь составленный изъ блестящихъ штыковъ, пикъ и шашекъ. Онъ попиралъ поверженныя передъ нимъ многочисленныя турецкія знамена.

Въ насъ чувство есть, въ немъ такъ свѣтло и ясно
Сказалась намъ Россіи правота;
Есть пѣснь у насъ, которую всечасно
Поютъ вездѣ и сердце и уста!

(Оркестръ умолкаетъ).

Намъ Богъ послалъ ихъ не непрасно,
Та пѣснь любовію свята!
То чувство вѣрою прекрасно,—
И чувство то, и пѣсня та:

(Всѣ).

«Боже, царя храни!»

Музыка заиграла народный гимнъ. Его пѣла вся публика. Этотъ торжественный гимнъ, глубоко-патріотическій текстъ оды, наконецъ выразительно-величавая музыка симфоніи—все производило потрясающее дѣйствіе. Многіе плакали, всѣ рукоплескали (4).

Съ такимъ же восторгомъ и съ тѣми же чувствами народной гордости принята была вѣсть о знаменитой побѣдѣ въ обѣихъ столицахъ

русскаго царства. И всѣ эти знамена, съ вышитыми по срединѣ мѣсяцемъ и звѣздами, торжественно возились по улицамъ Москвы и Петербурга. Императоръ принималъ поздравленіе съ побѣдою въ Зимнемъ дворцѣ.

Награды за Башъ-кадыкъ-ларскій бой были щедрыя. Князь Бебутовъ получилъ орденъ св. Георгія 2-го класса, Багговутъ — Георгія 3-й степени и чинъ генералъ-лейтенанта. Князь Чавчавадзе получилъ тоже Георгія на шею,—награда рѣдкая въ званіи полкового командира.

Георгіевскіе кресты 4-й степени были пожалованы: маіорамъ Петрову, Барковскому и капитану князю Чавчавадзе. Всѣмъ офицерамъ—полугодовой окладъ жалованья; нижнимъ чинамъ по два рубля, и на полкъ сто знаковъ отличія Военнаго ордена (5).

Его Величество король Виртембергскій также почтилъ Башъ-кадыкъ-ларскіе подвиги Нижегородскаго полка, изъявивъ желаніе назначить свои ордена наиболѣе отличившимся въ бою офицерамъ. Воронцовъ представилъ списокъ всѣхъ дивизіонеровъ, эскадронныхъ командировъ и раненыхъ офицеровъ. «Весь этотъ храбрый полкъ,—писалъ онъ военному министру:—встрѣчалъ и провожалъ турокъ побѣдно, и всѣ поименованныя лица одинаково достойны носить виртембергскій орденъ». Король прислалъ, однакоже, только пять крестовъ: Командорскій—командиру полка князю Чавчавадзе, Короны 2-й степени—состоявшему при князѣ Воронцовѣ флигель-адъютанту подполковнику князю Витгенштейну, и три кавалерскіе знаки Военнаго ордена «За неустрашимость и вѣрность», для распредѣленія ихъ по одному между дивизіонерами, эскадронными командирами и субалтернъ-офицерами. Бѣленькіе, очень похожіе на георгіевскіе, кресты эти получены были при собственноручномъ письмѣ шефа полка наслѣднаго Виртембергскаго принца къ князю Чавчавадзе и по жеребью достались маіору Моллеру, капитану Макарову и прапорщику Кошаеву (6).

Рядъ наградъ за Башъ-кадыкъ-ларское дѣло закончился пожалованіемъ Нижегородскому полку серебряныхъ Георгіевскихъ трубъ, съ надписью «За отличные подвиги при пораженіи 36-тысячнаго турецкаго корпуса на Башъ-кадыкъ-ларскихъ высотахъ 19-го ноября 1853 года».

Но помимо этихъ, такъ сказать, оффиціальныхъ знаковъ монаршаго вниманія къ подвигамъ Нижегородцевъ, вѣчными памятниками этого славнаго боя служатъ въ полку: 1) Праздникъ 19-го ноября, учреж-

денный для трубаческой команды въ память того, что первая пролитая Нижегородцами кровь въ этомъ бою, была кровь трубача 4-го дивизіона Степана Мещеренки (*). 2) Образъ, сооруженный въ трубаческую команду, во имя св. Иліодора, память котораго празднуется въ самый день Башъ-кадыкъ-ларской битвы. 3) Икона Владимірской Божіей Матери, пожертвованная въ 10-й эскадронъ помѣщицею курской губерніи Варварою Кусаковой въ память сына ея капитана Кусакова, убитаго подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ. Икона эта хранится нынѣ въ 4-мъ эскадронѣ, который прежде именовался 10-мъ. 4) Массивный серебряный вызолоченный ковшъ, употребляемый для теплоты послѣ святаго причастія; онъ пожертвованъ генераломъ Багговутъ 31-го августа 1875 года. По краямъ его вычеканена надпись: «Александръ Багговутъ. Башъ-кадыкъ-ларъ», а на днѣ имѣются съ одной стороны вензеловое изображеніе имени Александра II, съ другой—Георгіевскій крестъ; и, наконецъ, 5) Большая картина, писанная масляными красками, и изображающая атаку 3-го дивизіона подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ. Это тоже даръ Багговута.

Простоявъ двое сутокъ на Башъ-кадыкъ-ларскомъ полѣ, отрядъ возвратился въ Александрополь.

Былъ мрачный осенній день. Свинцовыя тучи низко висѣли надъ плоскими кровлями города; но городъ имѣлъ праздничный видъ. Все населеніе вышло привѣтствовать войска и расположилось по возвышенностямъ и холмамъ Арпачайской долины. Едва пушечная пальба съ крѣпости и колокольный звонъ возвѣстили приближеніе отряда, какъ толпы, предшествуемыя святыми иконами, двинулись впередъ и встрѣтили князя Бебутова на Арпачайскомъ мосту. Народъ падалъ на колѣни, и цѣловали руки и ноги побѣдителя (7).

Башъ-кадыкъ-ларскою битвою окончилась кампанія 1853 года. Разбитая турецкая армія не могла собраться съ силами ранѣе весны, а потому войска Александропольскаго корпуса были распущены. Квартиры Нижегородскому полку назначены въ Караклисѣ (8).

Расположеніе полка на зимовыя квартиры совпало какъ разъ со встрѣчею новаго 1854 года. Что сулилъ онъ въ будущемъ,—это было извѣстно одному только Богу, но по всѣмъ человѣческимъ разсчетамъ

(*) Праздникъ этотъ учрежденъ въ 1873 году, командиромъ полка княземъ Амилахвари.

нельзя было не предвидѣть надвигавшихся великихъ событій,—и драгуны усердно готовились къ нимъ.

6-го января въ Караклисъ прибылъ изъ Петербурга полковникъ Нижегородскаго полка князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ, и за отсутствіемъ князя Чавчавадзе временно вступилъ въ командованіе полкомъ ([9]). Такъ какъ въ лицѣ князя Александра Михайловича впослѣдствіи является крупный государственный дѣятель, да и Нижегородцы смотрѣли на него уже какъ на будущаго своего командира, преемника князя Чавчавадзе, то будетъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о его предшествовавшей дѣятельности.

Родъ князей Дондуковыхъ происходилъ отъ знаменитаго калмыцкаго хана Дондукъ-Омбо, современника Петра и Анны Іоанковны. Отецъ Дондукова занималъ постъ вице-президента академіи наукъ, и имѣлъ возможность дать своимъ сыновьямъ солидное образованіе. Князь Александръ Михайловичъ, по окончаніи университетскаго курса, поступилъ на службу въ лейбъ-кирасирскій (Гатчинскій) Наслѣдника Цесаревича полкъ, откуда въ 1844 году перешелъ на Кавказъ состоять въ распоряженіи командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Воронцовъ, смѣнившій на Кавказѣ генералъ-адъютанта Нейдгардта, назначилъ его своимъ адъютантомъ, и молодой князь сдѣлался вскорѣ не только близкимъ, но и необходимымъ для него человѣкомъ. Ему довѣрялась вся секретная переписка, всѣ конфиденціальныя военныя и политическія сношенія, и нерѣдко имъ же, подъ диктовку намѣстника, писались письма къ самому государю.

Серьезныя кабинетныя занятія не отвлекали молодого князя отъ участія въ военныхъ дѣлахъ, и начиная съ 1845 года, на Кавказѣ, кажется, не было ни одного выдающагося событія, гдѣ бы не приходилось ему быть личнымъ участникомъ,—случались ли эти событія на Лезгинской линіи, въ Чечнѣ, Дагестанѣ, на правомъ флангѣ и даже въ Закавказьѣ. Двѣ тяжелыя раны, полученныя имъ — одна въ Даргинскомъ походѣ, другая—на штурмѣ Салтовъ, не ослабили этой энергіи, и дѣятельность его въ нѣкоторыхъ случаяхъ является поистинѣ изумительною. Въ тѣ небольшіе промежутки, которые оставались свободными отъ военныхъ дѣйствій, онъ то объѣзжалъ кордоны по персидской и турецкой границамъ, раскинутые на тысячеверстномъ пространствѣ, то сопровождалъ различныхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Кавказъ съ научной или военной цѣлью, то ѣздилъ въ Персію съ секретными поруче-

ніями князя Воронцова, то, наконецъ, сопутствовалъ самому намѣстнику въ его поѣздкахъ по краю, и подъ его руководствомъ изучалъ Кавказъ во всѣхъ разнообразныхъ условіяхъ его экономической, военной и обыденной жизни. Это и было причиной, почему на долю князя выпалъ счастливый жребій сопровождать, въ 1850 году, наслѣдника цесаревича во время путешествія его по Кавказу.

Заслуги князя вызывали и быстрое повышеніе его по ступенямъ военной іерархіи; на восьмомъ году своей службы онъ былъ уже полковникомъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, имѣлъ золотую шашку, Владиміра въ петлицѣ и Анну на шеѣ. Заботы о его дальнѣйшей карьерѣ не покидали князя Воронцова, и въ этихъ именно видахъ, онъ еще осенью 1852 года перевелъ его въ Нижегородскій полкъ «съ тѣмъ, чтобы заблаговременно, какъ онъ писалъ военному министру, подготовить его къ командованію этимъ славнымъ полкомъ».

Но прежде чѣмъ начать новую для него полковую жизнь, князь въ началѣ 1853 г. воспользовался заграничнымъ отпускомъ, чтобы посѣтить Алжиръ и ознакомиться въ этомъ любопытномъ краѣ, какъ съ французскою системою управленія арабами, такъ съ военною организаціею французскихъ войскъ, и съ образомъ веденія тамошней войны, имѣвшей нѣсколько родственныхъ чертъ съ нашею войною на Кавказѣ. Путешествуя по краю, онъ имѣлъ случай сблизиться со многими лицами, пріобрѣтшими во время крымской войны уже историческую извѣстность, какъ напр. Макъ-Магонъ, Пелисье, Базенъ и другіе. Вернувшись изъ отпуска, онъ былъ прикомандированъ къ образцовому кавалерійскому полку, но тутъ началась война, и князь поспѣшилъ на Кавказъ, гдѣ засталъ Нижегородскій полкъ въ Караклисѣ, уже увѣнчаннымъ свѣжими Башъ-кадыкъ-ларскими лаврами ([10]).

Изъ числа новыхъ лицъ, прибывшихъ въ полкъ, почти одновременно съ княземъ Дондуковымъ, вниманіе всѣхъ обращалъ на себя капитанъ Свистуновъ, человѣкъ уже пожилой, поражавшій страннымъ контрастомъ своего оберъ-офицерскаго мундира съ красовавшимися на немъ генеральскими звѣздами. Свистуновъ нѣкогда былъ конно-гвардейскимъ поручикомъ, вышелъ въ отставку, и въ гражданской службѣ достигъ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Патріотическія чувства, охватившія тогда русскихъ людей, заставили его подать прошеніе о поступленіи въ военную службу, и государь приказалъ зачислить его въ

Нижегородскій полкъ капитаномъ, соотвѣтственно прежнему чину его поручика гвардіи. Онъ разрѣшилъ ему также носить всѣ ордена и даже звѣзды, за исключеніемъ лентъ перваго класса. Свистуновъ засталъ Нижегородскій полкъ еще на зимовыхъ квартирахъ, и былъ назначенъ въ 8-й эскадронъ Колмыкова (11).

Невесело было полку зимовать въ окрестностяхъ Караклиса, на высотѣ 4-хъ или 5-ти тысячъ футовъ надъ поверхностію моря, гдѣ глубокіе снѣга лежали четыре мѣсяца, а метели были жестоки и часты. Случалось, что при подобныхъ буранахъ офицеры по недѣлямъ не имѣли возможности навѣщать товарищей. Счастливы были еще тѣ эскадроны, которые зимовали по молоканскимъ деревнямъ, гдѣ были свѣтлыя избы и теплыя русскія печи; остальные пришлось размѣщать по буйволятникамъ, лишеннымъ не только тепла, но и свѣта. Всѣ были рады, когда наступила весна. Башъ-кадыкъ-ларскія потери давно уже были пополнены, пришедшимъ изъ Чиръ-Юрта, маршевымъ эскадрономъ, и 17-го апрѣля Нижегородскій полкъ, укомплектованный и бодрый, выступилъ съ зимовыхъ квартиръ двумя эшелонами: одинъ изъ этихъ эшелоновъ, въ составѣ первыхъ двухъ дивизіоновъ, подъ командой подполковника Барковскаго, направился въ Царскіе Колодцы для охраны Кахетіи и Лезгинской линіи отъ вторженій Шамиля, а другой, въ составѣ шести эскадроновъ,—въ Александрополь, гдѣ, по примѣру прошлаго года, собирался главный дѣйствующій корпусъ.

Вслѣдъ за Нижегородцами въ Александрополь прибыла сводная драгунская бригада, полки Тверской и Новороссійскій, пришедшіе изъ Россіи подъ командой генералъ-маіора графа Александра Евстафьевича Нирода. Чѣмъ-то роднымъ, давно уже позабытымъ въ суровой обстановкѣ Кавказа, пахнуло отъ этихъ русскихъ полковъ, явившихся изъ далекихъ губерній Воронежской и Курской. Это почувствовалось всѣми. Нижегородцы, по заведенному обычаю, встрѣтили своихъ новыхъ товарищей дружескимъ обѣдомъ; драгуны отвѣтили имъ тѣмъ же, и заздравные тосты долго не умолкали на берегахъ Арпачая. Если въ матеріальномъ смыслѣ лагерные обѣды эти и не представляли событія достойнаго исторіи, то они были событіемъ отраднымъ и не будничнымъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Ихъ посѣщали охотно всѣ старшіе начальники, начиная съ Бебутова и князя Барятинскаго, такъ какъ въ этомъ взаимномъ сближеніи полковъ они видѣли великую нравственную силу.

Вмѣстѣ съ драгунами изъ Россіи пришла вся 18 пѣхотная дивизія, и два полка ея, Тульскій и Бѣлевскій егерскіе, съ тремя батареями поступили въ составъ дѣйствующаго корпуса. Такимъ образомъ при самомъ открытіи кампаніи у насъ находилось 18 батальоновъ пѣхоты ([12]), 26 эскадроновъ драгунъ и 35 сотенъ иррегулярной конницы,—всего до 16 тысячъ человѣкъ, при 80 орудіяхъ конной и пѣшей артиллеріи. Противъ этого, сравнительно небольшого корпуса стояла сильная 60-тысячная армія, подъ начальствомъ новаго мушира Зарифа-Мустафы-паши, выступившая изъ Карса, и расположившаяся огромнымъ лагеремъ у Хаджи-Вали, въ окрестностяхъ знакомаго намъ Башъ-Кадыкъ-Лара.

Пріѣздъ фельдъегеря въ Тифлисъ съ турецкимъ знаменемъ.

Выѣздъ артиллеріи на позицію.

IV.

Кюрюкъ-Даринскій бой.

(1854 г.).

Значеніе Кюрюкъ-даринскаго боя.—Начало кампаніи 1854 г.—Драгуны у Большого Паргета.—Ночь на 24-е іюля.—Неожиданная встрѣча съ турецкою арміею.—Построеніе боевого порядка и расположеніе лѣваго крыла русскаго корпуса.—Начало сраженія.—Блистательная атака Тверцовъ.—Отступленіе пѣхоты.—Нижегородцы выносятъ одни всю тяжесть битвы за потерянныя орудія.—Страшныя потери полка.—Полное пораженіе турокъ на лѣвомъ флангѣ.—Значеніе подвига Нижегородцевъ въ общемъ ходѣ битвы.—Солдатская пѣсня.

Въ Кюрюкъ-даринскомъ сраженіи, сразу рѣшившемъ кампанію 1854 года, 16 тысячъ русскихъ разбили 60 тысячъ турокъ, гораздо лучше

вооруженныхъ. Но самою удивительною чертою его нужно признать не это страшное неравенство силъ, а то, что дѣйствія въ немъ нашихъ войскъ не укладываются ни въ какія условныя рамки. Не только не было общаго плана сраженія, но никакія частныя распоряженія не могли приходить во-время туда, куда они назначались. А между тѣмъ войска, не мудрствуя лукаво, дѣлали свое дѣло: гдѣ нужно было стоять—стояли, и ихъ живую стѣну можно было, пожалуй, свалить, но не подвинуть вспять; гдѣ нужно было итти впередъ—тамъ шли, не считая враговъ, и ломили все, что попадалось на встрѣчу. Никакихъ резервовъ и вторыхъ линій у насъ не было: бились всѣ, не разсчитывая на поддержку, и побили турокъ на славу! Это было высшее проявленіе военнаго духа, проявленіе той страшной нравственной силы, которою побѣждали Румянцевъ и Суворовъ. Башъ-Кадыкъ-Ларъ и Кюрюкъ-Дара—это Кагулъ и Рымникъ нашего времени.

Чувство долга и чести—вотъ что одушевляло каждаго, и каждый, понимая, что отступленія быть не можетъ, сознавалъ необходимость побѣдить или умереть. Въ этомъ чувствѣ только и лежалъ залогъ одержанной побѣды.

Кампанія 1854 года началась 24-го іюня переходомъ Александропольскаго корпуса черезъ Карсъ-чай, у Джюмушлинской переправы. Съ высокихъ береговъ этой рѣки передъ русскими войсками развернулась знакомая картина. Прямо передъ ними возвышался колоссальный холмъ Караяла; влѣво отъ него лежала равнина, обрамленная обрывистыми Башъ-кадыкъ-ларскими высотами. Это поле прошлогодней битвы: тамъ наши могилы, тамъ наши кресты, быть-можетъ уже поваленные гнѣвнымъ толчкомъ ноги какого-нибудь изувѣра; вправо уходила въ даль сверкающая линія Карсъ-чая, а тамъ, вдали, на самомъ горизонтѣ войска наши увидѣли длинную полосу турецкихъ палатокъ. То была анатолійская армія, расположившаяся огромнымъ лагеремъ, около деревни Хаджи-Вали.

Минуя Башъ-кадыкъ-ларское поле, русскія войска обогнули Караялъ, и 24-го іюня стали по другую сторону его между деревнями Полдырванъ и Кюрюкъ-Дара. На этихъ позиціяхъ, раздѣленныхъ только двѣнадцати-верстнымъ пространствомъ, противники простояли цѣлый мѣсяцъ другъ противъ друга, и ни та, ни другая сторона не рѣшалась перейти въ наступленіе. Тревоги, аванпостныя стычки и перестрѣлки происхо-

дили часто, но онѣ выпадали только на долю нашихъ линейцевъ: драгуны же или оставались въ лагерѣ, или высылали въ резервъ къ казакамъ дежурные дивизіоны. Самою трудною обязанностію для нихъ—это были фуражировки. Въ окрестностяхъ вся трава была выкошена или вытоптана, и фуражировать приходилось уже гораздо дальше, чѣмъ позволяла черта нашихъ аванпостовъ. Тамъ, за этою чертою, еще колосились хлѣба, готовые для жатвы, тамъ было много травы, которой косить было некому. Но эта косьба, производившаяся подъ носомъ турецкой кавалеріи, и требовавшая поэтому особаго проворства, въ конецъ изнуряла русскихъ драгунъ, совершенно неопытныхъ по части зеленыхъ фуражировокъ. Пока они выбирали мѣсто, топтались и собирались приняться за работу, Нижегородцы на ихъ глазахъ успѣвали накашивать такое количество, что ихъ лошади совершенно исчезали подъ громадными вьюками, и издали казалось, что движутся однѣ огромныя копны зеленаго сѣна. И въ результатѣ выходило, что русскіе драгуны едва успѣвали привозить съ собою суточную дачу, а Нижегородцы запасались на цѣлую недѣлю. То же самое происходило и при фуражировкахъ за дровами — предметомъ чрезвычайно важнымъ въ оголенномъ и безлѣсномъ Карскомъ пашалыкѣ.

Одна изъ такихъ фуражировокъ осталась въ памяти Нижегородцевъ эпизодомъ, который доставилъ имъ случай стать спасителями цѣлаго армянскаго семейства. Это было 10-го іюля. Въ этотъ день изъ лагеря выслана была колонна, подъ командой генерала Кишинскаго, въ Большой Паргетъ, давно обреченный нами для разбора на дрова. Аулъ принадлежалъ татарамъ, которые давно уже бѣжали въ Карсъ, а ихъ владѣлецъ служилъ противъ насъ въ рядахъ башибузуковъ. Но едва войска приступили къ разборкѣ Паргета, какъ армяне, жившіе по ту сторону Карсъ-чая, явились съ просьбой не трогать деревни, опасаясь, что разореніе ея вызоветъ мщеніе башибузуковъ. Въ просьбѣ имъ, конечно, отказали, но предложили переселиться въ русскіе предѣлы. Трудно было подняться въ какіе-нибудь два-три часа времени съ насиженнаго гнѣзда, но въ аулѣ закипѣла работа, и намъ было видно, какъ нагруженныя арбы одна за другою перебирались черезъ Карсъ-чай на нашу сторону. Только у крайней сакли стояли двѣ уложенныя, но еще не запряженныя арбы, возлѣ которыхъ играли дѣти и суетились женщины. Отрядъ уже собрался въ обратный путь, когда показался армя-

нинъ, торопливо гнавшій двѣ пары воловъ. Онъ былъ уже на серединѣ рѣки съ своими возами, когда башибузуки, наводнившіе деревню, настигли его и стали заворачивать назадъ. Крики и вопли несчастныхъ женщинъ доносились до отряда. 5-й эскадронъ Нижегородскаго полка, съ штабсъ-капитаномъ Батіевскимъ, не ожидая приказаній, бросился на помощь. Тогда одинъ башибузукъ выхватилъ пистолетъ и положилъ армянина на мѣстѣ. Наскакавшій эскадронъ помѣшалъ ему исполнить то же надъ дѣтьми и женщинами; осиротѣвшее семейство прибыло въ отрядъ подъ прикрытіемъ драгунъ, которые тутъ же сложились между собою, чтобы хоть сколько-нибудь обезпечить его участь, по крайней мѣрѣ на первое время (1).

22-го іюля пушечный салютъ возвѣстилъ войскамъ о новой побѣдѣ, одержанной нами на Чангильскихъ высотахъ. Генералъ Врангель разбилъ турецкій корпусъ, шедшій на Эривань, и взялъ Баязетъ. Теперь боковыхъ корпусовъ у турокъ не было, и ихъ главная армія одна стояла лицомъ къ лицу передъ нашимъ Александропольскимъ отрядомъ. Развязка кампаніи близилась.

На слѣдующій день, 23-го іюля, вечеромъ въ русскій лагерь прибѣжали два армянина съ важными вѣстями: «турецкіе обозы,—говорили они:—двигаются изъ лагеря къ Карсу. Ночью пойдутъ куда-нибудь: въ палаткахъ все уложено, сувари посѣдлали своихъ лошадей, у пушекъ лошади тоже въ хомутахъ, низаму роздали ромъ».

Изъ всѣхъ предположеній, которыя могла родить минута, вѣроятнѣйшимъ казалось то, что турки, обезкураженные пораженіемъ своихъ крыльевъ, предпринимаютъ отступленіе къ Карсу. Бебутовъ рѣшился выдвинуть войска на Карсскую дорогу, и, если представится случай, напасть на турокъ съ фланга или съ тылу.

Въ глухую ночь русскій корпусъ снялся съ позиціи и тихо, безъ шума, двинулся по направленію къ Карсу. Не отошли и двухъ-трехъ верстъ, какъ стала уже заниматься заря. Оконечность Караяла была теперь далеко назади, почти въ тылу нашего отряда, и лежала прямо на востокъ. И вотъ, на свѣтломъ фонѣ занимающейся зари, въ прозрачномъ розовомъ воздухѣ юга, на немъ ярко обрисовались черныя движущіяся точки. Въ южныхъ странахъ заря не долговременна; за нею быстро слѣдуетъ разсвѣтъ, и этотъ-то разсвѣтъ внезапно открылъ передъ нами всю 60-тысячную армію, находившуюся въ полномъ наступленіи

У Большаго Паргета.

на нашъ уже покинутый лагерь. Двигаясь совсѣмъ въ противоположную сторону, мы въ этотъ моментъ находились какъ разъ на флангѣ непріятеля. Но воспользоваться выгодами такого положенія было нельзя: во-первыхъ, турецкая армія наступала длинными уступами, и задніе непремѣнно взяли бы насъ самихъ во флангъ и даже въ тылъ, а во-вторыхъ, въ случаѣ неудачнаго боя мы должны бы были отступать не въ Александрополь, а въ Карсъ, который пришелся бы у насъ за спиною. Послѣ недолгаго колебанія рѣшили повернуть назадъ и строиться параллельно непріятелю. Казалось бы, что болѣе неблагопріятныхъ условій, при которыхъ начинался бой, трудно себѣ даже представить. Мы добровольно сошли съ хорошей, крѣпкой позиціи, и теперь должны были принять бой тамъ, гдѣ укажетъ судьба. Построеніе фронта назадъ, въ виду наступавшаго непріятеля, также не могло не вызвать извѣстной суматохи, особенно въ войскахъ, непривычныхъ къ сложному маневрированію. Но во всемъ этомъ-то и заключалось именно величіе наступившей минуты. Даже простые солдаты ясно видѣли опасность нашего положенія,—и ни у кого ни тѣни колебанія, сомнѣнія или растерянности. Да, это была чудная суворовская армія, которую озадачить ничѣмъ было нельзя. Какъ только повернули назадъ, три сотни линейныхъ казаковъ во весь опоръ понеслись къ Караялу; за ними двинулись: Бѣлевскій егерскій полкъ, батальонъ Тульскаго, кавказскіе стрѣлки и легкая батарея. Этимъ войскамъ приказано было какъ можно скорѣе захватить Караялъ, къ которому мы хотѣли прислониться своимъ лѣвымъ флангомъ. Для прикрытія этого движенія справа, т.-е. со стороны, откуда наступалъ непріятель, двинуты были драгунскіе полки: Нижегородскій и Тверской, съ казачьей батареею Долотина, и три сотни донцовъ съ ракетною командой. Изъ этихъ войскъ и составилось лѣвое крыло нашей боевой позиціи.

Едва войска, посланныя овладѣть Караяломъ, стали подходить къ горѣ, какъ ихъ встрѣтилъ новый, совсѣмъ уже неожиданный сюрпризъ. Караялъ былъ занятъ огромными массами: пѣхота стояла на его вершинѣ, стрѣлки разсыпались по скатамъ; турецкая кавалерія также пряталась за его отрогами. Атаковать Караялъ теперь, подъ угрозой флангового нападенія цѣлой турецкой арміи, было уже нельзя. Что же оставалось дѣлать? Рѣшили бросить его совсѣмъ, и подвинуться впередъ такъ, чтобы онъ приходился сзади. А для того, чтобы турки не спусти-

лись съ него на равнину, оставили противъ него небольшой заслонъ изъ батальона пѣхоты, четырехъ эскадроновъ Новороссійскихъ драгунъ

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ
ПРИ ДЕРЕВНѢ КЮРЮКЪ-ДАРА.

и четырехъ орудій. Этотъ отрядъ долженъ былъ умереть, но не пропустить турокъ.

Теперь боевая позиція обозначилась уже ясно. Пять батальоновъ пѣхоты,—три бѣлевскіе, одинъ тульскій и кавказскій стрѣлковый, зашли лѣвымъ плечомъ и стали лицомъ къ непріятелю. Нижегородскій полкъ расположился уступомъ, правѣе Бѣлевцовъ, а еще правѣе, уже по направленію къ нашему центру, развернулись Тверскіе драгуны.

Сраженіе на лѣвомъ флангѣ начали турки артиллерійскимъ огнемъ. Этотъ первый огонь былъ живой и частый. Ядра ложились у нашихъ ногъ, рвали землю и дѣлали рикошеты черезъ голову. Противъ Тверцовъ свирѣпствовала сильная батарея. Тверцы и начали сраженіе. Десять эскадроновъ, очертя голову, карьеромъ ринулись на эту батарею. Только строй мѣдныхъ касокъ сверкалъ изъ-подъ пыли. Впереди всѣхъ, на бѣломъ кабардинскомъ конѣ, скакалъ графъ НироДъ. Видъ былъ рыцарскій, возвышающій душу. Около сорока орудій били полкъ съ фронта и съ фланговъ перекрестнымъ огнемъ. Но драгуны молча, безъ «ура», неслись прямо на 12-ти орудійную батарею. Прикрытіе ея отшатнулось назадъ. Батарея дала послѣдній предсмертный залпъ,—и больше уже не заряжала орудій: прислуга ея была изрублена, орудія заклепаны; но увлеченные боемъ, драгуны разстроили фронтъ, и по непривычкѣ не могли уже скоро собраться. Прикрытіе между тѣмъ опомнилось, окружило полкъ и поражало его огнемъ. Командиръ полка полковникъ Куколевскій былъ раненъ, но остался во фронтѣ. Новою атакой драгуны вторично отбросили пѣхоту, но, къ сожалѣнію, опять не остановились вовремя, пронеслись дальше,—и столкнулись со свѣжими батальонами. Они приняли влѣво,—и столкнулись съ двумя уланскими полками, выскочившими изъ-за Караяла. Тогда они взяли еще лѣвѣе, и кинулись назадъ въ промежутокъ между Бѣлевцами и Караяломъ. Турецкіе стрѣлки осыпали ихъ огнемъ съ караяльскаго ската, уланы за ними гнались. Такимъ образомъ полкъ описалъ дугу: онъ началъ атаку съ правой оконечности нашего лѣваго крыла, и отступилъ уже за лѣвую его оконечность. Тверцы успѣли увезти только четыре орудія; но батарея одинъ разъ навсегда была уже погашена,—и это много облегчило насъ въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ.

Въ то время какъ Тверцы скакали назадъ, шесть турецкихъ батальоновъ ударили въ барабаны, и двинулись противъ нашей пѣхоты. Это были штуцерные арабистанскіе батальоны, приведенные сюда изъ Египта. Ихъ предводитель, водившій ихъ на Бедуинъ и Курдовъ, ста-

рый Керимъ-паша, легко узнаваемый по высокому сгорбленному годами стану и длинной бѣлой бородѣ, съ обнаженною саблей проѣзжалъ по ихъ рядамъ и одушевлялъ на битву.

Бѣлевцы и Тульцы, только что прибывшіе изъ Россіи, осыпанные штуцернымъ огнемъ, не выдержали и стали подаваться назадъ. Съ Караяла увидѣли это движеніе, и тамъ раздались неистовые крики восторга. Все наше лѣвое крыло было въ величайшей опасности: Тверцы послѣ блестящей атаки были разстроены, и по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ не могли принять участія въ дѣлѣ; пѣхота отступала. Еще минута—и пораженіе лѣваго фланга становилось неизбѣжнымъ. Описывая этотъ моментъ сраженія, князь Бебутовъ говоритъ въ своемъ донесеніи: «Моментъ былъ критическій; но тутъ стоялъ непобѣдимый Нижегородскій драгунскій полкъ» (2). Судьба готовила ему новый подвигъ,—подвигъ кровавый, въ которомъ смерть ждала многихъ, а слава каждаго. Князь Ясонъ Чавчавадзе видѣлъ всю необходимость остановить турецкую пѣхоту, и «Нижегородскій полкъ, жертвуя», по словамъ той же реляціи, «въ минуту необходимости всѣми правилами тактики, въ шестиэскадрономъ составѣ, безъ артиллеріи, ринулся на цѣлую линію штуцерныхъ батальоновъ» (3). Это былъ одинъ изъ тѣхъ подвиговъ, которые вызываютъ невольное удивленіе въ современникахъ, и, быть можетъ, еще большее—въ потомствѣ.

Шесть эскадроновъ драгунъ должны были остановить пѣхоту, передъ которой отступало пять русскихъ батальоновъ.

Атака началась по-дивизіонно.

Наклонивъ пики, пикинерный дивизіонъ полковника Тихоцкаго первый понесся въ атаку. Турки свернулись въ каре. Выдержавъ въ лицо два штуцерные залпа, пикинеры врѣзались въ пѣхоту, и началась жестокая свалка. Командиръ 9-го эскадрона графъ Менгденъ получилъ тяжелую рану въ грудь. Прапорщикъ Баснинъ и рядовой Синельниковъ (*) (изъ разжалованныхъ поручиковъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка) убиты

(*) Извѣстная исторія Синельникова съ княземъ Витгенштейномъ въ Павловскомъ воқзалѣ, случившаяся вь 1853 году, въ свое время надѣлала большого шума въ Петербургѣ. Синельниковъ былъ исключенъ изъ службы; но при открытіи войны, по просьбѣ его отца, богатаго воронежскаго помѣщика, императоръ Николай разрѣшилъ ему поступить въ Нижегородскій полкъ рядовымъ. По окончаніи сраженія тѣло его было найдено обезглавленнымъ. По желанію отца оно перевезено было въ Воронежскую губернію и похоронено въ фамильномъ склепѣ.

на повалъ; поручикъ Вихманъ, прапорщики Готовицкій и Суриновъ ранены. Но отвага и жертвы были напрасны. Турецкіе батальоны стояли стѣной, смыкались надъ тѣлами товарищей и отбивались штыками. Пикинеры наконецъ отскочили назадъ, но тутъ же, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, въ пятидесяти шагахъ отъ батальоновъ стали строиться снова.

Не давая непріятелю двинуться впередъ, 3-й дивизіонъ маіора Петрова тотчасъ смѣнилъ пикинеръ,—и вновь начался отчаянный бой. Оба эскадронные командира капитаны Рязановъ и Батіевскій пали на турецкихъ штыкахъ. Подъ Петровымъ была убита лошадь, самъ онъ опрокинутъ на землю ударомъ приклада. Поручики Петровъ 2-й и Мамуловъ ранены. Прапорщикъ Дрягилевъ, пробившійся до самой середины каре, получилъ шесть ранъ: у него разрублена голова, разсѣчено ухо, порублены пальцы... Но и третій дивизіонъ былъ отбитъ. Его тотчасъ смѣнилъ четвертый.

Еще стоя на мѣстѣ, дивизіонъ этотъ потерялъ уже своего достойнаго командира полковника Шульца, раненнаго въ голову. Пуля ударила въ лѣвый високъ, разбила глазную кость и, обогнувъ черепъ, остановилась возлѣ праваго уха. Онъ упалъ съ лошади. Его сочли убитымъ, и два драгуна подбѣжали, чтобы поднять его. Но Шульцъ скоро оправился, сѣлъ на коня и сталъ передъ фронтомъ. Потеря крови и сильная боль произвели, однакоже, обморокъ: онъ упалъ опять, и его понесли на перевязочный пунктъ. Дивизіонъ повелъ въ атаку князь Захарій Чавчавадзе.

Но едва эскадроны перешли въ карьеръ, какъ случилось одно обстоятельство, никѣмъ не предвидѣнное, но имѣвшее огромное вліяніе на весь послѣдующій ходъ битвы. Четыре донскія орудія, подъ командой храбрѣйшаго есаула Кульгачева, понеслись впередъ и, перерѣзавъ драгунамъ дорогу, снялись съ передковъ. На эти-то передки на полномъ карьерѣ наскакалъ дивизіонъ,—и съ ними перепутался. Атака разстроилась. На батальоны ударили только 8-й и полуэскадронъ 7-го эскадрона. Но это былъ геройскій полуэскадронъ, который былъ составленъ почти весь изъ георгіевскихъ кавалеровъ. 30-ть изъ этихъ героевъ легли подъ турецкими штыками, и только ничтожная горсть съ самимъ Чавчавадзе выбилась, наконецъ, назадъ изъ этихъ страшныхъ кареевъ ([4]). Самъ Чавчавадзе былъ раненъ пулею въ шею, но, пренебрегая болью, остался во фронтѣ.

А между тѣмъ штуцерный огонь, сосредоточенный на донскихъ орудіяхъ, въ одно мгновеніе уничтожилъ лошадей и прислугу. Подъ самимъ Кульгачевымъ была убита лошадь, есаулъ Ренсковъ раненъ пулею въ голову. Оставшіеся въ живыхъ артиллеристы поспѣшно оттащили два орудія; но остальныя два, безъ передковъ и прислуги, остались на мѣстѣ. Турецкіе батальоны бросились и захватили пушки.

Громко заговорила въ сердцѣ Нижегородцевъ старинная слава полка, честь котораго сопряжена была съ охраною ввѣренныхъ ему орудій. Тихоцкій съ пикинерами слѣва, полковникъ князь Дондуковъ-Корсаковъ съ двумя драгунскими дивизіонами справа, кидаются на турокъ и отбрасываютъ батальоны на прежнюю позицію. Но и сами они должны были отступить, чтобы черезъ минуту броситься снова въ сѣчу. Орудій, однако, увезти не успѣли, и они, какъ безмолвныя жертвы, одиноко стоятъ между драгунами и непріятельскою пѣхотою. Какъ разъ въ это время къ начальнику кавалеріи генералу Багговуту прискакалъ ординарецъ Бебутова съ приказаніемъ взять Нижегородскій полкъ и спѣшить къ правому флангу, который тѣснили турки.

— Нижегородцы всѣ въ работѣ! отвѣчалъ генералъ. Нѣтъ никакой возможности вырвать ихъ изъ дѣла. Возьмите линейцевъ. Доложите, что видите.

Въ эту минуту генералъ Багговутъ стоялъ буквально подъ градомъ пуль и картечей; выслушивая его, ординарецъ едва сдерживалъ свою лошадь.

Черезъ минуту скачетъ другой офицеръ. «Возьмите, что можно, и спѣшите на правый флангъ». Багговутъ сдалъ начальство графу Нироду, и повелъ съ собою дивизіонъ Тверцовъ и три донскія сотни съ ракетною командою.

Нижегородцы, между тѣмъ, повторяютъ ударъ за ударомъ. Переднія шеренги турокъ ложатся, но заднія стрѣляютъ въ упоръ, а съ фланга залпы другихъ батальоновъ выносятъ цѣлые ряды. Самъ командиръ полка князь Чавчавадзе на сѣромъ конѣ, съ обнаженною шашкой стоитъ поодаль. Возлѣ него тяжело раненъ штуцерною пулею полковой адъютантъ штабсъ-капитанъ Кузьминъ-Караваевъ, убитъ штабъ-трубачъ, и падаютъ одинъ за другимъ конвойные. Вдругъ сѣрый конь князя взвился на дыбы и грянулся о-земь. Пуля сразила его наповалъ. Князю подвели его любимаго карабагскаго жеребца. Но не прошло и нѣсколькихъ се-

кундъ, какъ рьяный карабагъ уже лежалъ на землѣ съ разбитою ногою. Чавчавадзе подвели третью лошадь; но едва поставилъ онъ ногу въ стремя, какъ опрокинулся самъ на руки стоявшаго за нимъ унтеръ-офицера: осколокъ гранаты контузилъ его въ поясницу. Старый грузинъ пренебрегъ страданіемъ, сѣлъ на коня, и до конца боя не покидалъ сраженія.

Подъ такимъ адскимъ огнемъ пѣхоты и артиллеріи держаться было невозможно. Потери наши росли съ каждою секундой. Среди рукопашныхъ схватокъ здѣсь тяжело раненъ полковникъ князь Дондуковъ-Корсаковъ штуцерною пулей въ плечо, и его вывезъ изъ боя преданный ему крѣпостной камердинеръ Петръ Васильевичъ Толстовъ (*). Поддерживая на сѣдлѣ князя, онъ въ то же время велъ въ поводу его лошадь, раненную пятью ружейными пулями. Драгуны, измученные и истерзанные, отходятъ наконецъ назадъ. А спорныя пушки все стоятъ по срединѣ, недоступныя ни той, ни другой сторонѣ.

Но вотъ какой-то высокій турецкій офицеръ, махая саблей, бросается впередъ и берется за хоботъ орудія. «Господа! кричитъ князь Захарій Чавчавадзе:—Выручайте пушки!» И драгуны, не успѣвшіе еще построиться, перемѣшанные между собою, нестройною толпой кидаются на турокъ. Впереди всѣхъ князь Чавчавадзе, весь забрызганный и своей, и чужой кровью. Въ этотъ моментъ штабсъ-капитанъ Григоровичъ упалъ, прострѣленный въ животъ на вылетъ; подъ поручикомъ Андреевымъ убита лошадь, и самъ онъ раненъ пулею въ ногу. Въ суматохѣ не замѣтили, что упавшая лошадь придавила его собою. На его крикъ подоспѣлъ ефрейторъ Барадаевъ; онъ соскочилъ съ коня, высвободилъ раненаго офицера, и помогъ ему сѣсть на свою лошадь. Въ тотъ же моментъ упалъ и самъ Барадаевъ—пуля попала ему въ глазъ. Подскочившіе офицеры подхватили его на руки и вывезли изъ боя. Успѣли офицеры же поднять и другого—рядового Корзухина. Онъ былъ раненъ смертельно, и въ агоніи только и просилъ объ одномъ, чтобы сыскали его георгіевскій крестъ, который сорвала пуля. Здѣсь же ранены прапорщики Рейтеръ, Григоровичъ 2-й, Колупайловъ, Султановъ. Раненъ былъ и почтенный

(*) Этотъ почтенный старикъ, награжденный медалью на георгіевской лентѣ, здравствуетъ до нынѣ и живетъ на пансіонѣ въ имѣніи покойнаго князя Александра Михайловича въ Полонномъ, гдѣ присматриваетъ за церковью и фамильною усыпальницей князей Дондуковыхъ.

капитанъ Свистуновъ, запечатлѣвшій кровью свои высокія патріотическія чувства.

Что происходило затѣмъ, не поддается никакому описанію. Нижегородцы уже не были стройнымъ полкомъ, раздѣленнымъ на дивизіоны и эскадроны. Боемъ уже не распоряжался никто—его вели сами солдаты. Полковой командиръ попрежнему, какъ конная статуя, стоялъ впереди, и, по словамъ реляціи, время отъ времени только молча поднималъ свою шашку. И по этому нѣмому призыву смыкались кучки въ 15—20 человѣкъ, часто безъ офицеровъ, и врѣзывались въ непріятельскіе батальоны.

Мѣсто боя на пространствѣ 150 шаговъ было усѣяно людскими и конскими трупами; изъ 33 офицеровъ, выѣхавшихъ въ дѣло, уже 23 выбыло изъ фронта; изъ нижнихъ чиновъ не осталось и половины. Но эта оставшаяся горсть, малая числомъ, но твердая духомъ, все такъ же сдерживаетъ непріятельскія массы, не позволяя имъ тронуться съ мѣста. «Умремъ, ребята, но покуда живы, не пустимъ турокъ», слышится въ рядахъ Нижегородцевъ.

Между тѣмъ батальоны 18-й дивизіи, составлявшіе главную опору нашего лѣваго фланга, подавшись назадъ подъ натискомъ турецкой пѣхоты, остановились передъ угрозою кавалерійской атаки. Передъ ними то появлялась, то снова скрывалась за Караяломъ турецкая конница, и въ то время, какъ Нижегородцы геройски умирали, выручая весь лѣвый флангъ, пѣхота то свертывалась въ каре, то снова перестраивалась въ колонны. «Въ этомъ, говоритъ графъ Евдокимовъ-Добровольскій, и состояло все участіе ея въ бою, веденномъ нашею кавалеріею съ необыкновеннымъ упорствомъ и запальчивостію. Дѣло началось, велось и рѣшилось на лѣвомъ нашемъ крылѣ одними драгунами безъ участія пѣхоты. Кавалерія, увѣнчавъ себя побѣдой, была буквально истерзана; пѣхота же охранила себя отъ натиска непріятельской кавалеріи безпрерывнымъ употребленіемъ каре. Къ такому отрицательному послѣдствію привело строгое примѣненіе въ бою уставныхъ правилъ» ([5]).

Наконецъ полковникъ Тихоцкій, единственный штабъ-офицеръ, оставшійся въ рядахъ Нижегородскаго полка, самъ поскакалъ къ пѣхотѣ, и съ свойственною ему энергіею вывелъ ее изъ бездѣйствія. Но какъ только барабаны ударили у насъ «атаку», турки, въ конецъ измученные боемъ, потрясенные нравственно этою кровавою борьбою съ горстью нашей кавалеріи, стали отступать. Нижегородцы удачно поймали этотъ моментъ

и кинулись въ атаку. Вся непріятельская цѣпь была изрублена, батальоны прорваны, и 10-й эскадронъ капитана Сурикова вырываетъ изъ непріятельской батареи шесть полевыхъ орудій.

Двѣ русскія пушки, залитыя кровью, заваленныя тѣлами убитыхъ, также остались за нами.

Къ этому времени Тверскіе эскадроны, оправившіеся послѣ своей блестящей атаки, также вошли въ линію правѣе Нижегородцевъ, и принялись помогать имъ въ кровавой работѣ. Бѣлый конь графа Нирода обагрился кровью отъ полученной раны, но не переставалъ носить своего храбраго всадника впереди дивизіоновъ, насѣдавшихъ на турецкіе батальоны. Не было еще 8 часовъ, а правый флангъ турокъ безповоротно проигралъ дѣло. Пѣхота ихъ въ полномъ разстройствѣ отступила къ Огузламъ, а за нею скрылась и конница. Караялъ молчалъ. Занимавшій его турецкій отрядъ, опасаясь быть отрѣзаннымъ, поспѣшно спустился съ горы и бѣжалъ черезъ Башъ-кадыкъ-ларское поле.

Заслуга Нижегородцевъ была громадная. Шесть эскадроновъ одни сдержали напоръ всего праваго фланга. Они, конечно, могли бы покинуть орудія, могли бы отступить за пѣхоту,—и тогда потери ихъ уменьшились бы втрое и вчетверо; но въ эту рѣшительную минуту,—шагъ назадъ повелъ бы за собою дальнѣйшее отступленіе пѣхоты.

Жертва драгунъ была необходима ([6]).

Когда окончилась битва, и славныя остатки Нижегородскаго полка небольшою кучкой подошли на сборное мѣсто, ближайшій батальонъ Эриванскаго полка сталъ въ ружье, и привѣтствовалъ ихъ побѣднымъ «ура» ([7]). О подвигѣ Нижегородцевъ уже знало все русское войско. Но не только русскіе, сами турки отзывались съ большимъ уваженіемъ о дѣйствіи нашей кавалеріи въ день Кюрюкъ-даринской битвы. Разговаривая черезъ нѣсколько дней съ нашимъ парламентеромъ, турецкій главнокомандующій Зарифъ-паша сказалъ: «Я былъ на Караялѣ, и все поле было у меня какъ на ладони. Съ помощію трубы я многихъ вашихъ офицеровъ замѣтилъ въ лицо — они вели себя превосходно. Особенно замѣтилъ я генерала съ большими бакенбардами, въ бѣлой фуражкѣ, за нимъ слѣдовалъ черный значекъ. Онъ распоряжался рыжими и черными драгунами.

— Это былъ генералъ Багговутъ, аты-паша: начальникъ нашей кавалеріи, сказалъ парламентеръ.

Сраженіе при Кюрюкъ-Дара. (Съ картины Рубо).

«Поклонитесь ему отъ меня. Военнымъ людямъ нельзя не уважать другъ друга. Поклонитесь также вашимъ храбрымъ драгунамъ. Скажите имъ, что они отличные аскеръ-адамларъ (военные люди). Такъ я о нихъ думаю, такъ и всѣ думаютъ» ([8]).

Къ полудню 24-го іюля разбитая турецкая армія бѣжала по всему протяженію Кюрюкъ-даринскаго поля. Преслѣдованія съ нашей стороны было еще менѣе, чѣмъ послѣ Башъ-Кадыкъ-Лара. Какая-нибудь тысяча всадниковъ, пущенная въ эту минуту,—говоритъ одинъ изъ польскихъ эмигрантовъ:—могла бы все взять, все разрушить. Но русская армія сдѣлала привалъ на вершинѣ горы, прокричала три раза «ура!» и возвратилась въ свой лагерь при звукахъ военной музыки ([9]).

Турки потеряли при Кюрюкъ-Дара болѣе 3-хъ тысячъ убитыми, двѣ тысячи плѣнными, 2 значка, 4 штандарта и 15 орудій. Съ нашей стороны выбыло также три тысячи человѣкъ. Одинъ Нижегородскій полкъ потерялъ 23 офицера, 244 нижнихъ чиновъ и 307 лошадей.

Солдатская пѣсня, сложенная въ 3-мъ дивизіонѣ Нижегородскаго полка, такъ передаетъ намъ о Кюрюкъ-даринскомъ сраженіи.

Кюрюкъ-Дара кто помнитъ,
Тотъ помнитъ, какъ Петровъ
Сказалъ, что не уронитъ
Онъ славы храбрецовъ.
Пять разъ ходилъ въ атаку,
Пять разъ вертался вновь,
Въ ту памятную драку
Вездѣ лилася кровь.
Въ шестой повелъ опять онъ,
И съ горстью храбрецовъ
Разбилъ врага, какъ громомъ—
Прославилъ молодцовъ.
Не устояли турки,
И отдали назадъ
Забранныя двѣ пушки,
Съ своими заурядъ.
Два нашихъ командира
Погибли на штыкахъ,
Петровъ былъ раненъ также,
Но все стоялъ въ рядахъ.

Въ тотъ день легло не мало
Господь, простыхъ солдатъ,—
Затѣмъ, что передъ смертью
Не пятились назадъ.

Пройдутъ вѣка, а урокъ, который заключаетъ въ себѣ Кюрюкъ-даринская битва, останется въ роды родовъ живымъ свидѣтельствомъ, что не сила матеріальная есть источникъ побѣды, а нѣчто большее—великое чувство долга передъ родиной, ввѣряющей войску свои наиболѣе дорогіе интересы: защиту своей вѣры, своего царя и своей страны.

Крѣпость Александрополь.

Нѣмецкая колонія въ окрестностяхъ Елизаветполя.

V.

Между двумя кампаніями.

(1854—1855 г.).

Въ Турціи—послѣ Кюрюкъ-даринской битвы.—Отъѣздъ Багговута.—Праздникъ 22-го августа, и царская награда князю Бебутову.—Слова, обращенныя имъ къ Нижегородцамъ.—Солдатская пѣсня.—Награды Нижегородцамъ за Кюрюкъ-Дара.—Высочайшій приказъ 10-го октября 1854 года и его значеніе для Нижегородскаго полка.—Полковой праздникъ 27-го ноября.—Откуда пошло чествованіе иконы Знаменія Божіей Матери.—Молебствіе и торжество въ день полкового праздника.—Новая полковая пѣсня.—Роспускъ войскъ на зимовыя квартиры.—Стоянка въ Сала-Оглахъ.—Возвращеніе къ полку двухъ дивизіоновъ, бывшихъ на Лезгинской линіи.—Военныя дѣйствія въ Кахетіи.—Переходъ полка въ Елизаветполь.—Потрясающая вѣсть о кончинѣ Императора Николая 1-го.—Нижегородцы внѣ Кюрюкъ-даринской битвы.

Кюрюкъ-даринскимъ сраженіемъ начались и окончились военныя дѣйствія Нижегородскаго полка въ кампанію 1854 года. Турецкая армія,

укрывшись за стѣнами Карса, больше не выходила въ поле, и Александропольскій отрядъ спокойно простоялъ на поляхъ Анатоліи до глубокой осени. Но такъ какъ оставаться на полѣ, превратившемся въ обширное кладбище, гдѣ были на скорую руку зарыты тысячи людскихъ и конскихъ труповъ, было нельзя, то войска 5-го августа отодвинулись назадъ, къ Ахъ-Узюму, и стали ближе къ русской границѣ.

На этой позиціи войска простились съ начальникомъ кавалеріи генераломъ Багговутомъ. Онъ уѣхалъ въ Россію. Кавалерія лишилась въ немъ смѣлаго, энергичнаго и рѣшительнаго начальника, имя котораго будетъ произноситься въ исторіи съ уваженіемъ. «Въ сраженіи 24-го іюля,—писалъ онъ въ своемъ прощальномъ приказѣ:—вы, братья мои ратные, отъ перваго до послѣдняго явили чудеса храбрости, выполняли долгъ чести, превышая силы присвоеннаго вамъ оружія: вы ходили въ атаку на пѣхоту, на батареи, и мимоходомъ опрокидывали кавалерію. Такія совокупныя дѣйствія рѣдки въ исторіи тактики» ([1]). Они, дѣйствительно, рѣдки. И кавказскія дѣла, въ которыхъ кавалерія принимала такое блистательное участіе, гдѣ смѣлыя атаки ея начинали, поддерживали и рѣшали сраженія, лучше всего говорятъ за того, кто ею командовалъ.

Вскорѣ по отъѣздѣ Багговута, вся иррегулярная конница была отдѣлена въ команду особаго генерала, а три драгунскіе полка составили сводную дивизію, подъ начальствомъ генералъ-маіора графа Александра Евстафьевича Нирода.

Изъ послѣдующихъ событій кампаніи памятною осталась стоянка при Ахъ-Булахѣ, гдѣ войска отпраздновали 22-е августа, день коронаціи императора Николая Павловича. Въ лагерной церкви уже отошла обѣдня и началось молебствіе, когда послышался почтовый колокольчикъ, и прискакавшій фельдъегерь, войдя прямо въ церковь, подалъ князю Бебутову запечатанный пакетъ. Въ пакетѣ оказались знаки ордена Андрея Первозваннаго. Это была награда еще небывалая въ Россіи. Не даромъ разсказывали тогда, что императоръ Николай, получивъ донесеніе о Кюрюкъ-даринской битвѣ, сказалъ: «князь Бебутовъ хотѣлъ удивить меня побѣдой, а я удивлю его наградой»,—и Бебутовъ получилъ андреевскій орденъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта, и даже минуя владимірскую ленту, которой онъ еще не имѣлъ. Восторгъ былъ всеобщій. Привѣтъ государя, и величіе минуты, въ которую онъ былъ полученъ, глубоко

запали въ душу каждаго. На князя тутъ же надѣли новую ленту, и когда онъ вышелъ изъ церкви, войска встрѣтили его дружнымъ и единогласнымъ ура! Всѣ радовались его радостію, всѣ считали себя награжденными въ лицѣ своего начальника. Князь обратился къ стоявшему на правомъ флангѣ парада Нижегородскому полку и тронутымъ голосомъ сказалъ: «Друзья Нижегородцы! съ вами мнѣ всегда счастье: съ вами я получилъ за Кутиши Георгія на шею, за Башъ-Кадыкъ-Ларъ Георгія 2-й степени; съ вами же удостоился теперь Андрея Первозваннаго за Кюрюкъ-Дара. Съ вами жить и умереть хорошо!» (2).

Новое ура заглушило слова князя. Тогда же узнали, что фельдъегерь привезъ георгіевскіе кресты 3-й степени князю Барятинскому и генералу Бриммеру. Начались новыя поздравленія. Солдатамъ роздали по двѣ чарки водки. Весь лагерь пировалъ и шумѣлъ разгуломъ до самой зари, а пѣсенники пѣли уже новую пѣсню:

Веселитеся ребята,
Веселись нашъ командиръ,
Мы разбили супостата,
Слава намъ на цѣлый міръ.
Князь нашъ Бебутовъ любимый
Царской милостью почтенъ,
Корпусъ нашъ неустрашимый
Въ командирѣ награжденъ.
Съ бѣлымъ крестикомъ на шеѣ
Князь Барятинскій впередъ!
И солдату веселѣе,
Какъ начальникъ самъ ведетъ.
А ужь Бриммеръ не отстанетъ,
Бѣлый крестъ свой обновитъ—
Бурей огненною грянетъ,
Супостата поразитъ.
Мы всегда рады стараться,
Не ударимъ въ грязь лицомъ,
Если драться такъ ужь драться,
Каждый станетъ молодцомъ.
Пусть пожалуютъ къ намъ гости,
Валятъ словно саранча,—
Унесутъ ли гости кости,
Какъ ударимъ мы съ плеча?

Какъ на ихни черны тучи
Пріударитъ русскій громъ,
Мы размечемъ эти тучи
И на славу разобьемъ.
Битва съ туркомъ намъ забава,
Вспомянемъ Кюрюкъ-Дара:
Князю Бебутову слава,
Войску русскому ура!

На участниковъ Кюрюкъ-даринскаго сраженія царскія милости излились своимъ чередомъ. Въ Нижегородскомъ полку георгіевскіе кресты 4-й степени пожалованы были: полковникамъ князю Дондукову-Корсакову, Тихоцкому (*) и капитану Суринову. Командиръ полка князь Чавчавадзе награжденъ орденомъ св. Станислава 1-й степени; орденъ св. Владиміра 3-й степени—полковнику Шульцу; тотъ же орденъ 4-й ст.— капитану Колмыкову, штабсъ-капитанамъ: графу Менгдену и Кузьмину-Караваеву и поручикамъ: Петрову 2-му и Кусакову. Золотая сабля— капитану Свистунову, переименованному опять въ дѣйствительные статскіе совѣтники съ назначеніемъ камергеромъ двора Его Величества. Орденъ св. Анны 2-й ст. поручику Мамулову, 3-й ст. съ бантомъ: капитану Андрееву, поручикамъ: Тяжелову, Вихману, Ключареву 2-му, Батіевскому и Андрееву 2-му, и прапорщикамъ: Готовицкому, Стремоухову, Колупайлову и Суринову 2-му; св. Анны 4-й степени: прапорщикамъ Едигарову и Андрееву 3-му. Поручику Покатилову объявлено Монаршее благоволеніе, а капитану Шанъ-Гирею уничтоженъ штрафъ.

Затѣмъ маіоры: Петровъ, князь Чавчавадзе и Бѣлюстинъ произведены въ подполковники, штабсъ-капитаны Моралинъ и Фогель въ капитаны, поручикъ Лазицкій въ штабсъ-капитаны, прапорщики: Рейтеръ, Шелеховъ, Тавкежевъ, князь Абашидзе, Григоровичъ, князь Чавчавадзе, Бергеръ, Дрягилевъ, князь Церетели и Попоригопулло—въ поручики. Старшіе вахмистра: Шепелевъ и Докучаевъ, юнкера и унтеръ-офицеры: свѣтлѣйшій князь Салтыковъ, князь Багратіонъ-Мухранскій, Лохвицкій, Энгельгардтъ, Маевскій, Дрейлингъ, Теръ-Асатуровъ (Дмитрій), Шемаевъ, Ивашкинъ, Дадіанъ, Гончаровъ (Иванъ), Юдинъ, Бартеневъ и Малинскій—въ прапорщики. Въ каждый эскадронъ назначено было по три

(*) Тихоцкій имѣлъ Георгія за 25 лѣтъ, и теперь къ этому кресту прибавленъ былъ бантъ.

знака отличія Военнаго ордена, отъ князя Бебутова, и по шести отъ государя императора ([3]). Всѣмъ участвовавшимъ въ сраженіи нижнимъ чинамъ пожаловано по три рубля серебромъ, а шефъ полка наслѣдный принцъ Виртембергскій прислалъ 120 рублей для раздачи тяжело раненымъ.

Затѣмъ 3-му и 4-му дивизіонамъ Нижегородскаго полка къ старымъ надписямъ на штандартахъ повелѣно прибавить: «и за отличіе въ сраженіи 24-го іюля 1854 года, при дер. Кюрюкъ-Дара», а пикинерному дивизіону пожалованъ новый Георгіевскій штандартъ; это была награда, уже выходившая изъ ряда обыкновенныхъ, такъ какъ въ пикинерныхъ дивизіонахъ штандартовъ не полагалось совсѣмъ. Но царскія милости къ полку не остановились еще и на этомъ. 10-го октября 1854 года послѣдовалъ слѣдующій приказъ по военному вѣдомству:

«Государь Императоръ, обращая вниманіе на блистательное мужество, постоянное рвеніе и примѣрно-усердную во всѣхъ отношеніяхъ службу драгунскаго его королевскаго высочества наслѣднаго принца Виртембергскаго (Нижегородскаго) полка, доблестными подвигами своими заслужившему уже большую часть отличій, даруемыхъ войскамъ, всемилостивѣйше жалуетъ офицерамъ сего полка на воротники и обшлага присвоенныхъ имъ куртокъ—золотыя петлицы».

Золотыя петлицы до тѣхъ поръ жаловались только артиллеріи; а потому высочайшій приказъ этотъ сразу выдѣлялъ Нижегородскій полкъ изъ ряда другихъ полковъ, не только кавалерійскихъ, но и пѣхотныхъ.

Извѣстіе объ этомъ пришло не задолго передъ полковымъ праздникомъ, и придало этому дню особое значеніе. Кстати объ этомъ праздникѣ. Нѣтъ никакихъ документовъ и даже преданій, по которымъ можно бы было установить время его учрежденія въ полку, и причинъ, почему для него избранъ именно день 27-го ноября, когда церковь празднуетъ «Знаменіе Божіей Матери». Икона эта, изображающая Пречистую Дѣву съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, сидящимъ на лонѣ ея безъ всякой поддержки, пріобрѣла всеобщую извѣстность по чуду, впервые совершенному ею въ великомъ Новогородѣ. Это было въ 1170 году, когда суздальскій князь Андрей Боголюбскій пошелъ войною противъ Новогородцевъ. Ополченіе составилось большое. «Мало не вся русская земля—говоритъ древній лѣтописецъ: совокупися противъ Новегорода; однихъ бо князей тогда бяше 72». Новогородцы бились мужественно, но уже изнемогали въ

борьбѣ. И вотъ, когда народъ, распростершись однажды у алтаря, взывалъ о помощи свыше, вдругъ послышался невѣдомый голосъ, повелѣвавшій поднять икону Богоматери изъ церкви Спаса, и вознести ее на городскую стѣну, «да узрите спасеніе граду». И какъ только икона была поставлена при молебномъ пѣніи, воочію всѣхъ совершилось чудо: ликъ Богоматери отвернулся отъ нападающихъ, какъ бы негодуя на нихъ за проливаемую кровь единовѣрцевъ; въ тотъ же моментъ страшная тьма объяла суздальскіе полки, и они въ ужасѣ побѣжали отъ стѣнъ Новогорода. Съ этого дня икона наименована «Знаменіемъ Божіей Матери», а праздникъ въ честь ея установленъ въ самый день новогородской побѣды ([4]). Если вспомнить, что Новогородъ былъ колыбелью Нижегородскаго полка, и что икона вмѣщаетъ въ себѣ чудотворную силу, «ею же дивную побѣду даровала еси», какъ говоритъ церковная пѣсня,—то невольно приходитъ на мысль, не имѣютъ ли эти событія какого-нибудь соотношенія и къ учрежденію полкового праздника?

Вотъ и теперь, 27-го ноября 1854 года, съ тою же побѣдною пѣснію стояли Нижегородцы передъ своимъ аналоемъ, на которомъ красовались два полковые образа: одинъ изъ нихъ былъ «Знаменія», очень старый, пожертвованный полку еще генераломъ Шабельскимъ въ 1826 году, и, слѣдовательно, во второй разъ уже сопровождавшій драгунъ по полямъ Азіятской Турціи; другой былъ новый, съ ликомъ святителя Митрофанія, только что присланный полку отъ гражданъ Воронежа. На молебнѣ присутствовалъ князь Бебутовъ со всѣмъ своимъ штабомъ. Послѣ парада князь Бебутовъ подошелъ къ ведру, наполненному спиртомъ, и, зачерпнувъ ковшъ, провозгласилъ здоровье государя императора! Потомъ графъ Нироде выпилъ «за здоровье полка». По этикету, существующему въ подобныхъ случаяхъ, каждый изъ генераловъ долженъ отвѣдать традиціоннаго напитка. Когда все это было исполнено, одинъ изъ вахмистровъ, степенный человѣкъ вершковъ десяти, наполнилъ ковшъ добросовѣстно, откашлялся, провозгласилъ: «Здоровье его сіятельства князя Бебутова!»—и выпилъ лучше всѣхъ генераловъ. Офицеры обѣдали въ особомъ шатрѣ при громѣ полковыхъ трубачей; были и пѣсенники; пѣлись тѣ же самыя пѣсни, что прежде, но только онѣ стали потише: многіе голоса перестали пѣть послѣ 24-го іюля. Это не помѣшало имъ исполнить, однако, и новую пѣсню, написанную Соллогубомъ, замѣчательную своею оригинальностью ([5]).

Запѣвало приглашаетъ Малышку (*), этого балагура, весельчака и полишинеля Нижегородцевъ, выйти впередъ и отвѣчать на предлагаемые ему вопросы. Малышка даетъ отвѣты самые короткіе, но весьма категорическіе, и иногда полные своеобразнаго юмора. Хоръ подхватываетъ его слова, и развиваетъ ихъ смыслъ уже сообразно полковой исторіи, характеру и духу Нижегородцевъ.

Хоръ.

Ну, Малышка, выходи,
Поклонись кругомъ съ почтеньемъ,
Становися впереди,
Отвѣчай намъ съ разумѣньемъ.

Запѣвало.

Сколько будетъ нынче лѣтъ,
Что про насъ ужь ходятъ вѣсти?
Какъ давно насъ знаетъ свѣтъ?
Сколько лѣтъ полку-то?..

Малышка.

Двѣсти.

Хоръ.

Двѣсти лѣтъ старикамъ,
А гляди, какъ моложавы!
Знать конца не будетъ намъ,
Какъ конца нѣтъ нашей славы.

Запѣвало.

Били турку мы не разъ,
Горцевъ видывали съ тыла;
Въ Кутишахъ живетъ разсказъ,
Какъ хватили мы ихъ...

Малышка.

Въ рыло.

Хоръ.

Знаемъ ихъ отважный строй,
Не давай лишь имъ потачки:
Коль впередъ—такъ всей толпой,
А ужь тамъ по одиначкѣ.

Запѣвало.

Ты скажи про Кадыкъ-Ларъ;
Говорятъ, мы оплошали,

*) Малышка рядовой 8-го эскадрона.

Турки вынесли ударъ,
Насъ отпотчивали...

Малышка.

Гдѣ тамъ--драли!

Хоръ.

Знать, драгуны таковы,
Свой завѣтъ не позабудутъ,
Могутъ быть безъ головы,
Но безъ славы ужь не будутъ.

Запѣвало.

Подъ горой Кюрюкъ-Дара
Подобрали мы игрушки,
Помнишь, съ ранняго утра,
А какія взяли...

Малышка.

Пушки!

Хоръ.

Хошь стерпѣли мы изъянъ,
Да за то съ плеча рубили,
Взяли пушки бусурманъ,
Да и кровныя отбили...

Запѣвало.

Эхъ-ма, служба тяжела,
Часомъ, право, не находка,
А была чтобъ весела,
Что драгуну нужно?...

Малышка.

Водка.

Хоръ.

Нѣтъ, не грѣхъ намъ погулять,
Выпить чарочку, другую,
Лишь бы грудью постоять
За Царя и Русь родную.

Этотъ праздникъ былъ эпилогомъ кампаніи. 3-го декабря войска разошлись по зимовымъ квартирамъ, и Нижегородскому полку назначенъ былъ Елизаветполь; однакоже до разъясненія слуховъ о чумѣ, будто бы появившейся въ Елизаветпольской долинѣ, его задержали на время въ окрестностяхъ Александрополя и расположили въ дер. Салы-Оглы ([6]). На этой стоянкѣ присоединились къ полку и первые два диви-

зіона, пришедшіе съ лезгинской кордонной линіи; въ военныхъ дѣйствіяхъ они не участвовали, но имъ довелось быть свидѣтелями той страшной катастрофы, которая повергла въ скорбь цѣлую Грузію.

Это былъ памятный набѣгъ Кази-Магомы, захватившаго всего въ

Цинондалы.

семи верстахъ отъ Телава богатые Цинондалы, и въ нихъ семейства князей Орбеліани и Чавчавадзе. Обѣ княгини были родныя сестры, внучки послѣдняго вѣнценосца Грузіи Георгія XIII, и ихъ бѣдственная участь не могла не вызывать у всѣхъ чувства глубокаго и искренняго

соболѣзнованія. Катастрофу можно было бы еще предотвратить, если бы драгунъ не трогали изъ ихъ центральной позиціи у Царскихъ Колодцевъ. Но ожидая вторженія Шамиля, у насъ больше всего боялись за Нухинскій уѣздъ, какъ населенный мусульманами, и драгуны въ короткое время перемѣнили нѣсколько стоянокъ, появляясь то около Нухи, то около Каха, а самая катастрофа застала ихъ уже въ Закаталахъ, въ разстояніи ста верстъ отъ мѣста происшествія. По первой тревогѣ Барковскій проскакалъ это пространство въ одинъ переходъ, но прибылъ все-таки поздно, когда Цинондалы лежали уже въ развалинахъ. Слушая разсказы о случившемся, драгуны съ тяжелымъ чувствомъ смотрѣли на обгорѣлые остатки княжескаго дома и на разбросанную вокругъ него богатую утварь. Какая жестокая судьба постигла эти два, особенно уважаемыя въ Грузіи семейства. Не прошло еще полугода, какъ княгиня Орбеліани потеряла мужа, извѣстнаго генерала, князя Илико, убитаго подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ; а мужъ княгини Анны Ильинишны, Давидъ Чавчавадзе, въ это самое время геройски оборонялся въ Шильдахъ, и слишкомъ поздно узналъ о потерѣ своей семьи и всего своего состоянія (7). Къ счастію этотъ печальный случай является для Грузіи какъ бы заключительнымъ актомъ въ ея вѣковой борьбѣ съ лезгинами.

По возвращеніи дивизіоновъ изъ Царскихъ Колодцевъ, полкъ еще около мѣсяца стоялъ на временныхъ квартирахъ въ Салы-Оглы, и только 13-го февраля перешелъ наконецъ въ Елизаветполь, гдѣ эскадроны его размѣстились частію въ городѣ, а частію по молоканскимъ деревнямъ и нѣмецкимъ колоніямъ (8). Старая Ганжа, свидѣтельница Цицiановскаго штурма, тогда уже лежала въ развалинахъ, но еще сохранялись въ ней остатки ханскаго дворца, сераля и другихъ построекъ. Сохранилась въ самомъ городѣ и большая мечеть, осѣненная гигантскими чинарами, которымъ насчитываютъ больше 250 лѣтъ. Какъ во времена Цицiанова, такъ и теперь, вокругъ этой мечети раскидывался огромный городской базаръ, и драгуны толпились на немъ съ утра до поздняго вечера, отводя свою душу послѣ долгихъ бивуачныхъ лишеній и мытарствъ по бѣднымъ и грязнымъ армянскимъ ауламъ. Стоянка въ губернскомъ городѣ вообще обѣщала много пріятныхъ развлеченій,—какъ вдругъ все перемѣнилось разомъ: 4-го марта 1855 года въ Елизаветполь прискакалъ курьеръ съ неожиданнымъ извѣстіемъ о кончинѣ императора Николая Павловича (9). Кто жилъ въ ту, уже далекую отъ насъ эпоху, тотъ пом-

Знамя Грузинской дружины.

нитъ какое это было потрясающее извѣстіе. Если потеря государя оплакивалась когда-нибудь страною, такъ это именно въ ту роковую годину. Всѣ какъ-то безотчетно почувствовали себя безпомощными, сирыми, у всѣхъ опустились руки; всѣ поняли, что не стало могучаго, великаго человѣка, охранителя монархическаго начала. Всѣ вспоминали высокія качества его души, рыцарскій характеръ, тотъ величавый нравственный обликъ, который чѣмъ дальше отодвигается отъ насъ, тѣмъ выше и рельефнѣе растетъ на своемъ незыблемомъ пьедесталѣ.

Съ 18-го февраля 1855 года, началось новое царствованіе.

Но прежде чѣмъ продолжать разсказъ о дальнѣйшихъ событіяхъ въ жизни полка, позволимъ себѣ возвратиться назадъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о тѣхъ Нижегородцахъ, которые не участвовали съ полкомъ въ Кюрюкъ-даринскомъ сраженіи, но заслужили себѣ добрую память и уваженіе на другихъ театрахъ войны или въ другихъ частяхъ, съ которыми были въ кампаніи.

На первомъ мѣстѣ стоитъ поручикъ князь Амилахвари, командированный отъ полка при самомъ открытіи кампаніи 1854 года, инструкторомъ въ грузинскую дружину, формировавшуюся тогда изъ шести конныхъ сотенъ въ сел. Доглаури. Изъ этой дружины хотѣли образовать нѣчто въ родѣ регулярнаго кавалерійскаго полка, и, надо сказать, что выборъ, остановившійся на князѣ Амилахвари, какъ на человѣкѣ, проникнутомъ и чувствомъ высокаго долга и любовью къ славѣ родного оружія, былъ какъ нельзя болѣе удаченъ. Дружина была выучена имъ превосходно, и превосходно дисциплинирована. Но главная заслуга и память, оставленныя имъ въ дружинѣ, заключались не въ этомъ строевомъ образованіи, а въ нравственномъ перевоспитаніи всадниковъ, въ искорененіи у нихъ вредныхъ обычаевъ, привитыхъ хищническою войною горцевъ. «Чтобы быть достойнымъ высокаго званія воина, а не уподобляться дикимъ лезгинамъ,—внушалъ онъ своимъ подчиненнымъ:— вамъ прежде всего нужно отказаться отъ всякой добычи. Ваша добыча — пушки и непріятельскія знамена. Съ ними вы не добудете матеріальнаго богатства, но пріобрѣтете то, чего нельзя купить ни за какія деньги — честь воина и безсмертное имя въ народѣ». Чтобы еще болѣе укоренить въ нихъ это возвышенное чувство, и вмѣстѣ съ тѣмъ воскресить старинный народный обычай, по его мысли въ полку заведено было знамя,

на черномъ полотнищѣ котораго съ одной стороны изображенъ былъ нерукотворный образъ Спаса, съ другой — Георгій Побѣдоносецъ, а кругомъ на русскомъ и грузинскомъ языкахъ шла надпись: «Съ нами Богъ разумѣйте языцы и покоряйтесь яко съ нами Богъ». Это знамя служило не только военнымъ стягомъ, но и чтимой иконой, передъ которою грузины усердно молились въ походахъ. Внушенія Амилахвари находили себѣ живой отголосокъ въ воспріимчивомъ сердцѣ грузинъ,— и они доказали это на дѣлѣ, заслуживъ въ первомъ же бою, 4-го іюня 1854 года на Чолокѣ, георгіевское знамя. Въ этомъ бою дружина атаковала турецкую пѣхоту въ самый острый моментъ сраженія, когда боевое счастье начинало служить уже туркамъ, и хотя потеряла при этомъ своего достойнаго начальника полковника Джандіери, раненнаго двумя штыками, трехъ сотенныхъ командировъ и больше 120-ти нижнихъ чиновъ, но изрубила батальоны, вырвала изъ ихъ рядовъ непріятельское знамя, и вывезла пушку. Амилахвари за это дѣло былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, и, возвратившись въ полкъ, принялъ 7-й эскадронъ.

Черезъ 23-года послѣ этого, когда началась новая турецкая война, и князь Амилахвари, уже въ чинѣ генерала, командовалъ кавалеріею въ Эриванскомъ отрядѣ, онъ однажды получилъ посылку изъ Грузіи. Развернувъ ее, онъ увидѣлъ то самое черное знамя, подъ которымъ сражался еще молодымъ офицеромъ на Чолокѣ. Его прислалъ ему сынъ Джандіери. Знамя это въ первой разъ появилось въ бою у Драмъ-Дага, и князь Амилахвари, указывая на него солдатамъ, говорилъ: «Ребята! это знамя привыкло побѣждать непріятелей. Подъ его сѣнью *4-го іюня* 1854 года мы одержали знаменитую побѣду на Чолокѣ. Господь поможетъ намъ и въ сегодняшнемъ дѣлѣ». Слова эти сбылись, — и *4-го іюня* 1877 года турецкая армія была разбита на голову у Драмъ-Дага. Съ тѣхъ поръ этотъ значокъ неизмѣнно сопутствовалъ князю во всѣхъ его дѣлахъ въ Азіятской Турціи, и теперь хранится у него, какъ памятникъ прошлыхъ походовъ ([10]).

Много говорили тогда въ полку о чудесномъ спасеніи жизни другого офицера, штабсъ-капитана Аксамитнато, переведеннаго еще передъ войною въ 4-й конно-мусульманскій полкъ для командованія армянскою сотнею ([11]). Полкъ этотъ находился въ эриванскомъ отрядѣ генерала Врангеля, и участвовалъ съ нимъ въ знаменитой побѣдѣ на Чингильскихъ высотахъ у Баязета. Тамъ, въ рукопашной схваткѣ съ арабами, Аксамит-

ный былъ сброшенъ вмѣстѣ съ конемъ въ какую-то пропасть, и конь разбился вдребезги объ острыя скалы, а Аксамитный, къ изумленію всѣхъ, не получилъ даже ушиба. Въ другой атакѣ, въ томъ же самомъ сраженіи, подъ нимъ была убита лошадь въ тотъ моментъ, когда онъ съ сотней заскакалъ въ тылъ бѣгущаго непріятеля. Упавшая лошадь придавила его собою; онъ лежалъ неподвижно, а турки, пробѣгавшіе мимо, считали какъ бы за обязанность стрѣлять по немъ изъ ружей и пистолетовъ. Сдѣлано было нѣсколько десятковъ выстрѣловъ,—и пули всѣ до одной попали въ голову и въ шею коня, бившагося еще въ предсмертной агоніи, а самъ Аксамитный и на этотъ разъ отдѣлался только легкою контузіею въ ногу ([12]).

Третій офицеръ былъ Ковако, прибывшій въ полкъ уже съ репутаціей боевого офицера, пріобрѣтенною въ Венгерской кампаніи. Онъ служилъ въ Одесскомъ уланскомъ полку, въ корпусѣ Лидерса, и во время Германштадтскаго сраженія, 25-го августа, участвовалъ въ знаменитой атакѣ этого полка на венгерскую пѣхоту. Пѣхота была изрублена, орудія взяты, и Ковако, врубившійся изъ первыхъ, получилъ нѣсколько ранъ и контузій. Его произвели въ поручики, дали Анну съ бантомъ и перевели въ лейбъ-уланы. Отсюда, въ началѣ 1854 года, онъ и перешелъ въ Нижегородскій полкъ капитаномъ. Какъ уроженцу Аѳинъ, князь Бебутовъ тогда же поручилъ ему сформировать конную дружину изъ грековъ, представлявшихъ собою въ Грузіи или каменщиковъ, или мастеровыхъ горнаго дѣла. Съ этою оригинальною дружиной, одѣтой въ широчайшія бѣлыя юбки, до крайности смущавшія своимъ покроемъ нашихъ драгунъ, Ковако участвовалъ въ Кюрюкъ-даринскомъ сраженіи и получилъ орденъ св. Анны 2-й степени. По роспускѣ дружины онъ возвратился въ полкъ и командовалъ 5-мъ эскадрономъ. Говоря о Ковакѣ, нельзя не сказать, что это былъ человѣкъ талантливый, и притомъ обладавшій самыми разнообразными свѣдѣніями: онъ былъ художникъ, скульпторъ, механикъ, электро-техникъ и гальвано-пластикъ, т. е. человѣкъ обладавшій такими познаніями, которыя доступны были тогда еще очень немногимъ. Впослѣдствіи онъ вышелъ въ отставку и занялся различными изобрѣтеніями; изъ нихъ одно—«Стигматипъ» (приборъ для письма слѣпыхъ), пріобрѣлъ всеобщую извѣстность и доставилъ ему владимірскій крестъ и академическіе знаки отъ двухъ академій—Парижской и Нидерландской ([13]).

Изъ числа офицеровъ, прибывшихъ въ полкъ въ зиму на 1855 годъ, выдавался особенно прапорщикъ Коррадини, уроженецъ, кажется, города Лукки или Флоренціи. Служебное свое поприще въ Россіи Коррадини началъ учителемъ рисованія въ Тифлисской гимназіи, и когда въ 1853 г. началась война, онъ неожиданно объявилъ желаніе поступить въ войска, какъ отставной офицеръ итальянской арміи. Его опредѣлили прапорщикомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, гдѣ его приняли самымъ дружескимъ образомъ. Онъ оказался прекраснымъ боевымъ офицеромъ, отличнымъ ѣздокомъ и добрымъ товарищемъ. При бѣшеной вспыльчивости, не разъ доводившей его до исторій, онъ имѣлъ добрѣйшее сердце, и всегда былъ готовъ по мѣрѣ силъ, и притомъ умѣло помочь товарищу въ какую-нибудь тяжелую минуту. Человѣкъ весьма образованный, окончившій курсъ въ Лукскомъ королевскомъ лицеѣ со степенью бакалавра физико-математическихъ наукъ, Коррадини хорошо владѣлъ нѣсколькими языками и былъ замѣчательный художникъ. Изъ его произведеній того времени заслуживаютъ особаго вниманія: портретъ Муравьева, помѣщенный въ художественномъ листкѣ Тимма—лучшій изъ всѣхъ муравьевскихъ портретовъ, голова Хаджи-Мурата, нарисованная имъ съ натуры, портреты того же Хаджи-Мурата, различные типы горцевъ и Нижегородскихъ драгунъ, большая картина: лагерь Нижегородскаго полка въ Бозгалахъ, и наконецъ, портреты всѣхъ офицеровъ полка, въ одной общей группѣ, въ которой фигурируетъ и самъ художникъ съ карандашемъ и бумагой въ рукахъ. Подлинникъ этой послѣдней картины, исполненной акварелью чрезвычайно типично и бойко, принадлежитъ князю Дондукову-Корсакову, а многочисленные фотографическіе снимки встрѣчаются едва ли не у каждаго стараго Нижегородца. Одному изъ этихъ снимковъ принадлежитъ въ жизни полка высокое значеніе, о которомъ мы скажемъ позднѣе—ему обязанъ полкъ царскимъ портретомъ, понынѣ украшающимъ собою полковую залу. Впослѣдствіи Коррадини вышелъ въ отставку, поселился въ Италіи и не безъ успѣха занялся скульптурою. Въ Академіи Художествъ (на Васильевскомъ острову) и теперь имѣется его колоссальная, высѣченная изъ мрамора, фигура императора Александра II-го, передъ памятью котораго Коррадини благоговѣлъ до самой своей кончины ([14]).

Въ ту же зиму былъ переведенъ въ Нижегородскій полкъ изъ Нарвскаго гусарскаго полка съ назначеніемъ состоять при главнокомандующемъ отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ и поручикъ Шереметевъ,

Сергѣй Алексѣевичъ—нынѣ генералъ-адъютантъ, командующій войсками Кавказскаго Военнаго округа и главноуправляющій на Кавказѣ гражданскою частью.

Мечеть и базаръ въ Елизаветполѣ.

Переправа черезъ Араксъ.

VI.

Блокада Карса.

(1855 г.).

Перемѣна обмундированія. — Открытіе кампаніи 1855 года. — Новый главнокомандующій. — Первый періодъ кампаніи: Нижегородцы въ походѣ къ Ардагану, у Бегли-Ахмата, за Саганлугскимъ хребтомъ и въ поискахъ подъ Карсомъ. — Назначеніе новаго командира полка полковника князя Дондукова-Корсакова.—Открытіе имъ сообщенія съ Эриванскимъ отрядомъ.—Неудавшееся предпріятіе противъ Вели-паши.—Тѣсная блокада Карса.—Смерть Позняка.—Переходъ полка въ Бозгалы.—«Ночное побоище» 23-го августа.—Пенякская экспедиція.—Холера въ русскомъ лагерѣ.—Штурмъ Карса и участіе въ немъ Нижегородскихъ охотниковъ.—Смерть князя Грузинскаго.—Зима подъ Карсомъ.—Сдача крѣпости.—Милостивыя слова Императора.

Въ 1855 году, съ началомъ новаго царствованія начались коренныя измѣненія въ покроѣ и формѣ обмундированія войскъ,—вопросъ близкій

и всегда интересующій тѣхъ, до кого онъ касается. Для Нижегородскаго полка, впрочемъ, всѣ эти перемѣны ограничились тѣмъ, что ихъ традиціонныя куртки замѣнены были чекменями, представлявшими собою въ сущности тѣ же самыя куртки, только съ короткими полами на подобіе донскихъ чекменей, но съ прежними газырями, украшенными цѣпочками и галуномъ. Такъ какъ новая форма была удобнѣе старой, а въ красотѣ и въ оригинальности ничего не теряла, то за постройку чекменей принялись тотчасъ же во всѣхъ эскадронахъ (1), несмотря на сборы къ походу. который уже приближался.

Весна 1855 года наступила рано; снѣга быстро таяли, и какъ только въ полѣ показалась молодая травка, 1-й дивизіонъ Нижегородскаго полка выступилъ съ зимовыхъ квартиръ опять въ Царскіе Колодцы, гдѣ вмѣстѣ съ тремя донскими полками долженъ былъ образовать конный резервъ для Лезгинской линіи. Начальство надъ этимъ отрядомъ поручено было полковнику Тихоцкому.

Вслѣдъ за 1-мъ дивизіономъ выступили изъ Елизаветполя, въ составъ дѣйствующаго корпуса, и остальные восемь эскадроновъ, подъ командой генералъ-маіора князя Чавчавадзе.

На походѣ, въ Делижанскомъ ущельѣ, полкъ осмотрѣлъ новый главнокомандующій генералъ-адъютантъ Муравьевъ. Онъ нашелъ его въ хорошемъ состояніи, но съ княземъ Чавчавадзе обошелся болѣе нежели сухо. Всѣ поняли тогда, что Чавчавадзе не останется въ дѣйствующемъ корпусѣ; но всѣ поняли также, что причины къ этому нужно было искать не здѣсь, а въ далекомъ прошломъ, когда оба они служили на Кавказѣ еще при Паскевичѣ (2).

При такихъ условіяхъ началась для Нижегородскаго полка кампанія 1855 года. Войска въ этомъ году перешли границу 24-го мая, и миновавъ кюрюкъ-даринское поле, стали на позиціи у деревни Аджи-Кала, нѣсколько сѣвернѣе Карса. Здѣсь ожидали прибытія генерала Ковалевскаго, который шелъ со стороны Аджаріи, и долженъ былъ по пути овладѣть Ардаганомъ. Такъ какъ при этомъ отрядѣ не было конницы, то на встрѣчу къ нему отправили генерала Бакланова съ летучимъ отрядомъ, въ составъ котораго вошли 4-й и 5-й дивизіоны Нижегородскаго полка, подъ командою князя Дондукова. Баклановъ выступилъ ночью и, бросивъ въ сторонѣ большой ардаганскій трактъ, повелъ войска напрямикъ черезъ горы. Шли цѣлыя сутки по мѣстамъ незнако-

Форма обмундированія 1855 года.

мымъ, безъ проводниковъ, безъ картъ, и даже безъ приваловъ. Ночью поднялись на Ардаганскій хребетъ, и застали его покрытымъ еще глубокимъ снѣгомъ. Морозъ держался около 5 или 6 градусовъ, и люди, одѣтые по-лѣтнему, сильно терпѣли отъ холода; между тѣмъ огней во время короткаго привала раскладывать было не велѣно, и въ полночь двинулись дальше опять на рысяхъ. Но какъ ни торопился Баклановъ, однако, верстахъ въ 15 отъ Ардагана онъ получилъ извѣстіе, что городъ сдался безъ боя, и пѣхота Ковалевскаго уже идетъ на соединеніе съ главными силами (3).

Черезъ нѣсколько дней, произведя рекогносцировку восточныхъ укрѣпленій Карса, весь русскій корпусъ перешелъ на южную сторону крѣпости и сталъ у Мугараджика. Этимъ движеніемъ мы отрѣзали анатолійскую армію отъ ея главныхъ складовъ, собранныхъ по ту сторону Саганлугскаго хребта, а чтобы истребить и тѣ запасы, которые хранились еще въ окрестныхъ селеніяхъ, стали высылать летучіе отряды. Одинъ изъ этихъ отрядовъ, 8-е іюня, внезапно нагрянулъ на деревню Бегли-Ахматъ, и два дивизіона Нижегородцевъ, 2-й и 4-й, истребили въ ней огромные магазины, тщательно скрываемые турками. Всю эту ночь бушевала страшная буря, шелъ проливной дождь, дороги испортились, рѣки вышли изъ береговъ, и Муравьевъ опасался даже, что драгуны не перейдутъ обратно Карсъчая. Но они въ оба пути переплыли бушующую рѣку и даже перетащили съ собою орудія. Думали ли тогда Нижегородцы, что этотъ ничтожный Бегли-Ахматъ, доставившій имъ первую похвалу главнокомандующаго (4), черезъ 22 года оставитъ свое имя въ исторіи.

15-го іюня войска опять перемѣнили позицію и стали у Каны-Кея на высотахъ, командовавшихъ Карсскою равниной. Отсюда Нижегородскій полкъ въ составѣ главныхъ силъ, подъ личнымъ начальствомъ Муравьева, ходилъ за Саганлугскій хребетъ, гдѣ войска уничтожили всѣ магазины и турецкіе склады, находившіеся въ Кара-Курганѣ, Ени-кеѣ, Бардузѣ и Зевинѣ. Съ этихъ поръ анатолійская армія, запертая въ Карсѣ, лишена была послѣднихъ источниковъ своего продовольствія.

Не всѣ войска вернулись, однакоже, изъ-за Саганлуга. 4-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, вмѣстѣ съ двумя линейными и двумя кабардинскими сотнями, остался въ горахъ, подъ начальствомъ князя Дондукова-Корсакова, которому поручено было собирать свѣдѣнія о непріятелѣ, въ случаѣ появленія его по ту сторону горъ. Весь остальной полкъ

былъ выдвинутъ въ Текмэ, и сталъ на большой Арзерумской дорогѣ, производя безпрерывные поиски, чтобы отрѣзать крѣпость ото всего, что ее окружало извнѣ. Одинъ изъ этихъ поисковъ, въ которомъ участвовалъ пикинерный дивизіонъ Нижегородскаго полка, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ ночь на 3-е іюля, когда страшная гроза разразилась надъ окрестностями Карса, изъ Текмэ выступилъ летучій отрядъ Бакланова, и подъ завыванія бури быстро пронесся у самаго подножія Шорахскихъ укрѣпленій. Къ свѣту онъ былъ уже въ горахъ, замыкавшихъ карсскую равнину со стороны Ардагана, и въ теченіе двухъ дней разбилъ и разсѣялъ всѣ скрывавшіяся тамъ разбойничьи шайки.

Когда пикинеры возвратились въ лагерь, они застали уже новаго полкового командира — князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова.

По пріѣздѣ въ край, Муравьевъ уже не одинъ разъ писалъ къ военному министру о скорѣйшемъ назначеніи Дондукова командиромъ Нижегородскаго полка. «Бодрый полкъ сей», писалъ онъ, «требуетъ заботъ по матеріальной части, чтобы удержаться въ будущемъ на своей высотѣ, а нынѣшній командиръ полка генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе могъ бы занять съ пользою мѣсто бригаднаго командира въ Россіи... Въ чинѣ генерала, вмѣстѣ съ званіемъ командира полка, Дондуковъ будетъ мнѣ еще полезнѣе» (5)... Ходатайство это было уважено, и 10 іюня послѣдовалъ Высочайшій приказъ, которымъ князь Чавчавадзе, за неимѣніемъ свободной бригады, зачисленъ по кавалеріи, а князь Дондуковъ назначенъ командиромъ полка. Но прежде чѣмъ приступить къ пріему, Дондуковъ долженъ былъ исполнить еще одно серьезное порученіе — открыть сообщеніе съ Эриванскимъ отрядомъ Суслова, стоявшимъ на Араксѣ, у Сурбъ-Оганеса. Дѣло заключалось въ томъ, что изъ донесеній князя Дондукова, доставляемыхъ имъ изъ-за Саганлуга, главнокомандующій впервые узналъ о существованіи турецкаго корпуса Вели-паши, который тоже стоялъ на Араксѣ, у Керпи-кейскаго моста, заслоняя дорогу къ Арзеруму. Самъ по себѣ корпусъ этотъ, не превышавшій 7—8 тысячъ человѣкъ, былъ для насъ не опасенъ, но нравственное значеніе его, въ смыслѣ поддержки духа карсскаго гарнизона, было чрезвычайно важно. Это былъ кадръ, возлѣ котораго могла образоваться достаточно сильная армія, и, какъ писалъ Дондуковъ, войска уже шли къ нему изъ Багдада и Константинополя. Остановившись на мысли уничтожить корпусъ Вели-

паши прежде, чѣмъ онъ получитъ какія-нибудь подкрѣпленія, главнокомандующій поручилъ князю Дондукову лично переговорить объ этомъ съ Сусловымъ и условиться съ нимъ относительно одновременной атаки Керпикейской позиции съ обоихъ береговъ Аракса.

Князь Дондуковъ выѣхалъ изъ лагеря 9-го іюля, вмѣстѣ со 2-мъ дивизіономъ Нижегородскаго полка, и оставивъ драгунъ въ Кагызманѣ, самъ въ сопровожденіи только поручика Стремоухова и 40 донскихъ казаковъ, отправился дальше въ лагерь Эриванскаго отряда. Ему пришлось пробираться верстахъ въ тридцати отъ турецкаго корпуса, среди враждебныхъ куртинскихъ кочевій; но счастливо избѣгнувъ цѣлый рядъ опасностей, онъ къ ночи прибылъ въ Сурбъ-Оганесъ, передалъ Суслову все что было нужно, и 15-го вернулся обратно (6).

Пріемъ полка къ этому времени уже былъ оконченъ; Нижегородскій дивизіонъ, ходившій въ Кагызманъ, также вернулся, и Нижегородцы въ полномъ составѣ могли проводить стараго своего командира, оставившаго полку памятниками своего командованія цѣлый рядъ отличій: георгіевскіе штандарты, серебряныя трубы и золотыя петлицы офицеровъ. Съ этими почетными клейнодами имя князя Чавчавадзе и должно перейти въ полковую исторію.

Почти прямо съ проводовъ стараго командира, Нижегородскій полкъ сѣлъ на коней и выступилъ за Саганлугъ уже подъ командой князя Дондукова-Корсакова. Съ нимъ пошла донская батарея, а на походѣ присоединились къ нему четыре эскадрона Новороссійскаго полка и 11 сотенъ казаковъ и милиціи. За этимъ сильнымъ кавалерійскимъ отрядомъ шелъ главнокомандующій съ большею частью пѣхоты—и шелъ, какъ полагали всѣ, съ затаенною цѣлью, въ случаѣ пораженія Вели-паши, занять Арзерумъ.

20-го іюля кавалерія Дондукова переправилась черезъ Араксъ и соединилась съ Сусловымъ. Отсюда, на слѣдующій день, обѣ колонны уже вмѣстѣ продолжали наступать къ Керпи-Кею. Непріятель не защищалъ переправы. Пѣхота перешла Араксъ черезъ мостъ, и занявъ высоты, открыла орудійный огонь по лагерю. Въ то же время вся кавалерія, вторично переправившись въ бродъ, обскакала турецкую позицію справа, и стала за рѣчкой Гассанъ-чай, которая только и отдѣляла ее отъ непріятеля. Было условлено, что въ случаѣ отступленія турокъ, кавалерія дастъ пушечный выстрѣлъ, и по этому сигналу пѣхота тотчасъ перей-

детъ въ наступленіе. Дондуковъ видѣлъ ясно, что Вели-паша уже начинаетъ сниматься съ позиціи, а потому, вызвавъ впередъ батарею, открылъ огонь черезъ рѣчку. Ему отвѣчали четыре турецкія орудія. Канонада разгоралась, а пѣхота не трогалась съ мѣста. Видя, что мимо него по ту сторону рѣчки, тянутся не только обозы, но даже пушки и небольшія части пѣхоты, Дондуковъ послалъ одного за другимъ двухъ офицеровъ доложить о томъ генералу. Но оба посланные, поручикъ Ключаревъ и прапорщикъ Вихманъ, возвратились назадъ съ извѣстіемъ, что пѣхота отступила за Араксъ, а кавалеріи приказано не трогаться съ мѣста, пока не пріѣдетъ самъ Сусловъ. Этотъ эпизодъ весьма характерно очерченъ солдатскою пѣсней:

Двадцать перваго іюля
Повстрѣчалась съ нами пуля;
Мы подъ пулями стояли
Командира себѣ дожидали.

Сусловъ пріѣхалъ поздно, когда уже совершенно стемнѣло, и канонада, вырвавшая изъ рядовъ Нижегородцевъ двухъ нижнихъ чиновъ (*) и трехъ лошадей, почти прекратилась. Онъ приказалъ войскамъ расположиться на ночлегъ, и объявилъ, что имѣетъ категорическое предписаніе главнокомандующаго атаковать Вели-пашу только въ случаѣ его отступленія, а если онъ будетъ держаться на позиціи, то ожидать прибытія главнокомандующаго. Для Суслова, слѣдовательно, вопросъ объ отступленіи Вели-паши не былъ еще рѣшенъ окончательно. Дѣйствительно, ночью весь непріятельскій лагерь озарился кострами,—но Вели-паши въ немъ уже не было. Пользуясь темнотою, онъ отступилъ, не оставивъ въ нашихъ рукахъ ни одной повозки изъ своего многочисленнаго обоза, и только опустѣвшіе валы укрѣпленій—одни указывали мѣсто, гдѣ стояло турецкое войско. На слѣдующій день кавалерія по его слѣдамъ дошла до Гассанъ-Кала, и здѣсь узнала, что Вели-паша остановился на крѣпкой Деве-бойнской позиціи.

Черезъ два дня прибылъ главнокомандующій, и съ видимымъ неудовольствіемъ выслушавъ докладъ объ отступленіи Вели-паши, приказалъ отступать (7).

(*) Изъ нихъ рядовой 6-го эскадрона Гранкинъ раненъ смертельно и умеръ на полѣ битвы.

Съ возвращеніемъ главнокомандующаго изъ-за Саганлуга начинается второй періодъ кампаніи. На военномъ совѣтѣ рѣшена была тѣсная блокада Карса.

Раннее утро 2-го августа застало наши войска, передвигавшимися на другія позиціи. Кавалерійскій отрядъ князя Дондукова — Нижегородскій полкъ съ донскою батареей, три сотни донскихъ казаковъ и милиціи,—занялъ селеніе Хопанлы, замыкавшее Карсскую равнину съ юго-запада, къ сторонѣ Гельскаго санджака. Правѣе его, верстахъ въ 10-ти или 12-ти, у сел. Чавтли-чая на большой арзерумской дорогѣ, расположились главныя силы, а влѣво, на сѣверныхъ высотахъ противъ Карса—кавалерійскій лагерь Бакланова. Между Баклановымъ и княземъ Дондуковымъ стояла милиція барона Унгернъ-Штернберга. Всѣ эти отряды соединялись между собою непрерывною цѣпью разъѣздовъ, и тревога въ одномъ изъ нихъ поднимала въ ружье всѣ остальные. Ночью бдительность удваивалась. Изъ Хапанловъ независимо отъ этого по ночамъ выставлялись казачьи заставы въ долину Самовата, а эскадроны по очередно держали разъѣзды на дорогахъ къ Карсу ([8]).

Въ одинъ изъ такихъ разъѣздовъ на 7-е августа назначенъ былъ 3-й эскадронъ капитана Позняка, который зашелъ слишкомъ далеко и очутился подъ стѣнами крѣпости. На разсвѣтѣ изъ Карса выѣхала партія башибузуковъ. Познякъ приказалъ эскадрону итти назадъ, а самъ отдѣлился въ сторону, чтобы поближе разсмотрѣть непріятеля. Но едва онъ поднялся на пригорокъ, какъ съ противоположнаго ската его также появились два башибузука,—и Познякъ въ тотъ же моментъ упалъ съ коня, сраженный выстрѣломъ изъ пистолета. Все это произошло на глазахъ эскадрона, который бросился къ своему командиру, но поднялъ его уже мертвымъ. Познякъ былъ полякъ; его родной братъ находился въ Карсѣ въ числѣ эмигрантовъ, служившихъ въ турецкой кавалеріи, и досужая молва сложила изъ этого цѣлыя легенды. Тѣло Позняка привезено было въ лагерь и похоронено въ Хопанлахъ. Тамъ и доселѣ можно видѣть скалу, нависшую надъ быстрою рѣчкой, и, присмотрѣвшись, замѣтить въ ней высѣченный и задѣланный наглухо гротъ. Въ этомъ гротѣ и похороненъ Познякъ ([9]). Черезъ 22 года Нижегородскій полкъ снова былъ въ Хопанлахъ, не разъ проходилъ мимо этой скалы, но въ рядахъ его не было уже никого, кто бы могъ сказать, что эта скала—гробница одного изъ прежнихъ его офицеровъ.

Другимъ непріятнымъ происшествіемъ былъ прорывъ турецкой кавалеріи черезъ Самоватское ущелье, случившійся въ ночь на 14-го августа. Въ Хопанлахъ узнали объ этомъ только поутру, когда вернулись разъѣзды, видѣвшіе по дорогамъ конскіе трупы, разбросанныя сѣдла и разныя вещи. Шесть эскадроновъ Нижегородскаго полка сдѣлали поискъ въ Гельскій санджакъ, но узнали только, что прорвавшаяся партія сопровождала курьера, посланнаго съ депешами карсскаго мушира въ Арзерумъ. Такъ какъ случай этотъ показалъ нѣкоторыя неудобства въ расположеніи нашей блокадной линіи, то Нижегородскій полкъ былъ подвинутъ впередъ и занялъ Бозгалы, лежавшія только въ четырехъ верстахъ отъ передовыхъ шорахскихъ укрѣпленій. Для наблюденій же за Гельскимъ санджакомъ былъ сформированъ новый отрядъ, который, подъ командой Нижегородскаго полка полковника Шульца, расположился за Самоватскимъ ущельемъ у сел. Ахъ-Комъ, близъ Айгеръ-гельскаго озера ([10]). Почти вмѣстѣ съ Шульцемъ изъ полка выбылъ и другой штабъ-офицеръ, подполковникъ Петровъ, назначенный командиромъ 2-го сборнаго линейнаго казачьяго полка.

Въ Бозгалахъ сторожевая служба драгунъ продолжалась тѣмъ же порядкомъ какъ прежде, и время тянулась однообразно до 22-го августа, когда 6-й эскадронъ штабсъ-капитана Андреева, возвращаясь изъ ночного разъѣзда, случайно захватилъ цѣлую партію купцовъ, вышедшихъ изъ Карса. Отъ нихъ узнали, что въ слѣдующую ночь турецкая кавалерія выйдетъ изъ крѣпости съ намѣреніемъ прорваться черезъ нашу блокадную линію въ Гельскій санджакъ. Объ этомъ дали знать во всѣ отряды, и вездѣ были приняты мѣры на случай тревоги. Изъ Бозгаловъ, часовъ въ восемь вечера, также вышелъ сводный дивизіонъ Нижегородскаго полка (4-й и 5-й эскадроны), подъ командой подполковника Кишинскаго, и занялъ селеніе Джавры, впереди его густою цѣпью раскинулись донцы и карабагская милиція.

Ночь на 23-е августа была такая темная, что предметы на разстояніи шага исчезали изъ вида. Въ 11 часовъ изъ передовыхъ Чакмахскихъ укрѣпленій выступила турецкая кавалерія и пошла на Самоватъ. Путь ея лежалъ черезъ Джавры. «Мы всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ,—говоритъ докторъ Сандвитъ, одинъ изъ участниковъ карсской обороны:—([11]) прислушивались не послѣдуетъ ли гдѣ выстрѣлъ, и намъ не долго пришлось ожидать его. Этотъ роковой выстрѣлъ возвѣстилъ встрѣчу нашего

отряда съ русскими форпостами; шумъ скоро увеличился, раздались ружейные залпы, затѣмъ свѣжій вѣтеръ донесъ возгласы, крики и еще нѣсколько одиночныхъ выстрѣловъ... Ни одинъ изъ нашихъ всадниковъ не обратился назадъ; они проложили себѣ путь оружіемъ, но понесли страшный уронъ, о которомъ, впрочемъ, до насъ не дошло свѣдѣній».

Вотъ какъ происходило дѣло, названное главнокомандующимъ «Ночнымъ побоищемъ».

Придя на мѣсто и выставивъ цѣпь, Кишинскій для облегченія людей спѣшилъ половину эскадроновъ. Но не прошло и четверти часа, какъ впереди загремѣли выстрѣлы и послышался топотъ множества скакавшихъ лошадей. Это были турки, которые прорвали цѣпь и неслись на эскадроны. Казаки, карабагцы и цѣлый отрядъ полковника Унгерна преслѣдовали ихъ по пятамъ. Эскадроны едва успѣли вскочить на коней, какъ вся эта масса, сдѣлавъ на скаку ружейный залпъ, промелькнула справа. Въ то же самое время гулъ скачущей по каменьямъ конницы послышался и слѣва. Все это произошло такъ моментально, и все такъ быстро потонуло опять въ глубокомъ мракѣ, что Кишинскій въ первую минуту не зналъ куда ему кинуться. Наконецъ ракеты, на мгновеніе освѣтившія мѣстность, указали направленіе турокъ, и драгуны быстрымъ поворотомъ назадъ врѣзались прямо въ тылъ непріятеля. Началась безпощадная рубка. Трудно нарисовать картину этого побоища, происходившаго на полномъ скаку и въ непроницаемой мглѣ, когда всадники сталкивались и рубились между собой наобумъ. Одинъ казакъ сгоряча наскакалъ на офицера, поручика Тарновскаго, и замѣтилъ ошибку только тогда, когда уже ранилъ его пикой. Въ другомъ мѣстѣ драгуны свалили наземь двухъ карабагцевъ, принятыхъ за турокъ, и отняли у нихъ лошадей. Девять человѣкъ Нижегородцевъ въ чаду погони рухнули внизъ, въ какую-то пропасть, но такъ счастливо, что только двѣ лошади переломили себѣ ноги. По временамъ ракеты освѣщали страшную ночную сцену, и затѣмъ глубокій мракъ еще сильнѣе окутывалъ сражавшихся. Но вотъ поднялась луна, и при свѣтѣ ея драгуны увидѣли новую конницу, скакавшую во всѣ повода со стороны Бозгаловъ. Это былъ князь Дондуковъ съ 3-мъ эскадрономъ Нижегородцевъ. Пикинеры, скакавшіе за нимъ, сбились съ дороги и явились гораздо позднѣе. Преслѣдованіе сдѣлалось общимъ. Въ каждомъ оврагѣ слышались крики и выстрѣлы. Напрасно бѣгущая конница пыталась занять въ этихъ

Лагерь Нижегородскаго полка въ Бозгалахъ.

оврагахъ двѣ деревушки Сурханли и Араварганъ, чтобы задержать преслѣдованіе. Драгуны быстро спѣшились, и 5-й эскадронъ капитана Ковако взялъ Сурханли, а 4-й, штабсъ-капитана Лозицкаго—Аравартанъ. Большая часть турокъ, запертая въ домахъ, положила оружіе. Остальные продолжали уходить по Самоватскому ущелью; но тамъ, почти на границѣ Гельскаго санджака, ихъ встрѣтилъ полковникъ Шульцъ, скакавшій на тревогу отъ Айгеръ-гельскаго озера,—и то, что спаслось отъ рукъ Нижегородцевъ, погибло подъ шашками его милиціи.

Нижегородскіе эскадроны возвращались домой по дорогѣ буквально усѣянной трупами. Непонятно было, какъ въ темную ночь кавалерія могла пронестись на карьерѣ по такимъ мѣстамъ, по которымъ, возвращаясь при свѣтѣ дня, должна была проводить лошадей въ поводу. Еще непонятнѣе, какъ при такой общей свалкѣ изъ трехъ эскадроновъ Нижегородскаго полка выбыли только одинъ офицеръ, четыре драгуна (*) и 12 лошадей. Сколько было убито турокъ—объ этомъ нѣтъ даже приблизительныхъ свѣдѣній, но въ нашихъ рукахъ осталось пять знаменъ, 400 плѣнныхъ и 800 лошадей. Казакамъ и милиціи досталась богатая добыча, такъ какъ многіе купцы, предвидя паденіе Карса, отправили съ выступившею колонною лучшіе свои товары, и въ отбитыхъ вьюкахъ находили не только сукна, бархатъ и шелковыя матеріи, но даже золото и драгоцѣнные камни.

На другой день главнокомандующій самъ пріѣзжалъ въ Бозгалы благодарить драгунъ за молодецкое дѣло, и назначилъ нижнимъ чинамъ 18 знаковъ отличія Военнаго ордена. Дондуковъ получилъ Владиміра на шею; поручикъ Мамуловъ—тотъ же орденъ 4-й ст., Шульцъ — золотую шашку, подполковникъ Кишинскій и капитанъ Ковако — Станислава 2-й ст.; штабсъ-капитанъ Лазицкій—тотъ же орденъ 3-й ст., а штабсъ-капитанъ Муссинъ-Пушкинъ – Анну на шашку. Затѣмъ маіоръ Моллеръ, бывшій при 3-мъ эскадронѣ, произведенъ въ подполковники, поручики Конце, Тарновскій и Ключаревъ въ штабсъ-капитаны, прапорщикъ князь Эристовъ въ поручики, а юнкера Бѣгановскій, Маркозовъ, Петровъ, князь Сумбатовъ и Моралинъ—въ прапорщики ([12]).

Другимъ важнѣйшимъ эпизодомъ блокады была экспедиція противъ

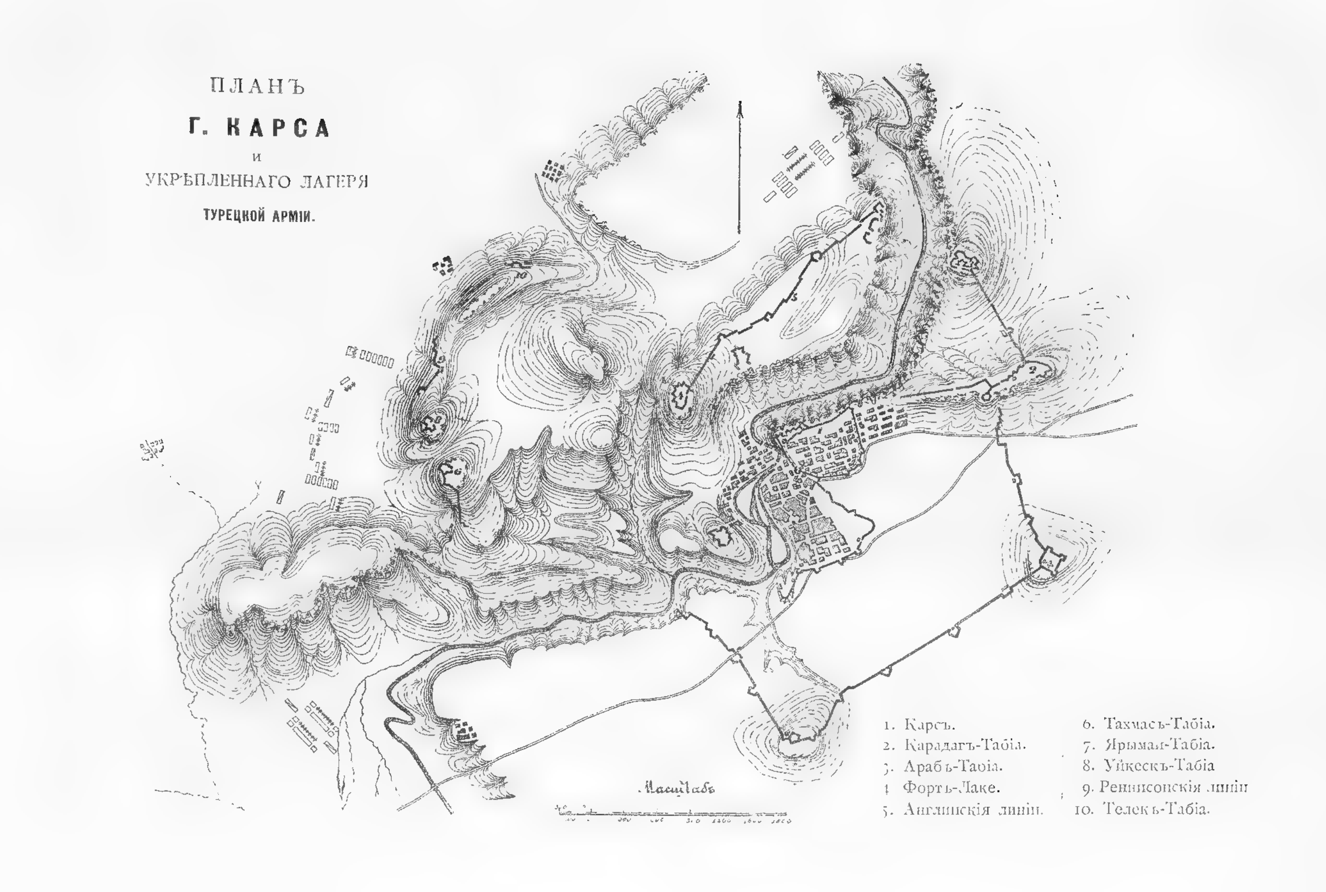
(*) Убитъ рядовой Калашниковъ, и ранены поручикъ Тарновскій и рядовые Дрей, Поздѣевъ и Трояновъ—всѣ холоднымъ оружіемъ.

корпуса Али-паши, собиравшагося около Пенякъ въ Ольтинскомъ санджакѣ, чтобы доставить въ Карсъ нѣсколько сотъ вьюковъ продовольствія. Въ этой экспедиціи, порученной генералу Ковалевскому, принялъ участіе и весь Нижегородскій полкъ, за исключеніемъ 4-го и 5-го эскадроновъ, оставшихся для прикрытія лагеря. Впрочемъ вся честь этой блестящей экспедиціи, закончившейся полнымъ разгромомъ турецкаго корпуса и плѣненіемъ самого Али-паши, принадлежала только князю Дондукову съ линейными казаками. «Драгуны же, какъ говоритъ Муравьевъ,—послужили только страшилищемъ для турокъ, которые тотчасъ обратились въ бѣгство, при видѣ за казаками грознаго для нихъ строя нашей регулярной кавалеріи». «Нижегородскіе драгуны», прибавляетъ онъ, «безъ сомнѣнія ударили бы на турокъ съ обыкновенною ихъ храбростью, но нынѣшній разъ имъ не удалось сего сдѣлать, потому что они не могли поспѣть вовремя» ([13]).

На возвратномъ пути въ войскахъ обнаружилась холера, и первымъ умеръ рядовой 7-го эскадрона Нестеровъ, а за нимъ стали заболѣвать драгуны уже десятками. Видя, что эпидемія принимаетъ серьезные размѣры, а больныхъ перевозить не на чемъ, князь Дондуковъ приказалъ итти форсированнымъ маршемъ, и на слѣдующій день съ кавалеріей былъ уже въ Бозгалахъ. Но холера продолжалась и въ лагерѣ; она прекратилась только съ наступленіемъ морозовъ, унеся въ могилу изъ одного Нижегородскаго полка болѣе 80-ти человѣкъ ([14]).

Съ этого времени до самаго штурма Карса въ жизни блокадныхъ отрядовъ не произошло ничего замѣчательнаго. О штурмѣ въ войскахъ не было даже и помину, какъ вдругъ вечеромъ 16-го сентября князь Дондуковъ, вернувшійся изъ главной квартиры, потребовалъ къ себѣ эскадронныхъ командировъ, и отдалъ приказаніе, чтобы въ полночь весь Нижегородскій полкъ выступилъ къ шорахскимъ высотамъ и сталъ за Обсерваціонной горою. Ночь была свѣтлая. Драгуны, вызванные изъ своихъ землянокъ, спѣшно сѣдлали въ коновязяхъ лошадей; батарея запрягала. Слово «штурмъ» передавалось шопотомъ по цѣлому лагерю, да ничего другого нельзя было и предположить по той быстротѣ и таинственности, которыми сопровождалось это ночное движеніе. У Обсерваціонной горы драгуны застали уже линейный полкъ Петрова и пять батальоновъ пѣхоты съ пѣшею батареею. Скоро подъѣхалъ генералъ Ковалевскій, и первый объявилъ о предстоящемъ штурмѣ.

Крѣпость, закутанная мракомъ, казалась погруженною въ глубокій

ПЛАНЪ
Г. КАРСА
и
УКРѢПЛЕННАГО ЛАГЕРЯ
ТУРЕЦКОЙ АРМІИ.
1. Карсъ.
2. Карадагъ-Табіа.
3. Арабъ-Табіа.
4. Фортъ-Лаке.
5. Англійскія линіи.
6. Тахмасъ-Табіа.
7. Ярымая-Табіа.
8. Уйкескъ-Табіа.
9. Ренисонскія линіи
10. Телекъ-Табіа.
Масштабъ

сонъ. Она стояла передъ нами все та же, какою видѣли ее наши предмѣстники въ 28 году; но тѣ передовыя высоты, которыя командовали городомъ, и на которыхъ Паскевичъ поставилъ тогда свои батареи, теперь покрыты были цѣлою системой полевыхъ укрѣпленій,— и подступа къ крѣпости не было ни съ какой стороны. Ключемъ этой позиціи, ограждавшей своими фортами крѣпостныя стѣны, считались Шорахскія высоты, огибавшія Карсъ съ юго-запада, и генералъ Муравьевъ справедливо разсчитывалъ, что съ паденіемъ этихъ высотъ должна будетъ пасть и оборона Карсскаго гарнизона. На Шорахъ поэтому и направлены были три штурмовыя колонны: первая изъ нихъ—генерала Ковалевскаго, о которой мы уже сказали, шла атаковать правый флангъ непріятельскихъ укрѣпленій, такъ называемыя Ренисонскія линіи; другая, генерала Майделя—главный редутъ, Тахмасъ-Табію, а третья, князя Гагарина, назначенная для связи между ними, должна была взять Юксекъ-Табію.

Въ ожиданіи штурма драгуны сошли съ лошадей, и князь Дондуковъ, собравъ возлѣ себя всѣхъ эскадронныхъ и сотенныхъ командировъ, отдавалъ послѣднія приказанія. «Вызовите, господа, охотниковъ», сказалъ онъ въ заключеніе: «они пойдутъ на коняхъ вмѣстѣ съ пѣхотою; назначьте съ каждаго дивизіона по одному офицеру и трубачу, а съ каждаго эскадрона и сотни по одному офицеру и по 8 рядовыхъ».

Охотниковъ явилось такъ много, что ихъ пришлось назначать по жеребью; но когда въ 7-мъ эскадронѣ жребій палъ на двухъ штрафованныхъ, командиръ эскадрона князь Амилахвари приказалъ замѣнить ихъ другими. «Дозвольте итти, желаемъ кровью загладить наши проступки»—заговорили оба. «Нѣтъ, братцы», отвѣчалъ Амилахвари: «назначеніе въ охотники самая высокая награда для честнаго солдата. На такое святое дѣло можетъ итти человѣкъ только съ чистою совѣстью» ([15]). Офицеры также бросали жребій между собою, и въ охотники попали отъ 2-го дивизіона поручикъ Тяжеловъ, отъ 3-го Вердеревскій, отъ 4-го прапорщикъ Коррадини, и отъ 5-го князь Грузинскій (*). Такимъ образомъ охотничья команда составилась изъ 80 человѣкъ Нижегородскаго полка и 75 казаковъ. Она построились на правомъ флангѣ пѣхоты, и общее начальство надъ нею принялъ есаулъ Кульгачевъ.

*) Это былъ юноша, только за два мѣсяца передъ тѣмъ выпущенный въ полкъ изъ Пажескаго корпуса. Онъ былъ внукъ послѣдняго грузинскаго царя Георгія XIII и братъ княгини Анны Ильинишны Чавчавадзе, томившейся въ плѣну у Шамиля.

Заря начинала уже заниматься. Ковалевскій нѣсколько разъ взглянулъ на часы, выжидая, чтобы колонна Майделя повела атаку и привлекла на себя вниманіе непріятеля. Но мы сами дали знать о себѣ туркамъ нечаяннымъ выстрѣломъ: солдатъ Виленскаго полка, надѣвая капсюль, нечаянно спустилъ курокъ и ранилъ товарища. Съ непріятельской стороны тотчасъ послышались отдаленные звуки сигнальныхъ рожковъ. Черезъ нѣсколько минутъ на высотѣ впереди насъ показался дымокъ, блеснуло пламя, и ночная тишина нарушилась гуломъ орудійнаго выстрѣла. Граната, описавъ огненную параболу, сдѣлала рикошетъ черезъ головы пѣхоты и лопнула позади драгунъ. Къ счастію осколки ея никого не задѣли. «Князь!» сказалъ тогда Ковалевскій, обращаясь къ Дондукову: «отведите кавалерію назадъ, за гору: я сейчасъ начинаю штурмъ».

Въ пѣхотѣ барабаны ударили бой къ атакѣ, и колонны тронулись: въ первой линіи Виленскіе, во второй—Бѣлевскіе батальоны. Скоро они вошли въ сферу сильнаго штуцернаго огня; ряды стали таять; солдаты и офицеры валились, поражаемые непріятельскими снарядами, но на убитыхъ и раненыхъ никто не обращалъ вниманія. Вотъ уже стали подниматься на гору. Вдругъ впереди грянуло ура! подхваченное Бѣлевцами, и все устремилось бѣгомъ, чтобы скорѣе выбраться изъ-подъ губительныхъ выстрѣловъ. Но расчетъ оказался невѣрнымъ. Крутая гора, усѣянная каменьями, тянулась на гораздо большее разстояніе, чѣмъ у насъ предполагали,—и батальоны пошли опять шагомъ, но уже усталые, разстроенные. Трескъ батальнаго огня между тѣмъ слышался все ближе и ближе; впереди сквозь дымъ можно было уже различать брустверъ, увѣнчанный огненнымъ гребнемъ. Вдругъ грянулъ пушечный залпъ. Картечь завизжала, запрыгала въ нашихъ рядахъ, и весь этотъ гулъ, свистъ и трескъ слились въ одинъ адскій концертъ, производившій на душу потрясающее дѣйствіе. Солдаты валились уже не по одиночкѣ, а кучами другъ на друга. Вторая линія ротныхъ колоннъ смѣшалась съ первою; крики «ура» умолкли. Въ эту минуту подъ Ковалевскимъ и командиромъ Виленскаго полка полковникомъ Шлякевичемъ были убиты лошади. Оба они пѣшкомъ, съ обнаженными шашками, бросились впередъ, стараясь увлечь за собою солдатъ. Нѣсколько человѣкъ, дѣйствительно, вскочили на брустверъ, но были исколоты штыками. Ковалевскій, смертельно раненый, съ трудомъ былъ вынесенъ изъ этого побоища, Шляковичъ убитъ при спускѣ въ ровъ. Въ эти роковыя минуты сзади начали стрѣлять,

и это окончательно погубило дѣло. Солдаты, попавъ между двухъ огней, бросились на земь, залегли за камнями, и открыли частый огонь..

Теперь пришла очередь дѣйствовать и нашимъ охотникамъ. Чтобы помочь пѣхотѣ, они кинулись было въ интервалъ между укрѣпленіями, но перепрыгнуть черезъ широкій ровъ оказалось невозможнымъ. Тогда они приняли вправо, обогнули по узкому карнизу горы какую-то табію, и очутились подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ двухъ флешей. Напрасно они пытались прорваться между ними. Здѣсь былъ новый ровъ, а за нимъ стоялъ батальонъ арбистанцевъ, встрѣтившій нашихъ охотниковъ убійственнымъ залпомъ. Въ одну минуту изъ числа офицеровъ Грузинскій былъ убитъ, Вердеревскій раненъ, а подъ Коррадини убита лошадь; изъ числа 76-ти нижнихъ чиновъ убито было 10, ранено 11 и двое пропали безъ вѣсти; остальные, лишившись въ большинствѣ своихъ лошадей, укрылись подъ скалою и стали выжидать, что предприметъ пѣхота. Но пѣхота предпринимать больше ничего не могла. Видя, что помощи нѣтъ, солдаты прекратили безполезный огонь и, подъ завѣсой густого дыма, начали отступать, молча, пригнувшись и устилая своими тѣлами скаты горы. Охотники спустились послѣдними и вынесли знамя Бѣлевскаго полка, найденное на полѣ сраженія. Оно лежало на грудѣ тѣлъ, очевидно брошенное, потому что защищать его уже было некому ([16]).

Дѣло длилось не больше получаса, но въ эти полъ-часа двѣ колонны Ковалевскаго и князя Гагарина понесли рѣшительное пораженіе. Самъ Гагаринъ былъ раненъ, и батальоны его отступили также къ Обсерваціонной горѣ. Солнце уже стало всходить надъ Шорахомъ, когда за чертою выстрѣловъ собрались слабые остатки Виленскаго, Бѣлевскаго и Тульскаго полковъ. Князь Дондуковъ, какъ старшій, принялъ надъ ними начальство. «Господинъ штабсъ-капитанъ! Поставьте вашу роту въ порядокъ!» обратился онъ къ одному офицеру, окруженному кучкой солдатъ.

— Это не рота, а Виленскій полкъ! отвѣчалъ офицеръ, указывая на знамена.

Дѣйствительно, изъ трехъ батальоновъ Виленскаго полка осталось не больше трехсотъ человѣкъ, изъ двухъ батальоновъ Бѣлевскаго 250, а изъ Тульскихъ менѣе 150. Въ сложности набиралось 600—700 штыковъ, съ которыми предпринять что-нибудь въ пользу колонны Майделя, все еще бившейся на валахъ Тахмасъ-Табіи, было невозможно. Князь Дондy-

ковъ выдвинулъ впередъ только 4-й дивизіонъ Нижегородцевъ, и, подъ его прикрытіемъ, приказалъ казачьему полку подбирать нашихъ раненыхъ. Казаки принялись за дѣло подъ огнемъ непріятеля, и вынесли многихъ. Въ числѣ особенно отличившихся въ этомъ человѣколюбивомъ подвигѣ реляція называетъ поручика Нижегородскаго полка Петрова, исправлявшаго въ казачьемъ полку должность адъютанта.

Къ полудню бой совершенно прекратился. Штурмъ былъ отбитъ, и наши войска къ вечеру возвратились на свои позиціи. Общій уронъ русскихъ простирался до 7 тысячъ; въ Нижегородскомъ полку выбыли 2 офицера, 23 драгуна и 42 лошади. Убитые остались на валахъ Шораха и только тѣло офицера, князя Грузинскаго, вынесено было изъ боя преданнымъ ему гурійскимъ азнауромъ Леваномъ Серджваладзе. Отпѣваніе происходило въ лагерѣ, но тѣло было отправлено въ Мцхетъ, и тамъ похоронено подъ сводами тысячелѣтняго храма, въ родовой усыпальницѣ грузинскихъ царей ([17]).

За штурмъ Карса князь Дондуковъ произведенъ въ генералъ-маіоры; подполковникъ Бѣлюстинъ получилъ Анну съ короной, поручикъ Тяжеловъ и прапорщикъ Вердеревскій—золотыя шашки; Коррадини и поручикъ Бергеръ—Анну 4-й ст.; прапорщикъ Шрейберъ-Возницкій произведенъ въ поручики, а унтеръ-офицеръ (изъ разжалованныхъ) Николевъ—въ прапорщики.

Изъ числа офицеровъ, находившихся внѣ полка, командиръ 1-го сборнаго Линейнаго казачьяго полка подполковникъ флигель-адъютантъ князь Витгенштейнъ получилъ двѣ награды: Владиміра съ бантомъ и Георгія 4 степени (*); командиръ 2-го полка подполковникъ Петровъ—Анну съ короной, а полковой адъютантъ того же полка поручикъ Петровъ—Анну на шею.

Нижнимъ чинамъ, изъ числа охотниковъ, назначено 10 знаковъ отличія Военнаго ордена ([18]).

*) Подвигъ Витгенштейна, обратившій на себя всеобщее вниманіе, заключался въ слѣдующемъ: когда колонна Базена, овладѣвшая Чакмахскими высотами, должна была отступить вслѣдствіе неудачнаго исхода главнаго штурма, турки въ огромныхъ силахъ высыпали изъ укрѣпленій и насѣли на нашу пѣхоту. Въ эту минуту изъ-за горы вдругъ вынесся полкъ Витгенштейна и врѣзался въ непріятеля. Атака, по словамъ Бакланова, произведена была съ такою энергіею, какую рѣдко доводилось ему видѣть за всю свою боевую службу. Рубя бѣгущую пѣхоту, линейцы буквально втоптали ее въ самые редуты, и прежде чѣмъ непріятель, опомнившись, открылъ огонь, они уже ушли изъ-подъ выстрѣловъ. Пользуясь этой атакой, у насъ успѣли поднять убитыхъ и раненыхъ. Главнокомандующій тутъ же назначилъ Витгенштейну владимірскій крестъ, а кавалерская дума удостоила его ордена св. Георгія 4-й степени.

Съ воспоминаніями о карсскомъ штурмѣ соединяется въ полку воспоминаніе объ одномъ эпизодѣ, ничтожномъ, не имѣющемъ никакого соотношенія къ громкимъ исторіямъ человѣческихъ войнъ, но которые умиротворяющимъ образомъ дѣйствуютъ на нервы, возбужденные грохотомъ битвъ и видомъ пролитой крови. Въ эти минуты еще рельефнѣе выступаютъ наружу тѣ мягкія, симпатичныя черты, которыя всегда были присущи характеру русскаго солдата, и дай Богъ, чтобы остались за нимъ навсегда. Такова, напр., привязанность его къ животнымъ. Въ Нижегородскомъ полку была собака, по имени Мурзикъ, которая принадлежала собственно 3-му эскадрону, но была любимицей и баловнемъ цѣлаго полка. Когда и какимъ образомъ она очутилась въ 3-мъ эскадронѣ—этого даже не помнили—просто приласкали гдѣ-то щенка, онъ выросъ и сталъ большою собакой, съ которою солдаты дѣлились въ походахъ послѣднимъ сухаремъ. Мурзикъ, никогда не отстававшій отъ полка, пошелъ и на штурмъ вмѣстѣ съ охотниками, и вмѣстѣ съ ними былъ въ турецкомъ редутѣ. Тамъ его жестоко ранили пулею. Несмотря, однако, на страшную сумятицу боя и большія потери, понесенныя драгунами, солдаты все-таки подхватили Мурзика и вывезли его на сѣдлѣ изъ битвы. Въ лагерѣ его вылѣчили. Замѣчательно, что эта рана не произвела на собаку никакого впечатлѣнія, и она попрежнему ходила съ полкомъ въ сраженія, была въ Ачхоевскомъ дѣлѣ, и не боялась ни пуль, ни гика шапсуговъ ([19]).

Первые дни блокады, послѣдовавшіе за штурмомъ, прошли въ самомъ строгомъ и бдительномъ надзорѣ за Карсомъ. Опасались, что турки, пользуясь ослабленіемъ нашихъ отрядовъ, будутъ прорываться изъ крѣпости, а потому разъѣзды были усилены, а по ночамъ вся кавалерія расходилась на заставы. Такъ дождались зимы. Въ октябрѣ мѣсяцѣ рѣзкій вѣтеръ изо дня въ день сталъ нагонять съ горъ снѣговыя тучи, и земля покрывалась по утрамъ бѣлою и ровною пеленою снѣга; морозы держались между 5 и 10-ю градусами. Палатки въ блокадныхъ отрядахъ исчезли, и на ихъ мѣстахъ появились уютныя землянки, въ которыхъ можно было провести суровую зиму. Лагери стали походить на деревни; даже турецкія названія ихъ совершенно исчезли изъ разговорнаго языка и замѣнились русскими, по именамъ командировъ: Бозгалы теперь не были уже Бозгалами, а «Дондуковкою» ([20]).

Турки, терпѣливо ожидавшіе выручки со стороны Батума, гдѣ, какъ говорили, долженъ быть высадиться союзный дессантъ, не выходили изъ

Сдача Карса 16-го Ноября 1855 года.

Карса, и военныхъ дѣйствій не было. Скучно тянулось время въ безопасныхъ заставахъ, въ разъѣздахъ по выученной наизусть уже мѣстности, или на аванпостахъ, не тревожимыхъ непріятелемъ. Въ Бозгалы каждый день казаки приводили плѣнныхъ, и это служило единственнымъ развлеченіемъ въ бѣдной разнообразіями блокадной жизни; по утрамъ офицеры обыкновенно собирались къ домику полкового командира, построенному въ видѣ избы, даже съ рѣзнымъ пѣтухомъ на крышѣ, слушали какъ князь Дондуковъ допрашивалъ черезъ переводчика плѣнныхъ, и потомъ каждый шелъ опять на свою очередную службу.

Только два эпизода и остались за все это время памятными, какъ выходившіе изъ ряда обыденныхъ явленій. Однажды, 22-го октября, весь Нижегородскій полкъ въ составѣ сильнаго отряда выступилъ къ Шораху, чтобы разобрать небольшой аульчикъ, изъ котораго турки добывали топливо. Ничтожная экспедиція эта едва не кончилась, однакоже, большою катастрофою, такъ какъ войска неожиданно попали подъ выстрѣлы шорахскихъ укрѣпленій, и едва выбрались изъ-подъ тучи гранатъ ([21]).

Другимъ эпизодомъ было посѣщеніе русскаго лагеря Кассимъ-ханомъ, членомъ персидскаго посольства, отправлявшагося тогда въ Петербургъ. Ему показали войска, и даже свозили въ Бозгалы, гдѣ князь Дондуковъ, какъ выражается Муравьевъ, «принялъ его съ возможною пышностью, и цѣлый день занималъ лагерными увеселеніями» ([22]). Самую поѣздку въ Бозгалы постарались обставить какъ можно эффектнѣе. Прекрасная коляска, запряженная четверкой рысаковъ, быстро промчалась по равнинѣ въ виду шорахскихъ укрѣпленій, окруженная казаками, татарами и курдами, которые неслись съ пальбой и джигитовкою. Въ Бозгалахъ встрѣтили его съ музыкой и пѣснями; потомъ пошла русская пляска,—и Кассимъ-ханъ, какъ ни старался, не могъ, однако, сдержать своей важности, смѣялся отъ души, и подарилъ плясунамъ семь червонцевъ ([23]).

Вечеромъ Кассимъ-ханъ уѣхалъ обратно. Эскадроны тотчасъ же разошлись опять на заставы, и дома остались только дежурныя части. Сквозь снѣжную мглу едва чернѣютъ опустѣвшія коновязи, и лишь кое-гдѣ, понуривъ головы и отвернувшись по вѣтру, невесело стоятъ въ нихъ осѣдланные кони. Въ окнахъ княжеской избы чуть свѣтитъ огонекъ, но въ офицерскихъ домикахъ и солдатскихъ землянкахъ—тишина и мракъ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, 12-го ноября, по лагерю вдругъ разнеслась радостная вѣсть о близкой сдачѣ Карса. Откуда шла эта вѣсть,

никто не зналъ; но на слѣдующій день князь Дондуковъ потребованъ былъ въ главную квартиру, и главнокомандующій лично поручилъ ему и полковнику Кауфману вести переговоры съ англійскимъ генераломъ Вильямсомъ, прибывшимъ подъ парламентерскимъ флагомъ. Дондуковъ и Кауфманъ потребовали безусловной сдачи. Вильямсъ принялъ это условіе съ тѣмъ, чтобы изъ числа военноплѣнныхъ были исключены всѣ эмигранты и политическіе преступники, находившіеся въ Карсѣ,—и только тогда, когда Муравьевъ изъявилъ на это согласіе, онъ подписалъ капитуляцію. Затѣмъ онъ взялъ перо и, передавая его князю Дондукову, сказалъ: «возьмите и сохраните его на память этого историческаго событія». Перо это и понынѣ хранится въ семействѣ Дондуковыхъ.

15-го ноября, въ 10 часовъ ночи, когда въ Бозгалахъ все уже спало, полковой адъютантъ поручикъ Бергеръ съ 10-ю драгунами выѣхалъ за наши аванпосты, и около дер. Шорахъ встрѣтилъ эмигрантовъ, вышедшихъ изъ Карса. Ихъ было восемь человѣкъ Бергеръ препроводилъ ихъ прямо въ домикъ Дондукова, гдѣ ихъ угостили ужиномъ, и до-свѣту, тѣмъ же секретнымъ порядкомъ, выпроводили изъ лагеря за Саганлугскій хребетъ. Имена ихъ такъ и остались никому не извѣстными ([24]).

Утро 16-го ноября наступило сырое; мрачныя тучи висѣли надъ крѣпостью. Къ 8 часамъ утра русскія войска выстроились на равнинѣ Карсъ-чая и стали огромнымъ полукругомъ, замыкавшимся къ сторонѣ Бозгаловъ отрядомъ князя Дондукова. Солдаты были въ полушубкахъ, офицеры въ сюртукахъ. Турецкая армія, сложившая оружіе въ крѣпости, выходила толпами и строилась у дер. Гюмбетъ. Велика и торжественна была та минута, когда русскій главнокомандующій распоряжался обѣими арміями, когда, при неумолкаемыхъ крикахъ ура! онъ принялъ рапортъ отъ турецкаго мушира и, вызвавъ впередъ непріятельскія знамена, передалъ ихъ нашимъ войскамъ. Вся церемонія окончилась поздно, и Нижегородцы вернулись въ Бозгалы уже темною ночью ([25]).

Съ паденіемъ крѣпости намъ досталось 130 орудій, 30 знаменъ и 17 тысячъ плѣнныхъ, вмѣстѣ съ главнокомандующимъ анатолійскою арміею и англійскимъ генераломъ Вильямсомъ, управлявшимъ обороною Карса. Въ тотъ же самый день, въ память торжественнаго событія, нашъ лагерь при Чавтли-чаѣ переименованъ былъ въ «Станъ Владикарсъ».

Военныя дѣйствія окончились. Но прежде чѣмъ разойтись по домамъ, войска должны были еще похоронить своихъ убитыхъ, оставав-

шихся не погребенными со времени штурма. Тамъ были и наши Нижегородцы. Останки храбрыхъ воиновъ, съ подобающими почестями, зарыты были на скатѣ Шорахскихъ высотъ, и надъ ихъ могилами водружены большіе деревянные кресты.

Получивъ донесеніе о взятіи Карса, государь императоръ пожаловалъ Муравьеву орденъ св. Георгія 2-го класса, и въ рескриптѣ на его имя выразился: «Поручаю вамъ передать мое искреннее спасибо всѣмъ войскамъ, участвовавшимъ въ блокадѣ. Я ими горжусь, какъ всегда гордился кавказскими молодцами» ([26]).

Домикъ главнокомандующаго въ Владикарсѣ.

Холмъ чести.

VII.

Опять на Сулакской линіи.

(1856 г.).

Зимняя стоянка въ Елизаветполѣ.—Прибытіе 1-го дивизіона.—Трагическій случай во время пребыванія его въ Кахетіи.—Полковая жизнь въ Елизаветполѣ.—Приготовленія къ новому походу.—Заключеніе мира и роспускъ дѣйствующаго корпуса. — Коренное измѣненіе въ обмундированіи Нижегородскаго полка.—Раздѣленіе его на два полка.—Нижегородскій и Сѣверскій.—Формированіе этихъ полковъ въ Царскихъ Колодцахъ.—Походъ въ Чиръ-Юртъ, и оригинальный случай въ Дербентѣ.—Встрѣча съ княземъ Барятинскимъ.—Возвращеніе въ Чиръ-Юртъ.—Исторія съ Коррадини.—Трагическая смерть графа Менгдена.—Первые дни пребыванія полка въ Чиръ-Юртѣ.—Начало военныхъ дѣйствій.

Зиму послѣ кампаніи 1855 года Нижегородскій полкъ провелъ опять въ Елизаветполѣ, гдѣ къ нему присоединился и 1-й дивизіонъ, возвра-

тившійся съ Лезгинской линіи. Но стоянка его въ Кахетіи и на этотъ разъ оставила послѣ себя полку печальное воспоминаніе: произошла несчастная ссора между двумя офицерами, и одинъ изъ нихъ, поручикъ князь Церетели въ запальчивости ударомъ шашки положилъ на мѣстѣ своего товарища прапорщика князя Багратіона-Мухранскаго. Церетели былъ преданъ суду, и разжалованъ въ рядовые, впрочемъ, безъ лишенія княжескаго достоинства. Причиной катастрофы, какъ и въ большинствѣ случаевъ, явилась картежная игра, развившаяся благодаря отсутствію военныхъ дѣйствій и стоянкѣ въ глухомъ Караагачѣ ([1]).

Совсѣмъ иную жизнь встрѣтили вернувшіеся эскадроны въ Елизаветполѣ, гдѣ широкое гостепріимство князя Дондукова и вліяніе его достойной супруги, княгини Надежды Андреевны, слили всѣ разнохарактерные элементы офицерскаго общества въ одну полковую семью, скрѣпленную, какъ цементомъ, вѣрно понятыми правилами чести и товарищества. Офицеры весь день проводили обыкновенно въ домѣ у князя, а по вечерамъ собирались или у него же, или въ городскомъ собраніи, гдѣ устраивали домашніе спектакли и танцы. Можно сказать смѣло, что ни одинъ полкъ на Кавказѣ не проводилъ ту зиму такъ весело и разнообразно, какъ Нижегородцы въ Елизаветполѣ ([2]).

А служба между тѣмъ шла своимъ чередомъ, и драгуны готовились къ новымъ походамъ, предвидя, что при дальнѣйшемъ развитіи военныхъ дѣйствій, судьба можетъ привести ихъ ко встрѣчѣ и не съ одними турками. Давно уже носились слухи о возможности французскаго дессанта въ Батумѣ, и полку приказано было стоять въ полной готовности на случай внезапнаго выступленія ([3]).

Но посреди этихъ заботъ и приготовленій, когда мечты нашихъ воиновъ переносились за Саганлугскій хребетъ въ сердце Азіатской Турціи, или витали по отдаленнымъ побережьямъ Чернаго моря, откуда грозовою тучей надвигалась вражеская флотилія,—вдругъ получено было извѣстіе о заключеніи мира.

Война окончилась, и вмѣстѣ съ ней окончилась роль дѣйствующаго корпуса, который упраздняется. Дурно ли, хорошо ли исполнена имъ задача? сдѣлано ли имъ то, что могло быть сдѣлано? объ этомъ распространяться не будемъ. Краснорѣчиво глядитъ на Арпачай холмъ, названный «Холмомъ Чести». Синѣетъ за нимъ Караялъ, и по одну сторону его стоитъ бѣдная деревушка Башъ-Кадыкъ-Ларъ, а по другую тянется ска-

листый оврагъ Кюрюкъ-Дара. За нимъ лежитъ уже каменистая окрестность Карса, вся вдоль и поперекъ пройденная нашими войсками. Эти войска опять собираются въ лагерь подъ Александрополь, но въ сборѣ уже не будетъ Нижегородскаго полка, который изъ Елизаветполя долженъ итти прямо въ Чиръ-Юртъ. Послѣднее распоряженіе скоро, однакоже, было отмѣнено, и полкъ 8-го мая направленъ въ Царскіе Колодцы, гдѣ его ожидали два роковыя извѣстія (4).

Первое изъ нихъ, съ виду маловажное, произвело, однакоже, на всѣхъ глубокое и удручающее впечатлѣніе. Это была отмѣна славнаго историческаго мундира, которымъ такъ гордились Нижегородцы. Теперь ихъ боевые чекмени, напоминавшіе одежду кавказскихъ горъ, и ихъ шаровары съ красными лампасами, замѣнились общею драгунскою формою. Полкъ сталъ отличаться отъ другихъ полковъ только малиновымъ воротникомъ съ чернымъ клапаномъ, да еще своими оригинальными азіатскими шашками, которыя оставили полку, какъ память его заслугъ и отличій. Солдаты не хотѣли, однакоже, разстаться такъ скоро съ своею старою формой и, еще много лѣтъ послѣ того, шили себѣ шаровары съ лампасами на собственный счетъ, носили ихъ внѣ службы, и съ ними уходили домой. Любопытно, что эти шаровары остались даже въ памяти турокъ. Въ кампанію 1877 года, когда войска наши шли къ Вану, одинъ изъ родоначальниковъ куртинскихъ племенъ спрашивалъ князя Амилахвари: «Скажи, куда же дѣвался тотъ страшный полкъ съ красными лампасами, о которомъ такъ много говорили у насъ участники минувшей войны?» (5).

Другимъ, еще болѣе прискорбнымъ обстоятельствомъ являлось близкое переформированіе полка, и разлука съ цѣлою половиною товарищей. Послѣ крымской кампаніи, какъ извѣстно, послѣдовали значительныя перемѣны въ организаціи нашей кавалеріи, и при Кавказскомъ корпусѣ повелѣно имѣть по одному драгунскому полку при каждой пѣхотной дивизіи; а такъ какъ этихъ дивизій было четыре, то къ двумъ полкамъ, Тверскому (*) и Нижегородскому, потребовалось сформировать еще два новые полка—Сѣверскій и Переяславскій. Высочайшій приказъ объ этомъ послѣдовалъ 3-го апрѣля 1856 года, при чемъ Сѣверскій полкъ повелѣно сформировать изъ Нижегородскаго, съ обмундированіемъ по образцу по-

*) Изъ двухъ драгунскихъ полковъ, прибывшихъ изъ Россіи на усиленіе кавказскаго корпуса во время турецкой войны, Тверской полкъ остался на Кавказѣ, а Новороссійскій возвращенъ обратно въ Россію.

слѣдняго, но съ тѣмъ, что воротники имѣть темно-зеленые съ малиновымъ клапаномъ, а приборъ серебряный.

По новымъ штатамъ кавказскіе полки были шести-эскадронные съ пѣшимъ резервомъ, а потому въ Нижегородскомъ полку должны были остаться только первые три дивизіона, а 4 и 5-й въ полномъ составѣ отходили въ Сѣверскій. Но такъ какъ при этомъ полки приводились еще изъ 20 въ 15-ти рядный составъ, то 460 человѣкъ, оставшіеся излишними въ Нижегородскомъ полку, также переданы были въ Сѣверскій для образованія въ немъ третьяго дивизіона ([6]). Но прежде чѣмъ приступить къ окончательной передачѣ людей, князь Дондуковъ, признавая полезнымъ имѣть въ составѣ стараго полка хотя одинъ пикинерный эскадронъ, на случай новаго формированія пикинеровъ, приказалъ 10-му эскадрону принять № 4-й, а четвертому—10-й. Въ тоже время послѣдовало и назначеніе дивизіонныхъ и эскадронныхъ командировъ: Въ 1-мъ дивизіонѣ остался Барковскій, 2-й принялъ подполковникъ князь Захарій Чавчавадзе, а 3-й подполковникъ Кишинскій. Эскадроны получили: 1-й—капитанъ Макаровъ, 2-й—штабсъ-капитанъ князь Челокаевъ, 3-й—князь Амилахвари, 4-й—капитанъ Суриновъ, 5-й—Калмыковъ и 6-й—штабсъ-капитанъ Андреевъ. Резервный эскадронъ попрежнему остался въ командѣ маіора Яневича ([7]). Изъ старыхъ штабъ-офицеровъ, дѣлившихъ съ полкомъ его боевую жизнь въ Чиръ-Юртѣ и на поляхъ Азіятской Турціи, не было уже Петрова и Бѣлюстина, переведенныхъ въ Сѣверскій полкъ, Моллера, перешедшаго на службу въ Восточную Сибирь и Шульца, назначеннаго командиромъ Новороссійскаго драгунскаго полка, стоявшаго еще на Кавказѣ ([8]).

Когда такимъ образомъ все переформированіе полка было подготовлено, 7, 8, 9 и 10-й эскадроны 2-го іюля отдѣлились въ Сѣверскій полкъ, а вмѣстѣ съ ними переданы были всѣ полковыя регаліи, принадлежавшія этимъ дивизіонамъ: знаки отличія на головныхъ уборахъ, георгіевскіе штандарты, серебряныя трубы и шитыя петлицы на мундирахъ офицеровъ.

Память объ этомъ событіи сохранилась въ прекрасной пѣснѣ, написанной тогда же для Сѣверцевъ подполковникомъ Петровымъ:

Старый полкъ себя прославилъ
Средь другихъ полковъ —
Два полка теперь составилъ,
Оба—страхъ враговъ.

Форма обмундированія 1856 года.

Расходясь, мы подѣлили,
Словно съ братомъ братъ,
Все что вмѣстѣ заслужили,—
Въ чемъ вся честь солдатъ:
Знакъ Отличья надъ гербами,
Трубы за походъ,
И штандарты съ ихъ крестами,
И шитье господъ.
Славно полкъ нашъ сформированъ,—
Удальцы вполнѣ;
Всякъ отвагою прокованъ,
Закаленъ въ войнѣ.
Мы драгуны боевые,
Боевой семьи:
Нижгородцы удалые
Сѣверцамъ свои.
Бой скрѣпляетъ нашу дружбу,
Врагъ насъ вмѣстѣ зналъ,
И наслѣдника за службу,
Царь намъ шефомъ далъ (*).
Выше нѣтъ для насъ награды—
Сверхъ заслугъ почетъ,
Но за то намъ нѣтъ преграды—
Все нашъ полкъ сомнетъ.
И за то не разъ докажетъ
Удаль на враговъ,
И въ бою себя покажетъ
Нижгородцевъ кровь.

Послѣднее прощаніе старыхъ товарищей состоялось въ знаменитыхъ «лѣтникахъ», нѣкогда насаженныхъ руками Нижегородцевъ, и здѣсь-то оба полка дали завѣтъ навсегда оставаться братьями. Это великое, впервые тогда прозвучавшее слово, закрѣплено было впослѣдствіи державною рѣчью императора Александра Николаевича, сказавшаго: «Нижегородцы и Сѣверцы—это родные братья» (9).

Съ образованіемъ на Кавказѣ четырехъ драгунскихъ полковъ, Сѣверскій полкъ причисленъ былъ къ 20-й дивизіи, расположенной въ Чечнѣ.

(*) Сѣверскому полку 17 апрѣля 1856 года повелѣно именоваться Драгунскимъ Наслѣдника-Цесаревича полкомъ.

и получилъ № 9-й; Нижегородскій съ 10 номеромъ поступилъ въ составъ 21 дивизіи, и райономъ его военныхъ дѣйствій долженъ былъ стать Дагестанъ. По смежности этихъ театровъ войны, квартиры обоимъ полкамъ назначены были въ Чиръ-Юртѣ, но Нижегородскому только временно, такъ какъ имѣлось въ виду передвинуть его въ Приморскій Дагестанъ, куда-нибудь къ Кубѣ или Дербенту. Передвиженіе это, однакоже, не состоялось. Нижегородскому полку было крайне неудобно оставлять Чиръ-Юртъ, гдѣ у него были большія заведенія, а потому послѣдовало новое распоряженіе, чтобы считать Нижегородскій полкъ не при 21-й, а при 20-й дивизіи. Сообразно съ этимъ онъ принялъ № 9-й, а № 10-й передалъ Сѣверскому ([10]). Кстати сказать, что и этотъ номеръ полкъ удержалъ за собой недолго; въ томъ же году, вслѣдствіе сформированія при легкихъ кавалерійскихъ дивизіяхъ еще семи новыхъ драгунскихъ полковъ, общая нумерація была измѣнена, и Нижегородскому полку присвоенъ № 16-й, съ которымъ онъ уже и закончилъ свою боевую дѣятельность сперва въ Кавказской войнѣ, а потомъ на поляхъ Азіатской Турціи.

Пока Сѣверскій полкъ еще формировался, Нижегородскій 11-го сентября уже выступилъ изъ Царскихъ Колодцевъ въ Чиръ-Юртъ по тракту на Шемаху, Кубу и Дербентъ. Походъ не представлялъ ничего замѣчательнаго, но вступленіе въ послѣдній городъ запечатлѣлось въ памяти Нижегородцевъ однимъ эпизодомъ, совершенно исключительнаго характера: передъ городскою заставой къ князю Дондукову подошелъ рядовой подвижной инвалидной команды, и, вытянувшись въ струнку, проговорилъ:—Дозвольте, ваше сіятельство, старому солдату угостить Нижегородцевъ: жертвую отъ себя по чаркѣ водки, и по полфунту мяса на человѣка.

Предложеніе было такъ неожиданно, что въ первую минуту князь не нашелся даже, что ему отвѣтить.

— Да ты знаешь ли, любезный, сколько у меня въ полку людей? спросилъ онъ его.

— Не извольте сомнѣваться, ваше сіятельство; я нахожусь при своемъ капиталѣ, и имѣю усердіе угостить своихъ старыхъ сотоварищей.

Оказалось, что этотъ солдатъ прежде служилъ въ Тифлисскомъ егерскомъ полку въ Царскихъ Колодцахъ, много разъ ходилъ съ драгунами въ экспедицію, былъ тяжело раненъ, и, какъ неспособный къ фронту, перечисленъ въ нестроевую команду. Эпизодъ братской встрѣчи и угощенія

цѣлаго полка однимъ простымъ солдатомъ,—во всякомъ случаѣ фактъ выдающійся и даже едва ли не безпримѣрный (11).

Въ Дербентѣ получено было извѣстіе о пріѣздѣ въ край новаго главнокомандующаго генералъ-адъютанта князя Барятинскаго, который, проѣздомъ изъ Петровска въ Тифлисъ, долженъ былъ встрѣтить Нижегородскій полкъ на дорогѣ. Современники помнятъ то настроеніе, которое охватило тогда весь Кавказъ, волнуя умы какимъ-то отраднымъ и свѣтлымъ предчувствіемъ, поднимавшимся на встрѣчу грядущихъ событій. Нижегородскій полкъ также не безъ сердечнаго трепета готовился къ пріему новаго главнокомандующаго. И вотъ, 16-го октября на дневкѣ въ сел. Буйнакахъ весь полкъ въ парадной формѣ выстроился въ конномъ строю по дорогѣ къ Карабудакенту. День былъ осенній, но солнечный. Часовъ въ 10 утра со стороны Параула показалась блестящая свита – и впереди всѣхъ статный всадникъ на сѣромъ конѣ. Полкъ грянулъ ура! Подъѣхавъ къ фронту, Барятинскій въ задушевныхъ словахъ передалъ полку царскій поклонъ за его боевую службу, обнялъ князя Дондукова и, пропустивъ мимо себя всѣ эскадроны, отправился къ Дербенту. Полкъ также двинулся дальше, и 22-го октября вступилъ въ Чиръ-Юртъ. Не всѣ вышедшіе отсюда 29-го сентября 1853 года вернулись къ своимъ роднымъ очагамъ. Многіе сложили свои головы въ честномъ бою, другіе проложили себѣ путь къ широкой служебной карьерѣ, и изъ пятнадцати старыхъ дивизіонныхъ и эскадронныхъ командировъ только четверымъ: Барковскому, князю Чавчавадзе, Макарову и Калмыкову суждено было увидѣть свой неприглядный, но все-таки дорогой Чиръ-Юртъ. Теперь передъ всѣми поднимался одинъ и тотъ же вопросъ: какъ-то сложится новая жизнь на старомъ пепелищѣ.

А начало было не совсѣмъ удачное. Начать съ того, что расположившись въ Чиръ-Юртѣ, Нижегородскій полкъ очутился въ двойственной зависимости какъ отъ начальника лѣваго фланга, которому подчинялся въ командномъ отношеніи, такъ и отъ командовавшаго войсками въ прикаспійскомъ краѣ, гдѣ находилась его штабъ-квартира и лежала Сулакская линія. Князю Дондукову выпала трудная роль подчиняться разомъ обоимъ начальникамъ, изъ которыхъ каждый вмѣшивался въ его домашнія распоряженія. Съ княземъ Григоріемъ Орбеліани и съ барономъ Врангелемъ, послѣдовательно распоряжавшимися судьбами Дагестана, у него скоро установились благопріятныя отношенія, но къ характеру начальника

Князь Захарій Чавчавадзе.

Полковникъ Шульцъ.

Маіоръ Суриновъ.

Генералъ Тихоцкій.

Подполковникъ Петровъ.

Капитанъ Свистуновъ.

Полковникъ Барковскій.

Портреты старыхъ Нижегородцевъ.

лѣваго крыла генерала Евдокимова онъ примѣниться не могъ, и ихъ отношенія, постепенно обострившіяся, стали, наконецъ, какъ увидимъ, отзываться и на полку.

Къ этому прибавились еще двѣ домашнія катастрофы: поручикъ Коррадини (извѣстный художникъ) вздумалъ посѣтить родную Италію и выѣхалъ въ отпускъ. Въ Георгіевскѣ грубость станціоннаго писаря, швырнувшаго въ него жалобною книгой, вывела изъ себя пылкаго итальянца до такой степени, что онъ выхватилъ шашку, и въ одинъ моментъ у его ногъ лежала уже какая-то безформенная, кровавая масса. Писарь Сѣдыхъ былъ имъ изрубленъ въ куски. Коррадини арестовали. Къ счастію слѣдствіе выяснило, что этотъ Сѣдыхъ былъ человѣкъ до того буйный и дерзкій, что отъ него отказались даже родители. Это и было причиной, почему Барятинскій приказалъ, не придавая Коррадини суду, выдержать его мѣсяцъ на гаубтвахтѣ и предать церковному покаянію ([12]).

Другой случай былъ еще прискорбнѣе. 2-го ноября проѣзжалъ по почтовому тракту изъ Астрахани въ Кизляръ штабсъ-капитанъ Нижегородскаго полка графъ Оскаръ Федоровичъ Менгденъ, одинъ изъ лучшихъ боевыхъ офицеровъ, командовавшій въ полку сперва охотничьей командой, а потомъ 9-мъ эскадрономъ. Въ кюрюкъ-даринскомъ сраженіи онъ получилъ тяжелую рану, и теперь, возвращаясь изъ продолжительнаго отпуска, ѣхалъ въ собственномъ экипажѣ съ денщикомъ и съ собакой. Вечеромъ онъ прибылъ на Горькорѣцкую станцію, и остановился ночевать только потому, что старый смотритель наотрѣзъ отказался дать ему лошадей. «Вы, графъ», сказалъ онъ ему, «конечно, можете рисковать собою, но я не въ правѣ рисковать ни ямщикомъ, ни казенною тройкой». Менгденъ согласился. Разговаривая съ нимъ за стаканомъ чая, онъ между прочимъ сказалъ: «А знаете, вѣдь жаль, что я васъ послушался: сегодня я бы проѣхалъ, а завтра, можетъ, и не проѣду. Кто изъ насъ поручится за будущее...»

Съ разсвѣтомъ онъ приказалъ запрягать экипажъ. Смотритель опять его уговаривалъ: «Ну, куда торопитесь»? говорилъ онъ. «Туманъ такой, что въ двухъ шагахъ ничего не видно. Обождите у насъ часикъ, другой. Вотъ подойдетъ почта изъ Астрахани, и тогда вмѣстѣ съ ней и поѣдете». Менгденъ улыбнулся. «Я въ своей жизни», сказалъ онъ, «никогда не ѣздилъ съ оказіями, поѣду и теперь одинъ». Смотритель призадумался.

«Возьмите по крайней мѣрѣ двухъ казаковъ»—проговорилъ онъ: я прикажу имъ проводить васъ до Аджихановки».—А что это за Аджихановка? Балка такая у насъ по дорогѣ— отвѣчалъ смотритель,—не хорошее мѣсто».

«Благодарю васъ», сказалъ Менгденъ: «поѣду одинъ. Если встрѣтимъ двухъ-трехъ абрековъ, мы отобьемся вдвоемъ, а наскочимъ на партію, не помогутъ и ваши казаки: еще, пожалуй, бѣгутъ, а я, право, не хотѣлъ бы быть причиной ихъ смерти или срама».

Отъ Горькорѣцкой станціи до Тарумовской считается 30 верстъ, а оттуда только 15-ть до Кизляра. На половинѣ пути стоялъ Аджихановскій постъ. Но, видно, казаки были слишкомъ безпечны, потому что въ то самое время, какъ Менгденъ выѣхалъ со станціи, восемь человѣкъ конныхъ горцевъ переѣхали почтовую дорогу и спустились въ Чубытлынскую балку, о которой говорилъ смотритель. Это былъ Трамъ—знаменитый абрекъ, наводившій ужасъ своими разбоями по астраханскому тракту. По ту сторону балки виднѣлось небольшое нагайское кочевье; но Трамъ приказалъ двумъ изъ своихъ людей смотрѣть, чтобы нагайцы не дали знать на казачій постъ, а самъ расположился въ балкѣ, поджидая почту.

Почта, однако, опоздала, а вмѣсто нея, часу въ десятомъ утра, показалась коляска Менгдена, шагомъ спускавшаяся по крутому косогору. Что произошло затѣмъ—неизвѣстно, такъ какъ изъ трехъ человѣкъ, ѣхавшихъ въ коляскѣ, не осталось въ живыхъ никого; нагайцы хотя слышали выстрѣлы, но отъ страха забились въ свои кибитки, и выползли изъ нихъ только тогда, когда Трамъ уже исчезъ съ своею добычей. Поздно извѣщенные, казаки прискакали, спустя два часа послѣ происшествія. Трупъ Менгдена въ сюртукѣ безъ эполетъ, и съ шашкой черезъ плечо, лежалъ на самой дорогѣ. Грудь была пробита пулею, въ боку виднѣлась глубокая рана кинжаломъ, голова была разрублена двумя ударами. Оба пистолета его въ богатой азіатской оправѣ были брошены возлѣ, а рядомъ лежало и ружье, съ выпущеннымъ изъ праваго ствола зарядомъ. Собака была убита. Денщика Менгдена нашли шагахъ въ пятнадцати отъ коляски: онъ, вѣроятно, пытался бѣжать, но былъ настигнутъ и изрубленъ; у него оказалось пять ранъ кинжалами, и весь черепъ снесенъ однимъ взмахомъ шашки. Ямщикъ также лежалъ съ глубокою зіяющею раной во лбу; онъ былъ еще живъ, но не могъ уже говорить, и черезъ четверть часа умеръ. Тройка была уведена, коляска разграблена, но прекрасное оружіе Менгдена не было тронуто. Это

Смерть барона Менгдена.

всѣхъ изумляло, но ключь къ разрѣшенію этой загадки такъ и не былъ найденъ. Тѣло Менгдена погребено было въ Кизлярѣ на православномъ кладбищѣ, гдѣ одинокая могила его близъ церковной ограды отмѣчена простымъ деревяннымъ крестомъ. Такъ погибъ офицеръ, котораго смерть щадила на поляхъ честныхъ битвъ, и воровски подкараулила на дорогѣ въ одной изъ самыхъ печальныхъ и обездоленныхъ мѣстностей ([13]).

Участіе въ этомъ убійствѣ Трама обнаружилось гораздо позднѣе. Осенью 1857 года, когда наши войска стояли за Мичикомъ, одинъ молодой артиллерійскій юнкеръ поѣхалъ изъ Куринскаго укрѣпленія въ отрядъ, не дождавшись оказіи. Ѣхать по густому лѣсу было жутко, и юноша очень обрадовался, когда судьба послала ему въ спутники пять-шесть милиціонеровъ, повидимому ѣхавшихъ по одной съ нимъ дорогѣ. Передній всадникъ былъ офицеръ, потому что на газыряхъ его желтой черкески болтался цѣлый рядъ орденовъ; онъ имѣлъ Владиміра и Анну съ мечами, солдатскій георгіевскій крестъ и медаль за турецкую войну. Говорилъ онъ по-русски плохо, но все-таки говорилъ, и разспрашивалъ юнкера, кто онъ, куда и зачѣмъ ѣдетъ, кто его родители, богаты ли они? и т. п. Юноша, принимавшій все это за обычную азіатскую любезность, отвѣчалъ на все быть можетъ даже съ излишнею откровенностію. Когда спустились къ Мичику, и русскій лагерь былъ уже въ виду, милиціонеры повернули въ сторону. «Поѣдемте прямо», заговорилъ юноша: «здѣсь есть отличный бродъ, я вамъ покажу его».—«Намъ брода не нужно», отвѣчалъ офицеръ, усмѣхнувшись: мы ѣдемъ въ свой аулъ, и ты поѣдешь съ нами»... «Я Трамъ», прибавилъ онъ, какъ бы въ поясненіе своихъ словъ. И когда испуганный юноша бросилъ недоумѣвающій взглядъ на его ордена, онъ отвѣчалъ спокойно:

— Это кресты вашего Менгдена, котораго я убилъ подъ Аджихановской ([14]).

Трагическій случай этотъ хотя и былъ далеко отъ полка, въ глухой астраханской степи, но онъ былъ своего рода memento mori, заставившемъ всѣхъ обратить вниманіе на строгое отправленіе кордонной службы. Опять стали наряжаться тѣ же дежурные эскадроны на случай тревоги, и таже охотничья команда бродила въ прибрежныхъ камышахъ Сулака,—только она была уже въ новомъ составѣ, да начальникомъ ея вмѣсто Менгдена, покоившагося на кизлярскомъ кладбищѣ, явился другой офицеръ, прапорщикъ Николевъ,—личность оригинальная, подхо-

дившая по складу своего характера подъ стародавніе типы Дороховыхъ. Воспитанникъ 1-го кадетскаго корпуса, Николевъ, не кончивъ курса, былъ выписанъ унтеръ-офицеромъ на Кавказъ въ Куринскій полкъ, и съ боя взялъ офицерскіе эполеты. Но носить ихъ пришлось ему не долго. Новая вспышка,—жертвою которой на тотъ разъ сдѣлался полковой священникъ—и Николевъ опять очутился солдатомъ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку. Здѣсь за Кюрюкъ-Дара онъ получилъ знакъ отличія Военнаго ордена, а за штурмъ Карса, гдѣ былъ въ охотникахъ и раненъ штуцерною пулей, вторично произведенъ въ офицеры. Въ огромной бѣлой папахѣ и въ азіятской черкескѣ, всегда съ винтовкою въ рукахъ, онъ былъ наитипичнѣйшимъ представителемъ своей охотничьей команды.

На Сулакѣ, однакоже, все было тихо, и полкъ въ первые мѣсяцы спокойно могъ заниматься внутреннимъ своимъ переустройствомъ. Это была эпоха реформъ, быстро слѣдовавшихъ однѣ за другими, какъ послѣдствія тяжкаго опыта, вынесеннаго нами изъ минувшей войны. Несостоятельность нашей военной системы выяснилась на дѣлѣ,—и теперь надо было перевоспитать солдата, чтобы заставить его быть живымъ, самостоятельнымъ бойцомъ, а не однимъ только тараномъ въ рукахъ его начальника. Въ Россіи всѣ эти реформы приводили въ недоумѣніе старыхъ служакъ, но на Кавказѣ онѣ прошли почти незамѣченными, потому что Кавказъ опередилъ Россію въ этомъ отношеніи на цѣлое полустолѣтіе. Даже отмѣна учебныхъ шаговъ, ружейныхъ темповъ, и цирковыхъ пріемовъ манежной ѣзды не произвела здѣсь никакого впечатлѣнія, такъ какъ все это многимъ было незнакомо, а другіе знали о нихъ только по наслышкѣ. Самое понятіе о драгунахъ, какъ о конницѣ легкой, но способной къ самостоятельной роли, безъ посторонней помощи, — понятіе только что появлявшееся въ Россіи — на Кавказѣ давно уже выработалось жизненною практикой, и тамъ иначе на драгунъ никогда не смотрѣли. Изъ всѣхъ преобразованій того времени наши Нижегородцы долго не могли примириться только съ уничтоженіемъ своихъ барабанщиковъ, замѣненныхъ во всѣхъ эскадронахъ трубачами. Труба хороша въ стрѣлковой цѣпи; но драгуны не могли позабыть тѣхъ глухихъ перекатовъ барабаннаго боя, подъ которые въ былое время ходили на Елисуйскій завалъ, и штурмовали Салты и Гергебиль. Было еще и другое распоряженіе, не внушавшее особыхъ симпатій, это —уничтоженіе должности дивизіонеровъ. Впрочемъ, въ Нижегородскомъ

полку распоряженіе это почему-то стало примѣняться лишь въ шестидесятыхъ годахъ, и то постепенно, по мѣрѣ выхода прежнихъ дивизіонеровъ.

За то въ это же самое время послѣдовали и два повелѣнія, изъ которыхъ каждое имѣло для полка свой высокій смыслъ и значеніе. Во-первыхъ, полку возвращено было его старое, коренное имя, и полкъ сталъ именоваться *Нижегородскимъ* драгунскимъ наслѣднаго принца Виртембергскаго полкомъ ([15]). Эта прекрасная мысль, принадлежавшая лично императору Александру II, увѣковѣчила въ полку память о тѣхъ подвигахъ, которые сопряжены были съ его первоначальнымъ названіемъ. Во-вторыхъ, полку, послѣ долгихъ хлопотъ и переписокъ, возвращены были наконецъ золотыя петлицы на воротники и обшлага офицерскихъ мундировъ, замѣненные во время общей перемѣны обмундированія простыми галунными ([16]). Понятно, до какой степени Нижегородскому полку въ свое время было прискорбно лишиться того, что составляло не простую принадлежность мундира, а знаки отличій, которыми въ Бозѣ почившій императоръ Николай почтилъ блистательные подвиги полка въ турецкую войну, и которыми такъ гордились Нижегородцы.

Среди всѣхъ этихъ перемѣнъ и новыхъ вѣяній, начиналась новая эра и для самаго Кавказа: наступала эпоха его покоренія. Не прошло еще двухъ мѣсяцевъ, какъ полкъ возвратился въ Чиръ-Юртъ, а уже два дивизіона его потребованы были въ чеченскій отрядъ, собиравшійся подъ личнымъ предводительствомъ начальника лѣваго крыла генерала Евдокимова. Съ этихъ поръ и начинается тотъ нескончаемый perpetuum mobile, при которомъ одни дивизіоны приходили, другіе уходили, иногда по два вмѣстѣ, и полкъ рѣдко видалъ себя подъ одною кровлей. Случалось и такъ, что въ Чиръ-Юртѣ не оставалось ни одного эскадрона. И все это шло изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, цѣлые три года, пока не отгремѣлъ послѣдній выстрѣлъ Кавказской войны, и умиротворенный край не сталъ простою русскою провинціей. Евдокимовъ предвидѣлъ это время,—и торопилъ его приближеніе.

Кишень-Аухъ.

VIII.

Начало покоренія Чечни.

(1856—1857 г.).

Начало покоренія Чечни.—Вырубка Маіортупскаго орѣшника.—Уничтоженіе лѣсовъ по Гудермесу.—2-й періодъ экспедиціи между Аргуномъ, Мичикомъ и Басомъ.—3-й походъ.—Занятіе Шалинской поляны, вырубка новыхъ и расчистка старыхъ просѣкъ.—Окончаніе зимней экспедиціи.—Награды.—Торжественная встрѣча князя Барятинскаго.—Праздникъ у Кабардинцевъ.—Рекогносцировка Ауха.—2-й дивизіонъ на Хобишавдонскихъ высотахъ.—Тревоги въ Чиръ-Юртѣ.—Блистательное дѣло 3-го дивизіона на Шеншерекскомъ перевалѣ.

Военныя дѣйствія въ Чечнѣ зимою 1856 года являются лишь продолженіемъ того, на чемъ остановился князь Барятинскій въ послѣднюю свою экспедицію зимой 1853 г. Тогда мы заняли лѣвый берегъ Мичика, но долина рѣки оставалась еще въ рукахъ непріятеля, и страшный Маіортупскій орѣшникъ по прежнему преграждалъ нашъ путь изъ

Куринскаго укрѣпленія къ центральнымъ полянамъ Чечни. Теперь съ вырубки этого страшнаго орѣшника и должны были начаться военныя дѣйствія Чеченскаго отряда.

5-го декабря 1856 года 1-й и 2-й дивизіоны Нижегородскаго полка, подъ командой полковника Барковскаго, прибыли въ Куринское укрѣпленіе, и отсюда съ колонной барона Николаи перешли за Мичикъ. Четыре года тому назадъ въ этихъ же самыхъ мѣстахъ, и тѣ же Нижегородскіе драгуны открыли нашимъ войскамъ переправу блестящею атакой съ Баклановымъ, — теперь, къ удивленію всѣхъ, переправа совершилась безъ выстрѣла.

На слѣдующій день подошелъ самъ Евдокимовъ съ остальными войсками, и прибылъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, вызванный изъ Чиръ-Юрта для командованія всею кавалеріей.

Начинался послѣдній актъ Кавказской войны. Лѣсистая Чечня была классическою страною нашихъ неудачъ, и она же должна была пасть первою, чтобы открыть намъ свободный входъ въ горы. И вотъ, 7-го декабря десять батальоновъ пѣхоты съ цѣлою батареею и двумя дивизіонами Нижегородскаго полка выступили изъ лагеря подъ общею командою барона Николаи. Они двигались къ Маіортупскому орѣшнику.

Зная, что этотъ орѣшникъ всегда стоилъ намъ тысячи жертвъ, баронъ Николаи не рѣшился ввести въ него кавалерію и оставилъ ее на полянѣ. Пѣхота со всѣми предосторожностями подошла къ опушкѣ, и стала подвигаться шагъ за шагомъ впередъ. Такъ прошло два-три часа времени, и войска вдругъ увидѣли передъ собою обширное чистое поле. Всѣ остановились въ изумленіи. Это была знакомая Калаюртовская равнина,—и, слѣдовательно, орѣшникъ былъ пройденъ. Ни гика, ни выстрѣла!... Полагая, что чеченцы, захваченные врасплохъ, не приготовились къ бою, или торопятся вывозить свои семьи, баронъ Николаи потребовалъ дивизіонъ драгунъ и проѣхалъ съ нимъ до самаго Гудермеса. Кругомъ лежала мертвая, безлюдная пустыня. Только на противоположной сторонѣ рѣки показалось нѣсколько конныхъ, но и тѣ скоро исчезли. Возвратившись назадъ, баронъ Николаи приказалъ рубить орѣшникъ. Двѣ съ половиною тысячи топоровъ пущены были въ работу, и черезъ три дня на его мѣстѣ уже лежала широкая дорога, по которой войска свободно могли итти развернутымъ фронтомъ ([1]).

Затѣмъ рубка лѣса началась по берегамъ Гудермеса, среди того же

страннаго и непостижимаго затишья. Носились слухи, что Кази-Магома съ пятью тавлинскими наибами стоитъ въ ущельи Хулхулау; но говорили также, что онъ прикрываетъ лишь семьи переселявшихся чеченцевъ, и потому выйти на плоскость не можетъ. Надо полагать, что эти слухи были вѣрны, потому что непріятель только одинъ разъ, 16-го декабря, и появился передъ нашими войсками, развернувъ довольно значительныя силы на томъ берегу Гудермеса. Съ высокаго кургана, гдѣ стоялъ Евдокимовъ, можно было даже сосчитать число значковъ, обозначавшихъ присутствіе не только наибовъ, но самого Кази-Магомы, вмѣстѣ съ его братьями Джемалъ-Эдиномъ и Магометомъ-Шефи. Князь Дондуковъ и баронъ Николаи просили позволенія тотчасъ атаковать непріятеля, доказывая, что пораженіе трехъ сыновей Шамиля произведетъ потрясающее впечатлѣніе на чеченцевъ. Но Евдокимовъ махнулъ рукой, и приказалъ отступать, сказавъ: «надо беречь снаряды» (2). Этотъ эпизодъ послужилъ новымъ поводомъ къ столкновенію между Евдокимовымъ и княземъ Дондуковымъ, который, не дождавшись даже конца экспедиціи, покинулъ отрядъ и уѣхалъ въ Чиръ-Юртъ (3). Впрочемъ вырубкою просѣкъ по Гудермесу и закончился первый періодъ зимней экспедиціи,—послѣ чего отрядъ былъ распущенъ. Донося о результатахъ похода, Евдокимовъ писалъ между прочимъ: «Считая дѣломъ первостепенной важности устройство сообщеній, и подчиняя этому главному условію всѣ остальныя, я рѣшилъ ограничиваться строго однѣми работами, избѣгая не нужныхъ сраженій. Поэтому и въ экспедиціи на этотъ разъ крови русской пролито было немного, но за то много оказано войсками ревностныхъ, неутомимыхъ трудовъ и мужества» (4).

Прошли рождественскіе праздники, и 13-го января 1857 года 2-й и 3-й дивизіоны Нижегородскаго полка, подъ командой подполковника князя Чавчавадзе, опять выступили въ Чеченскій отрядъ, собиравшійся на этотъ разъ у Бердыкельскаго укрѣпленія на Аргунѣ.

Начинался второй періодъ зимней экспедиціи.

Отсюда до самой Джалки войскамъ только и приходилось бороться, что съ трудностями грязной дороги, мѣстами испорченной горцами. Черезъ Джалку переправились также безъ выстрѣла. Отсюда, на разстояніи полета пушечнаго ядра, виднѣлась лѣсистая высота Чухумъ-Барзъ, у подошвы которой толпились пѣшіе и конные чеченцы. Евдокимовъ выдвинулъ впередъ двѣ батареи, а между тѣмъ приказалъ кавалеріи обойти непрія-

теля съ фланга. Конница пошла впередъ съ перестрѣлкой; но по мѣрѣ того, какъ она огибала высоты, чеченцы отодвигались назадъ и, наконецъ, скрылись. Къ вечеру войска поднялись на Чухумъ-Барзъ и стали лагеремъ. Черезъ три дня широкая просѣка дошла отсюда до самаго дубоваго лѣса, закрывавшаго отъ насъ Хулхулау, и здѣсь остановилась. Въ сторонѣ, на раскрытой полянѣ, виднѣлся Герменчукъ съ его историческимъ кладбищемъ, и посреди его могильныхъ флаговъ мелькали знакомые намъ значки тавлинскихъ наибовъ. Тамъ стоялъ Кази-Магома. Туда же лежала наша дорога,—и въ войскахъ смутно зарождалась надежда на давно желаемую битву. Но Евдокимовъ рѣшилъ обойти непріятеля, и 20-го января повелъ войска окружною дорогой на Автуры и Гельдигенъ. День выдался туманный, шелъ дождь съ мокрымъ снѣгомъ, и непріятельскіе посты, поздно замѣтившіе наше движеніе, разнесли тревогу только тогда, когда войска уже вышли на обширную автурскую поляну. Дѣла, впрочемъ, не было. Непріятель отступилъ, потому что позади его за густымъ орѣшникомъ уже виднѣлись лагерные огни другого отряда—Кумыкскаго.

21-го января оба эти отряда разомъ приступили къ рубкѣ гельдигенскаго лѣса и пошли на встрѣчу другъ къ другу. Кругомъ горѣли ютившіеся въ этихъ лѣсахъ хутора и аулы. Вѣтеръ несъ тучи дыма прямо на горы, и скоро онѣ окутались непроницаемой завѣсой, придававшей особый мрачный колоритъ всей этой картинѣ. Громъ орудій съ обѣихъ сторонъ, раскаты эха, вторившаго ударамъ пушечныхъ выстрѣловъ, и трескъ валившихся кругомъ столѣтнихъ деревьевъ—довершали эфектъ боевой обстановки. Кавалерія стояла на равнинѣ и сторожила непріятеля.

22-го января просѣка была окончена, отряды соединились, и только тогда Евдокимовъ, выдвинувъ впередъ кавалерію, приказалъ ей атаковать аулъ Магадинъ, откуда непріятель стрѣлялъ изъ орудій. Надо полагать, что Евдокимовъ въ этомъ случаѣ сдѣлалъ только уступку общему давленію, ибо понималъ хорошо, что захватить орудій нельзя, а заставить ихъ замолчать можно было и безъ помощи кавалерійской атаки. Тѣмъ не менѣе линейцы съ гикомъ понеслись вразсыпную, а за ними въ стройныхъ колоннахъ двинулись четыре эскадрона драгунъ. Но непріятель не принялъ удара и быстро убралъ свою артиллерію.

На слѣдующій день просѣку опять повели назадъ къ Герменчукскому кладбищу и, такимъ образомъ, вышли на старое мѣсто къ дубовому лѣсу, который оставался нетронутымъ. Теперь и эта послѣдняя

преграда, закрывавшая отъ насъ долину Хулхулау, исчезла подъ топорами, и Герменчукская поляна соединилась съ Шалинскою. Въ этотъ день чеченская конница нѣсколько разъ выдвигалась изъ лѣса, но каждый разъ князь Чавчавадзе съ четырьмя эскадронами отбрасывалъ ее назадъ, не позволяя близко подойти къ рабочимъ.

Экспедиція этимъ и закончилась. Она продолжалась всего двѣ недѣли; но въ этотъ короткій срокъ все пространство между Аргуномъ и Мичикомъ было очищено отъ лѣса, и непокорное населеніе загнано въ горы ([5]).

9-го февраля эскадроны, бывшіе въ походѣ, вернулись въ Чиръ-Юртъ, а 4-го марта другіе два дивизіона, 1-й и опять 3-й, выступили въ Грозную, подъ командой полковника Барковскаго. Это былъ третій чеченскій походъ, въ который войска должны были окончательно занять Шалинскую поляну, соединить ее съ Автурами, и затѣмъ расчистить старую, уже заросшую просѣку къ Воздвиженской. Драгуны прибыли въ отрядъ 11-го марта, когда войска занимались уже на Шалинской полянѣ постройкой укрѣпленія, и дивизіоны поочередно стали назначаться съ колоннами въ прикрытіе къ рабочимъ. Изрѣдка случались перестрѣлки; а 19-го марта, въ то время, какъ войска доканчивали уже просѣку къ Автурамъ, непріятель подошелъ такъ близко, что изъ лагеря по тревогѣ прискакалъ еще дивизіонъ драгунъ и подошло нѣсколько батальоновъ пѣхоты. Дѣла, однакоже, не было—и все ограничилось только пушечной пальбою.

На слѣдующій день, оставивъ на Шалинской полянѣ грозный окопъ, войска перешли къ Воздвиженской просѣкѣ и принялись рубить частый орѣшникъ, разросшійся отдѣльными островками. Ожидали, что непріятель, стоявшій въ лѣсахъ по ту сторону Басса, воспользуется разобщенностію нашихъ работъ для своихъ нападеній, а потому съ утра для охраны единственной переправы черезъ Бассъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка выходитъ изъ ущелья, поставили особый отрядъ, подъ командой полковника Барковскаго. Онъ состоялъ изъ батальона пѣхоты, своднаго дивизіона драгунъ (2-й и 6-й эскадроны), 3-хъ сотенъ казаковъ и шести орудій. 20-го марта, часу въ одиннадцатомъ утра, непріятель, дѣйствительно, сталъ переправляться; но едва передовыя части его появились на нашемъ берегу, какъ вся кавалерія, стоявшая наготовѣ, понеслась въ атаку и моментально сбросила горцевъ внизъ. Столпившіяся на тѣсномъ пространствѣ, въ самомъ руслѣ рѣки, толпы осыпаны были картечью и, заваливъ своими

трупами рѣку, больше уже не пытались возобновлять нападеній. Драгуны потеряли при этой атакѣ одного человѣка и 11 лошадей ранеными.

На другой день весь отрядъ перешелъ на Гойту, вырубилъ лѣсъ, закрывавшій отъ насъ пахатныя поля чеченцевъ, и 29-го марта довершилъ работы расчисткою старой гехинской просѣки. Этимъ и окончились военныя дѣйствія чеченскаго отряда. Въ одну зиму были повалены имъ дремучіе лѣса, докончена сѣть просѣкъ, раскрывавшая Большую Чечню по всѣмъ направленіямъ, а на Шалинской полянѣ возникло укрѣпленіе, окончательно утвердившее за нами все пространство отъ Аргуна до Хулхулау. Чечня стояла какъ крѣпость съ отбитыми воротами, гарнизонъ которой долженъ былъ положить оружіе по первому требованію.

Зимнія дѣйствія Чеченскаго отряда доставили Нижегородскому полку слѣдующія награды: Дондукову-Корсакову пожалованъ орденъ св. Станислава 1-й ст.; подполковнику князю Чавчавадзе—золотая шашка; капитаны Макаровъ и Калмыковъ произведены въ маіоры, штабсъ-капитанъ Андреевъ въ капитаны, а юнкера: Гоппе, Кетхудовъ и князь Амилахвари (Николай) въ прапорщики. Поручикъ князь Горчаковъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ гвардію. Ордена пожалованы: поручику Ключареву—св. Станислава 2 ст.; младшему врачу Полякову—3-й ст. и поручикамъ князю Амилахвари и Джамарджидзе—Анны 4 ст. Затѣмъ унтеръ-офицерамъ: Мартыну Степаненкѣ и Ивану Якубову и рядовымъ Андрею Бондыреву и Михаилу Бойко назначены знаки отличія Военнаго ордена. Унтеръ - офицеру князю Димитрію Церетели—уничтоженъ штрафъ ([6]).

4-го апрѣля Барковскій съ своими дивизіонами вернулся въ штабъ-квартиру, и полкъ на короткое время собрался вмѣстѣ. Ожидался пріѣздъ главнокомандующаго, который раннею весною долженъ былъ объѣхать Сѣверный Кавказъ, чтобы на мѣстѣ удостовѣриться въ результатахъ зимнихъ дѣйствій Чеченскаго отряда. Во всѣхъ войскахъ шли приготовленія для встрѣчи высокаго гостя. И вотъ, 18-го апрѣля, какъ только пришло извѣстіе, что князь Барятинскій прибылъ въ Владикавказъ, 2-й дивизіонъ Нижегородскаго полка вышелъ изъ Чиръ-Юрта съ полнымъ числомъ рядовъ и съ большимъ обозомъ, въ которомъ везлись парадные мундиры, мѣховыя шапки и даже вальтрапы; мундштуки были приторочены къ сѣдламъ. Офицеры также взяли въ походъ своихъ парадеровъ ([7]). Дивизіонъ поступилъ въ отрядъ барона Николаи, и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ къ Гельдигену на встрѣчу къ главнокомандующему.

Зимняя Чеченская экспедиція.

Современники говорятъ, что картина этой встрѣчи была поистинѣ торжественна, и производила трудно передаваемое впечатлѣніе. Весь Кабардинскій пѣхотный полкъ съ распущенными знаменами, и два эскадрона нижегородскихъ драгунъ со своимъ штандартомъ стояли на обширной полянѣ, одѣтые въ парадную форму, невиданную доселѣ среди лѣсовъ и скалъ чеченской земли. Къ этой же полянѣ, со стороны Агшпатоя, быстро приближался блестящій кортежъ, подъ прикрытіемъ небольшого эскорта мирныхъ чеченцевъ,—первый кортежъ, появившійся за Аргуномъ въ сопровожденіи только одной туземной кавалеріи. Чтобы представить себѣ весь эфектъ этой сцены, нужно припомнить, что за полгода передъ тѣмъ Гельдигенъ былъ еще центромъ враждебной Чечни, — пунктомъ, къ которому 15 лѣтъ напрасно стремились русскіе отряды. И вотъ, въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ происходили самые кровавые эпизоды войны, гдѣ даже движеніе значительныхъ отрядовъ сопровождалось ожесточенными схватками, гдѣ кромѣ свиста пуль, грома пушекъ, сигнальныхъ рожковъ, да дикаго гика чеченцевъ ничего не было слышно,—войска подъ звуки музыки шли церемоніальнымъ маршемъ, и воздухъ оглашался привѣтственными криками.

Отсюда главнокомандующій проѣхалъ на Мичикъ, сопровождаемый отрядомъ барона Николаи. Но тѣ мѣста, которыя Барятинскій самъ проходилъ за четыре года тому назадъ, были уже неузнаваемы. Тогда онъ съ сильнымъ отрядомъ пробивался здѣсь черезъ Маіортупскій орѣшникъ,—теперь этого орѣшника не было, и онъ спокойно ѣхалъ въ коляскѣ, точно по прекрасно устроенному парку. Густая аллея, раздвигавшаяся въ ширину почти на двѣ версты, открывала передъ нимъ чудную перспективу; по сторонамъ этой аллеи стѣною стояли столѣтнія деревья, но зеленая чаща ихъ уже не грозила, какъ прежде, бѣдою и гибелью. Въ боковыхъ цѣпяхъ, занятыхъ Кабардинскимъ полкомъ, все время шла перестрѣлка; однакоже весь шестичасовой переходъ отъ Гельдигена до Хоби-Шавдона стоилъ намъ только одного офицера и девяти нижнихъ чиновъ ранеными. Въ 1852 году Барятинскій потерялъ здѣсь болѣе 500 человѣкъ.

За Хоби-Шавдономъ, около Хасавъ-Юрта, Барятинскаго встрѣтилъ 3-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, также въ парадной формѣ, и сопровождалъ его до Чиръ-Юрта, куда вслѣдъ за нимъ спѣшно прибыли и оба эскадрона, бывшіе въ кумыкскомъ отрядѣ. Они пришли на полныхъ

рысяхъ, всего за нѣсколько часовъ до смотра, и, такимъ образомъ, Нижегородскій полкъ, собравшись весь, представился главнокомандующему въ полномъ составѣ. Чиръ-Юртъ Барятинскій нашелъ въ прекрасномъ устройствѣ, выразилъ князю Дондукову благодарность въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ ([8]), и въ тотъ же день возвратился въ Хасавъ-Юртъ, конвоируемый опять 1-мъ дивизіономъ Барковскаго. Вечеромъ туда же прибылъ князь Дондуковъ съ остальными двумя дивизіонами, и весь Нижегородскій полкъ поступилъ въ составъ отряда, который, подъ личнымъ начальствомъ Барятинскаго, долженъ былъ изслѣдовать дороги къ Ауху.

26-го апрѣля войскамъ данъ былъ отдыхъ. Кабардинцы воспользовались этимъ днемъ, чтобы устроить торжественный праздникъ въ честь главнокомандующаго, въ лицѣ котораго привѣтствовали бывшаго своего полкового командира. Только шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Барятинскій выѣхалъ изъ этого Хасавъ-Юрта молодымъ генераломъ, и какая громадная перемѣна произошла въ судьбѣ этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля! Драгуны, старые боевые кунаки Кабардинскаго полка и сподвижники прежнихъ походовъ Барятинскаго, были желанными гостями на праздникѣ — и пиршество приняло поистинѣ гомерическіе размѣры. Нужны были десятки лѣтъ постоянной войны и жизни среди кавказской природы и кавказскихъ нравовъ, чтобы выработать всѣ эти своеобразные обычаи, поражавшіе всякаго новичка, и увлекавшіе большинство своею дикою поэзіею. Теперь можетъ показаться чѣмъ-то баснословнымъ, если сказать, что вина выкатывались бочками, жженка варилась котлами, тосты сопровождались залпами со всѣхъ батарей и батальоннымъ огнемъ цѣлыхъ батальоновъ. Иллюминаціи не было, но ее замѣняли лѣса костровъ, на десятки верстъ освѣщавшіе багровымъ заревомъ пустынные виды кумыкской плоскости. Какъ своеобразны были обычаи, такъ своеобразно складывались понятія и взгляды кавказскаго солдата. Когда подавали пуншъ, князь Барятинскій взялъ съ подноса стаканъ и, отхлебнувъ изъ него, замѣтилъ: «у, какой крѣпкій».—«Да и полкъ-то крѣпкій»,—неожиданно отвѣтилъ солдатъ, разносившій стаканы ([9]).

Пропировали до вечерней зари, а чуть забрезжился свѣтъ, шесть батальоновъ пѣхоты, Нижегородскій полкъ и нѣсколько сотенъ казаковъ съ 10 орудіями уже шли по дорогѣ къ Ауху.

Сильное и богатое ауховское общество еще сохраняло свою независимость, но подступы къ нему уже были раскрыты широкими просѣками,

и таинственная завѣса, доселѣ скрывавшая эту страну, была съ нея сорвана. Часу въ десятомъ утра войска безъ выстрѣла поднялись на правый возвышенный берегъ Ярыкъ-су, и здѣсь остановились. На высокомъ курганѣ, откуда при блескѣ весенняго солнца открывались прекрасные виды на горы и лѣса Ауха, составилось совѣщаніе между княземъ Барятинскимъ, Орбеліани и Евдокимовымъ, которые, разсуждая о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ въ этой части края, рѣшили—лѣтомъ занять Салатавію, а зимою Аухъ, и, такимъ образомъ, стать прочною ногою въ предгоріяхъ Андійскаго хребта. Въ тотъ же день войска вернулись въ Хасавъ-Юртъ, и два дивизіона драгунъ тотчасъ пошли обратно въ свою штабъ-квартиру, а 2-й, подъ командой князя Чавчавадзе, остался въ отрядѣ на Хоби-Шавдонскихъ высотахъ.

Лѣтомъ 1857 года войскамъ лѣваго крыла не предстояло никакихъ походовъ. Дѣйствія должны были производиться со стороны Дагестана, гдѣ начиналось покореніе Салатавіи. Что же касается Чечни, то войска, расположенныя на извѣстныхъ пунктахъ, наблюдали только за тѣмъ, чтобы чеченцы не пасли своихъ стадъ, ни заготовляли сѣна, и не производили посѣвовъ на открытыхъ полянахъ. Они и не пытались этого дѣлать, зная, что на нихъ во всякую минуту могутъ нагрянуть войска, какъ изъ Шалинскаго окопа, такъ и изъ Хоби-Шавдонскаго лагеря. Кругомъ было тихо; но непріятель время отъ времени все-таки заявлялъ о своемъ присутствіи какимъ-нибудь нападеніемъ на одиночныхъ людей или небольшія команды. Такъ, въ окрестностяхъ самаго лагеря, захваченъ былъ Трамомъ артиллерійскій юнкеръ, такъ погибли и два нижегородскіе драгуна—фурштадтскій унтеръ-офицеръ Ляшенко и рядовой Ивановъ, которые ночью вышли изъ лагеря, а утромъ найдены убитыми въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ цѣпи. Однажды, даже цѣлому эскадрону, провожавшему оказію въ Умаханъ-Юртъ, случилось наткнуться на партію, но и той удалось отдѣлаться благополучно, благодаря необычайной быстротѣ своихъ выдержанныхъ коней. День былъ сырой и ненастный; густой туманъ стлался по самой землѣ и скрадывалъ топотъ конницы. Князь Амилахвари велъ эскадронъ со всѣми предосторожностями и даже съ раскинутою цѣпью наѣздниковъ. И несмотря на это, какъ только къ полудню солнечные лучи прорѣзали тучи, и туманъ—какъ это нерѣдко бываетъ въ долинахъ Кавказа—поднялся разомъ, драгуны неожиданно увидѣли передъ собою конную партію—и впереди человѣка въ желтой черкескѣ. По этой черкескѣ и по

Типы [illegible]

([illegible])

гнѣдому коню узнали Трама. Эскадронъ съ мѣста понесся на перерѣзъ непріятелю, чтобы отхватить его отъ лѣса. И горскіе кони абрековъ, и добрые степняки Нижегородцевъ летѣли стрѣлами—но счастіе было на сторонѣ Трама... Драгуны на скаку уже выхватили шашки, какъ партія метнулась въ сторону и скрылась въ лѣсу. Эскадронъ доскакалъ до опушки и повернулъ назадъ ([10]).

Но кромѣ этихъ случаевъ, столь обыденныхъ въ кавказской войнѣ, жизнь въ хоби-шавдонскомъ лагерѣ протекала довольно монотонно. Драгуны наряжались въ прикрытіе рабочихъ, ходили на Мичикъ въ разъѣзды, заготовляли фуражъ, провожали оказіи. Войскамъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не приходилось разряжать своихъ ружей, а между тѣмъ результаты, достигаемые этою, повидимому, бездѣятельною стоянкою, оказывались громадными. До какой степени блокада чеченскихъ полей отражалась на положеніи всего населенія, и какъ безнадежна становилась въ глазахъ его дальнѣйшая борьба, можно заключить изъ того, что самъ мичиковскій наибъ Эски, одинъ изъ лучшихъ сподвижниковъ Шамиля, вышелъ въ Грозную и передался русскимъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ изъ Чиръ-Юрта выступили два дивизіона: 3-й подъ командою маіора Калмыкова пошелъ въ Большой Дженгутай для охраны Мехтулинскаго ханства на время Салатавской экспедиціи, а 1-й, съ полковникомъ Барковскимъ, прибылъ на Хоби-Шавдонъ, гдѣ смѣнилъ 2-й, который тотчасъ же отправился въ свою штабъ-квартиру.

Въ Чиръ-Юртѣ было пусто и такъ же скучно, какъ на Хоби-шавдонскихъ высотахъ, потому что изъ 12 эскадроновъ осталось въ немъ только четыре—два нижегородскіе и два сѣверскіе, на которыхъ и лежала охрана Сулакской линіи. А время наступило тревожное. Горцы, точно въ отмщеніе за свои неудачи, повели самую озлобленную мелкую войну, и не проходило ночи, чтобы гдѣ-нибудь на линіи не было убійства или отгона скота. Очередь, наконецъ, дошла и до самаго Чиръ-Юрта.

Однажды, въ прекрасный лѣтній вечеръ 28-го іюня, когда обычный песчаный ураганъ утихъ, и жители слободки высыпали на свои завалинки подышать вечерней прохладой, вдругъ поднялась необычайная суматоха. Прискакалъ драгунъ съ извѣстіемъ, что горцы отогнали табунъ женатыхъ нижнихъ чиновъ, ходившій на Озени. Въ Чиръ-Юртѣ затрубили тревогу. Сводный эскадронъ Нижегородскаго полка, составленный изъ остатковъ тѣхъ дивизіоновъ, которые были въ походѣ, тотчасъ поска-

калъ черезъ артельные покосы прямо къ Волчьимъ воротамъ, а 3-й и 4-й понеслись къ Міатлинской башнѣ. Табунъ оказался на мѣстѣ, но въ немъ недоставало 14 матокъ и 7-ми жеребятъ, которые ходили отдѣльно и были отхвачены горцами. Всю ночь, и почти весь слѣдующій день драгуны провели въ разъѣздахъ, и только подъ вечеръ, когда слѣдовъ непріятеля нигдѣ не было открыто, эскадроны опять стянулись къ Чиръ-Юрту. Въ эту самую минуту съ Міатлинской башни вдругъ грянулъ пушечный выстрѣлъ. Свѣжій дивизіонъ Сѣверцевъ опять поскакалъ на тревогу къ Міатламъ; но партія, состоявшая всего изъ 20 человѣкъ, и, вѣроятно, скрывавшаяся весь день гдѣ-нибудь въ горныхъ трущобахъ, успѣла уже переправиться и перегнать съ собой лошадей ([11]).

Въ другой разъ, 2-го августа, горцы напали близъ Темиргоя на обозъ, слѣдовавшій изъ Чиръ-Юрта. 15-ти казаковъ, спѣшившись, успѣли огородиться телѣгами, но пока дали знать въ Чиръ-Юртъ и прискакали драгуны, шесть человѣкъ изъ нихъ уже были изрублены, двѣ повозки отбиты, а горцы, раздѣлившись на мелкія партіи, ушли за Сулакъ ([12]).

Между тѣмъ, какъ 1-й дивизіонъ спокойно стоялъ на Хоби-Шавдонѣ, а 2-й боролся на Сулакѣ съ мелкими шайками хищниковъ, Шамиль, все еще не терявшій надежды удержать за собой Салатавію, направилъ сильный ударъ на Мехтулинское ханство, чтобы развлечь вниманіе и силы князя Орбеліани. Это обстоятельство и дало случай 3-му дивизіону Нижегородскаго полка имѣть блестящее дѣло, напомнившее драгунамъ ихъ прежнія молодецкія схватки, о которыхъ теперь, при новой системѣ войны, не было въ Чечнѣ и помину.

Когда 3-й дивизіонъ прибылъ въ Большой Дженгутай, тамъ уже ходили слухи о намѣреніяхъ Шамиля, и жители были въ большомъ волненіи. Но дни проходили за днями, не принося никакихъ тревожныхъ извѣстій, и драгуны начинали уже тяготиться своимъ положеніемъ, какъ вдругъ ночью 30-го іюля почти на всѣхъ высотахъ Мехтулинскаго ханства разомъ засверкали сигнальные огни. Сторожевыя башни давали знать, что непріятель появился въ нашихъ предѣлахъ.

Ночь была темная. 3-й дивизіонъ, выскочившій на тревогу, взялъ направленіе на селеніе Апши, откуда былъ поданъ первый сигналъ, и пошелъ на рысяхъ. Скоро его обогналъ правитель Мехтулинскаго ханства съ сотнею своихъ нукеровъ и на ходу сообщилъ, что партія захватила громадную баранту, принадлежавшую жителямъ верхнихъ мехту-

линскихъ деревень, и гонитъ ее на Шеншерекскій перевалъ. Драгуны прибавили ходу. Гулко разносится въ ночной тишинѣ топотъ конскихъ копытъ по твердой кремнистой дорогѣ, изрѣдка брякнетъ оружіе, фыркнетъ споткнувшійся конь, или брызнутъ искры отъ удара кремня о сталь конской подковы. Кругомъ полная тишина—никакого признака близости непріятеля. Вдругъ не вдалекѣ грянулъ ружейной выстрѣлъ, и вспыхнувшій маякъ озарилъ высокій холмъ, со старою, закоптѣлою башней, откуда что-то кричали драгунамъ. Можно было догадываться, что съ башни видятъ непріятеля. Дѣйствительно, едва драгуны проскакали деревню Апши, какъ въ узкой долинѣ замѣтили громадную партію, въ которой на глазъ можно было опредѣлить отъ полутора до двухъ тысячъ всадниковъ. Въ такомъ положеніи малѣйшее колебаніе могло имѣть гибельныя послѣдствія, и маіоръ Калмыковъ съ мѣста пустилъ эскадроны въ атаку. 150 драгунъ (*) понеслись на тысячную массу. Стычка была не продолжительная. Сбитые стремительнымъ ударомъ сомкнутаго фронта, горцы повернули назадъ и бросились на Шеншерекскій перевалъ, за которымъ могли считать себя въ безопасности. Но перевалъ былъ уже занятъ двумя ширванскими ротами. Завязалась жаркая схватка. Горцы кидались въ шашки, стараясь проложить себѣ дорогу оружіемъ; Ширванцы отбрасывали ихъ огнемъ и штыками. Въ эту минуту подоспѣли драгуны и, врѣзавшись въ толпу, пошли рубить направо и налѣво. Драгунскія шашки—говоритъ очевидецъ — дымились кровію ([13])... Пораженіе непріятеля было полное. На мѣстѣ боя осталось 250 тѣлъ, вся баранта и множество лошадей и оружія.

Шеншерекское дѣло само по себѣ не принадлежитъ къ крупнымъ историческимъ дѣламъ, обезсмертившимъ Нижегородское имя; но оно имѣло большое значеніе въ общемъ ходѣ тогдашнихъ событій и во всякомъ случаѣ должно занять видное мѣсто въ исторіи Нижегородскаго полка. Такъ именно взглянулъ на него князь Орбеліани и, когда въ Шурѣ получено было извѣстіе о пораженіи горцевъ, онъ приказалъ со всѣхъ батарей произвесть салютаціонную пальбу въ честь храбрыхъ драгунъ и Ширванцевъ ([14]).

За Шеншерекское дѣло маіоръ Калмыковъ произведенъ въ подполковники, штабсъ-капитанъ Умаровъ—въ капитаны, и прапорщикъ Андре-

(*) Эскадроны были 8-ми ряднаго состава.

евъ 2-й—въ поручики. Капитану Андрееву 1-му пожалованъ орденъ св. Станислава 2-й степени съ короной, а прапорщику Николеву повелѣно не считать штрафъ препятствіемъ къ преимуществамъ по службѣ. Нижнимъ чинамъ назначено 16-ть знаковъ отличія Военнаго ордена ([15]). Послѣ этого дѣла 3-й дивизіонъ еще долго стоялъ въ Дженгутаѣ, и только позднею осенью, когда воздвигаемыя въ Салатавіи укрѣпленія были готовы, возвратился въ свою штабъ-квартиру.

Теперь очередь дѣйствовать была за Чеченскимъ отрядомъ.

Землянка Ермолова въ Грозной.

Станица
Алханъ-Юртская.

IX.

Въ горахъ и на плоскости.

(1857—1858 г.).

2-й дивизіонъ на Хоби-Шавдонѣ.—Стычка въ Качкалыковскомъ лѣсу.—Начало военныхъ дѣйствій зимою 1857 года.—Драгуны въ дѣлѣ у Курчулъ-аула.—Занятіе Ауха.—Горячій бой 3-го эскадрона у сел. Каме.—Набѣгъ на Зондакъ.—Движеніе къ верховьямъ Хулхулау и въ трущобы Хозы-Шавдона для выселенія горцевъ.—Печальныя недоразумѣнія, вызвавшія энергическую защиту драгунъ со стороны Мусы-Кундухова.—Зимовыя квартиры въ Грозной и Алханъ-Юртѣ.—Трагическая смерть юнкера Авалдова.—Драгуны въ Аргунскомъ ущельѣ.—Возвращеніе на плоскость и защита

Аргунской линіи.—Тревога на Гойтенъ-юртѣ.—Молодецкая атака драгунъ на неосѣдланныхъ коняхъ.—Возмущеніе Назрана.—Походъ къ Галашевцамъ.—Новая тревога на плоскости, и спѣшное возвращеніе драгунъ въ Ассинскую станицу.

Съ наступленіемъ зимы 1858 года, генералу Евдокимову предстояло занять входъ въ Аргунское ущелье, т. е. сдѣлать первый шагъ въ горы; но этому необходимо должно было предшествовать совершенное покореніе плоскости и сосѣдняго съ нею Ауха. Лѣсистый Аухъ былъ мѣстомъ замѣчательно крѣпкимъ, а потому Евдокимовъ рѣшилъ предварительно отвлечь непріятеля въ противную сторону и сталъ сосредоточивать свои главныя силы на Аргунѣ, въ центральной позиціи у Чухумъ-Барза. Туда же приказано было выступить изъ Хоби-Шавдона и отряду барона Николаи.

Въ составъ послѣдняго отряда входилъ въ это время опять 2-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, смѣнившій первый еще 27-го августа. Болѣе полугода прошло съ тѣхъ поръ, какъ драгуны стояли на Хоби-Шавдонѣ, и за все это долгое время не было ни одного происшествія, на которомъ можно бы было остановить вниманіе; но передъ самымъ походомъ случилось дѣло, которое показало отряду, что онъ стоялъ еще далеко не въ умиротворенномъ краѣ. Однажды, 22-го октября, изъ лагеря выслана была оказія въ Куринское, и въ прикрытіе къ ней назначенъ взводъ 4-го эскадрона, подъ командою прапорщика Готовицкаго. До сихъ поръ эти оказіи составляли пріятную прогулку, такъ какъ никто не допускалъ мысли, чтобы сколько-нибудь значительная партія могла появиться за Мичикомъ. Но партія явилась,—и Готовицкій внезапно былъ атакованъ въ самой чащѣ Качкалыковскаго лѣса. Никакихъ подробностей объ этомъ происшествіи не сохранилось въ устныхъ разсказахъ современниковъ, а изъ оффиціальныхъ документовъ извѣстно только, что когда грохотъ лѣсной перестрѣлки вызвалъ войска изъ Куринскаго,—непріятель уже былъ отбитъ одними драгунами, причемъ самъ Готовицкій контуженъ, а рядовой Гнѣздиловъ, извѣстный ложечникъ и запѣвало 4-го эскадрона, раненъ. Баронъ Николаи по достоинству оцѣнилъ это небольшое, но молодецкое дѣло, выразивъ драгунамъ благодарность особымъ приказомъ по Кумыкскому отряду. Готовицкій былъ произведенъ въ поручики, а унтеръ-офицеръ Яковъ Блохинъ получилъ знакъ отличія Военнаго ордена (1).

Между тѣмъ наступилъ ноябрь, и Кумыкскій отрядъ барона Николаи

2-го числа двинулся съ Хоби-шавдонскихъ высотъ къ Эспенъ-аулу, на встрѣчу колоннѣ Евдокимова. Шамиль, съ значительнымъ сборомъ стоявшій за Басомъ, попытался воспрепятствовать этому движенію и даже стрѣлялъ изъ орудій; но каждый разъ появленіе князя Чавчавадзе съ дивизіономъ драгунъ заставляло его поспѣшно убирать свою артиллерію. 4-го ноября оба отряда наконецъ соединились, и Евдокимовъ въ тотъ же день повелъ войска обратно на Хоби-Шавдонъ. Непріятель густыми толпами шелъ параллельно нашему пути, и когда войска миновали Курчулъ-аулъ, выдвинулъ изъ лѣсу три орудія и открылъ огонь по арьергарду. Драгуны остановились. Отъ толпы отдѣлилось въ это время человѣкъ 60— всѣ на сѣрыхъ коняхъ, и тронулись шагомъ, точно желая высмотрѣть силы и расположеніе нашего отряда. Впереди всѣхъ, въ бѣлой черкескѣ и въ бѣлой папахѣ, ѣхалъ всадникъ, въ которомъ мирные чеченцы узнали Джемалъ-эдина, старшаго сына Шамиля. Они подъѣхали такъ близко, что можно было даже различать ихъ лица. Тогда князь Чавчавадзе вызвалъ наѣздниковъ, которые, быстро разсыпавшись подъ командой юнкера князя Амилахвари (Николая), завязали перестрѣлку. Мюриды поскакали назадъ; наѣздники увязались въ погоню, и нѣсколько сѣрыхъ лошадей скоро промчались по полю уже безъ всадниковъ.

Въ эту минуту къ арьергарду прибылъ баронъ Николаи, и видя, что огонь усиливается, и ядра ложатся передъ самымъ фронтомъ, приказалъ драгунамъ сдѣлать атаку. 3-й эскадронъ, подъ командой штабсъ-капитана князя Амилахвари, вихремъ понесся на орудія. Но тутъ произошло то, что надо было предвидѣть: пушки моментально исчезли, а горцы, кинувшись въ Курчулъ-аулъ, встрѣтили драгунъ огнемъ изъ крайнихъ домовъ, изъ-за плетней и кладбища. Въ одну минуту лошадь подъ княземъ Амилахвари упала раненая; юнкеръ Николай Амилахвари, рядовой Остапенко и старый трубачъ Никифоровъ, любимецъ и неразлучный спутникъ эскадроннаго командира въ его походахъ, были также ранены. Задержанный на одно мгновеніе сильнымъ огнемъ, эскадронъ спѣшился и съ крикомъ ура ворвался въ аулъ. Горсть драгунъ, не болѣе 50 или 60 человѣкъ, исчезла въ лабиринтѣ азіятскихъ построекъ; но этотъ неожиданный маневръ до того озадачилъ горцевъ, что они бросились въ лѣсистый оврагъ, откуда встрѣтили насъ новыми залпами. Драгуны разсыпались по самому краю обрыва. Всѣ залегли, кто за что попало, и только одинъ рядовой Алексѣй Богдановъ стоялъ на глазахъ у всѣхъ

надъ самою кручей. Его высокая, красивая фигура въ новомъ полушубкѣ, перетянутомъ ремнемъ, обрисовывавшимъ его статную талію, привлекала вниманіе всѣхъ и служила мишенью для непріятеля. Осыпаемый пулями, онъ молча слалъ выстрѣлъ за выстрѣломъ, весь сосредоточившись въ этомъ занятіи, и только разъ перервалъ его, чтобы обернуться назадъ и процѣдить сквозь зубы: «скотина». Этотъ нелестный отзывъ обращенъ былъ имъ къ молодому солдатику, недавно переименованному изъ бывшихъ барабанщиковъ, который, не приладившись еще къ своему ружью, едва-едва не убилъ самого Богданова.

Между тѣмъ подошелъ кабардинскій батальонъ и смѣнилъ драгунъ, которые, сѣвъ на коней, вернулись къ арьергарду. Дѣло было не большое, но достойное Нижегородцевъ. Замѣчателенъ отвѣтъ эскадроннаго командира, когда при немъ кто-то выразилъ сожалѣніе о его раненомъ братѣ. «У насъ—сказалъ онъ:—объ раненыхъ не сожалѣютъ; ихъ поздравляютъ, потому что рана есть свидѣтельство исполненнаго долга» (2).

Боевой эпизодъ подъ Курчулъ-ауломъ закончилъ день, и войска спокойно дошли до Хоби-Шавдона. Шамиль также остановился. Онъ не допускалъ мысли, чтобы Евдокимовъ въ три дня покончилъ экспедицію, и объяснилъ переходъ на Хоби-Шавдонъ или необходимостью пополнить запасы и сдать больныхъ, или же военною хитростью, чтобы заставить его самого распустить свое скопище. Онъ перешелъ въ Бачи-Юртъ и еще усерднѣе сталъ сторожить долину Мичика.

Между тѣмъ войска всю ночь поддерживали большіе огни, а за часъ до разсвѣта тихо снялись съ позиціи и форсированнымъ маршемъ пошли къ границамъ Ауха. На пути отрядъ усилился еще третьимъ дивизіономъ Нижегородскаго полка, высланнымъ изъ Чиръ-Юрта, подъ командой подполковника Кишинскаго.

Движеніе Евдокимова было такъ неожиданно, что Аухъ мы заняли прежде, чѣмъ Шамиль, стоявшій на Мичикѣ, узналъ о цѣли нашего движенія. Пользуясь отсутствіемъ обороны, чеченскій отрядъ спокойно прорубилъ широкія просѣки сквозь ауховскіе лѣса и заложилъ въ глубинѣ ихъ укрѣпленіе Кишень-Аухъ, показавшее непріятелю, что мы пришли не временно, какъ приходили прежде, и что ему навсегда должно отказаться отъ этой прекрасной страны. Тогда Шамиль бросился выселять ауховцевъ въ Ичкерію, чтобы оставить намъ пустынную и обезлюденную землю. Но Евдокимовъ смотрѣлъ на это равнодушно и нисколько

ему не препятствовалъ, говоря, что Шамиль дѣйствуетъ въ нашу пользу, очищая страну отъ населенія, которое, оставшись на мѣстѣ, еще долго бы безпокоило наши передовые посты. Къ тому же переселеніе вело за собой нищету, а нищета усиливала ропотъ и озлобленіе противъ Шамиля.

Только разъ 26-го ноября, въ самый день св. Георгія, когда Шамиль съ значительными силами стоялъ около сел. Каме и прикрывалъ послѣдніе переселявшіеся аулы, Евдокимовъ разрѣшилъ атаковать непріятеля. Вся кавалерія, подъ командой полковника Муса-Кундухова, скрытно приблизилась по балкамъ къ расположенію горцевъ—и вдругъ стремительною атакою сбросила ихъ въ крутые овраги. 3-й и 4-й эскадроны Нижегородскаго полка, бывшіе впереди, моментально спѣшились и, спрыгнувъ въ тѣ же овраги, завязали бой въ страшныхъ трущобахъ. Вся остальная кавалерія, попытавшаяся спуститься вслѣдъ за драгунами, наткнулась на такіе обрывы, что вынуждена была повернуть назадъ и поскакала окружною дорогой на Зондакъ. Драгуны, между тѣмъ, быстро подаваясь впередъ, выбили непріятеля изъ его закрытій; но за передовыми партіями стояли главныя силы Шамиля,—и онѣ-то насѣли на драгунъ, какъ только началось отступленіе. Вся тяжесть боя легла на 3-й эскадронъ, который шелъ въ арьергардѣ и, слѣдовательно, былъ ближе къ непріятелю. Дремучій лѣсъ стоналъ отъ перестрѣлки; пули, какъ градъ, стучали о деревья, взрывали землю, крестили воздухъ по всѣмъ направленіямъ. Эскадронъ отступалъ быстро, но въ замѣчательномъ порядкѣ, безъ суеты и замѣшательства: цѣпи смѣнялись цѣпями, резервы поддерживали цѣпи—и въ общемъ выходило то, что непріятель ни разу не имѣлъ случая броситься въ шашки. Чѣмъ ближе подходили, однакоже, къ подъему изъ оврага, тѣмъ положеніе становилось труднѣе и опаснѣе. Дали, наконецъ, знать въ лагерь. Оттуда выдвинули цѣлую батарею, и уже подъ ея прикрытіемъ драгуны выбрались къ своимъ коноводамъ.

Замѣчательно, что въ этомъ жаркомъ бою, гдѣ на одного драгуна приходилось не менѣе 10—15 горцевъ, потери въ эскадронѣ не было. Баронъ Николаи прямо относилъ это обстоятельство къ распорядительности эскадроннаго командира и къ строгому порядку, соблюдаемому при отступленіи. Дѣйствительно, самъ Амилахвари и его офицеры, Сопіенцъ, фонъ-Ферзенъ и юнкеръ Махатадзе, находились въ цѣпи съ послѣдними парами; резервомъ распоряжался старшій вахмистръ Мирошниковъ, старый ветеранъ, отъ зоркаго глаза котораго не укрывался ни одинъ сол-

датъ,—и его вліянію на молодыхъ людей, впервые находившихся въ лѣсной передѣлкѣ, много были обязаны успѣшному окончанію этого труднаго дѣла. Баронъ Николаи исходатайствовалъ ему знакъ отличія Военнаго ордена 2-й степени (3); но, къ сожалѣнію, эта награда не застала Мирошникова въ живыхъ: онъ былъ убитъ въ слѣдующемъ году подъ Ачхоемъ, и золотой крестъ получился тогда, когда надъ его могилой стоялъ уже другой крестъ—деревянный...

На слѣдующій день Нижегородцы справили свой полковой праздникъ въ Кишень-Аухѣ; а затѣмъ провели еще нѣсколько дней къ ряду въ безпрерывныхъ движеніяхъ, помогая Шамилю жечь и истреблять аулы, которые не успѣвали уничтожать мюриды. Замѣчательно, что оба враждебныя лагеря настойчиво преслѣдовали однѣ и тѣ же цѣли.

Послѣднимъ актомъ ауховской экспедиціи было движеніе 2-го дивизіона, въ колоннѣ генералъ-маіора Кемферта, къ Зондаку съ тѣмъ, чтобы отрѣзать выходъ Шамилю изъ Ауха. Къ сожалѣнію, отрядъ прибылъ поздно, и хотя захватилъ въ Зондакѣ хвостъ непріятельской конницы, но Шамиль уже проѣхалъ въ Ичкерію.

Съ постройкой укрѣпленія въ Кишень-Аухѣ задача отряда была исполнена, и войска 6-го декабря возвратились въ Чечню, чтобы, не теряя времени, покончить съ послѣднимъ остаткомъ немирнаго населенія, еще гнѣздившимся въ верховьяхъ Хулхулау. Появленіе нашихъ войскъ въ этой мѣстности, затопленной болотами и заросшей сплошнымъ орѣшникомъ, было такъ неожиданно, что населеніе, захваченное врасплохъ, должно было избрать одно изъ двухъ—или покориться, или быть истребленнымъ. Оно избрало первое; но въ ту минуту, когда вопросъ уже рѣшался мирнымъ путемъ, вдругъ поднялась тревога. Вся кавалерія съ конными орудіями поскакала къ Цоинъ-Ирзау, гдѣ появились мюриды съ цѣлью заставить жителей выселиться въ горы. Первая граната, упавшая среди аула, заставила мюридовъ бѣжать, и драгуны заняли деревню. Всѣ улицы и площадь были запружены арбами съ наложеннымъ имуществомъ, и кавалерія цѣлую ночь выпроваживала эти обозы, направляя ихъ къ нашему отряду.

На слѣдующій день войска двинулись дальше въ Хозы-шавдонскій округъ и вступили въ такую пересѣченную мѣстность, что кавалерія не могла уже слѣдовать за пѣхотой и должна была остановиться. Въ эти трущобы никогда до тѣхъ поръ не появлялось русское войско, и объ

нихъ извѣстно было только по наслышкѣ. Нужно ли было вести кавалерію въ этотъ лабиринтъ непроходимыхъ для нея тѣснинъ и овраговъ?—это вопросъ для насъ посторонній. Но нельзя не отмѣтить, что въ эту экспедицію драгуны навлекли на себя тяжелое и незаслуженное обвиненіе со стороны Евдокимова въ самовольныхъ отлучкахъ и мародерствѣ. Подобныхъ случаевъ въ отрядѣ, дѣйствительно, было не мало, но именно драгуны-то къ нимъ и не были причастны. Въ этомъ отношеніи они нашли себѣ энергическаго заступника въ лицѣ начальника кавалеріи полковника Мусы-Кундухова, съумѣвшаго доказать категорически, что ни одинъ драгунъ не отлучался изъ лагеря, а что, напротивъ, былъ случай, когда вызванные имъ по тревогѣ 3-й и 6-й эскадроны проскакали съ десятокъ верстъ, чтобы выручить пѣхотныхъ солдатъ, захваченныхъ горцами на грабежѣ въ одномъ изъ покинутыхъ ауловъ. Впослѣдствіи, когда эскадроны, подъ общей командой князя Чавчавадзе, возвратились въ Грозную, Муса-Кундуховъ благодарилъ ихъ именно за образцовый порядокъ, которымъ они выдѣлялись отъ остальныхъ частей отряда. Въ Грозной Кундуховъ простился съ драгунами, оставивъ послѣ себя память храбраго, внимательнаго и заботливаго начальника ([4]).

Какъ не вспомнить здѣсь трагическую судьбу этого, въ своемъ родѣ замѣчательнаго человѣка! Прошло 20 лѣтъ послѣ чеченскихъ экспедицій, и тотъ же князь Чавчавадзе, и тѣ же Нижегородцы снова встрѣтились съ своимъ старымъ начальникомъ въ Бегли-Ахматѣ,—но уже при какихъ печальныхъ для него обстоятельствахъ! Какъ не задуматься надъ тѣми странными встрѣчами, какія подчасъ устраиваетъ намъ судьба? Правду сказалъ одинъ мыслитель девятнадцатаго вѣка: «жизнь скорѣе походитъ на романъ, чѣмъ романъ на жизнь».

Но возвратимся къ прерванному разсказу.

Въ то время, какъ русская пѣхота пошла разорятъ послѣднія гнѣзда непокорныхъ Чеченцевъ, встревоженные наибы писали Шамилю: «Чечня горитъ,—приходи тушить ее!» Но не таковъ былъ пожаръ, чтобы его можно было потушить средствами имама. Въ три дня экспедиція была покончена. Три дня изъ этихъ трущобъ тянулись мимо драгунъ караваны переселявшихся жителей, и по мѣрѣ того, какъ пустѣли аулы, войска сжигали ихъ до основанія. Болѣе 2000 семействъ перешло въ наши предѣлы,—и 18-ть лѣтъ кровавой борьбы завершилось наконецъ полнымъ покореніемъ чеченской плоскости.

Теперь войскамъ предстояло покорить нагорную область,—но это составляло уже задачу 2-го періода зимнихъ дѣйствій. 14-го декабря войска возвратились на линію, и драгуны на короткій отдыхъ расположились по-дивизіонно: 3-й,—въ крѣпости Грозной, а 2-й—въ Алханъ-юртовской станицѣ.

Приближались рождественскіе праздники, и драгуны задумали устроить большую охоту вмѣстѣ съ казаками на дикихъ кабановъ и медвѣдей, водившихся во множествѣ въ лѣсахъ, окружавшихъ станицу. Вечеромъ 21-го числа, когда почти всѣ офицеры 2-го дивизіона собрались у станичнаго начальника, чтобы сдѣлать послѣднія распоряженія,—вдругъ, гдѣ-то не вдалекѣ отъ квартиры, грянулъ одинокій выстрѣлъ. Въ то безпокойное время выстрѣлъ обыкновенно служилъ сигналомъ тревоги и поднималъ на ноги всѣхъ. Съ разныхъ сторонъ сбѣжались и теперь драгуны, казаки, женщины — и глазамъ всѣхъ представился трупъ молодого человѣка, лежащій на крыльцѣ съ раздробленнымъ черепомъ. Это былъ юнкеръ 3-го эскадрона князь Авалдовъ, жившій какъ разъ напротивъ станичнаго начальника вмѣстѣ съ своимъ дядей поручикомъ Вахваховымъ. Случилось крайне прискорбное происшествіе; но это происшествіе имѣло въ своемъ основаніи такія характерныя бытовыя черты, что о немъ нельзя не сказать нѣсколько подробнѣе.

Авалдовъ былъ юноша веселый, симпатичный, но крайне безалаберный, незнавшій цѣны деньгамъ, и потому нуждавшійся въ нихъ постоянно. Въ одну изъ такихъ безденежныхъ минутъ, когда у него появилось желаніе во что бы то ни стало посѣтить крѣпость Грозную, онъ продалъ старинный пистолетъ, подаренный ему однимъ изъ его дальнихъ родственниковъ. По обычаямъ и понятіямъ грузинъ, еще смотрѣвшихъ тогда на фамильное оружіе, какъ на священную реликвію, поступокъ этотъ былъ предосудителенъ. Вахваховъ сдѣлалъ замѣчаніе, а можетъ быть и нѣсколько горькихъ упрековъ своему племяннику за нарушеніе отцовскихъ завѣтовъ, а это такъ поразило самолюбиваго юношу, что онъ, не сказавъ ни слова, вышелъ на крыльцо,—и въ ту же минуту застрѣлился. Когда подняли трупъ, въ его рукѣ оказалась записка: «я убилъ себя, потому что того былъ достоинъ».

Глухой ропотъ прошелъ по толпѣ казаковъ, когда они узнали, что передъ ними трупъ самоубійцы. Событіе для нихъ было не совсѣмъ обыкновенное. Казаки прежде всего были староверы, а староверы счи-

Эпизодъ изъ дѣла 20 мая 1858 года.

таютъ тѣло самоубійцы предметомъ не чистымъ, способнымъ навлечь несчастіе на все, что его окружаетъ. Князю Амилахвари съ трудомъ удалось уговорить священника совершить панихиду; но ее служили въ домѣ съ закрытыми наглухо ставнями. Казаки смотрѣли косо и сторонились отъ печальной процессіи, когда на слѣдующій день драгуны выносили гробъ бѣднаго юноши за станичныя ворота. Какая это была печальная картина! Священника не было, церковь стояла замкнутая огромнымъ висячимъ замкомъ (5). Невольно приходило на память:

И пришлось намъ нежданно, негаданно
Хоронить молодого стрѣлка
Безъ церковнаго пѣнія, безъ ладана,
Безъ всего, чѣмъ могила крѣпка...

Похоронили его въ чистомъ полѣ, далеко отъ станичнаго кладбища, а черезъ нѣсколько дней 2-й дивизіонъ покинулъ Алханъ-Юртъ и возвратился въ свою штабъ-квартиру. На смѣну его въ Чеченскій отрядъ прибылъ 1-й дивизіонъ полковника Барковскаго.

Кампанія 1858 года должна была начаться прорывомъ въ Аргунское ущелье. Овладѣніе этою тѣсниною всегда считалось предпріятіемъ почти эфемернымъ, но Евдокимовъ прибѣгнулъ къ своей обычной сноровкѣ—отвлекъ непріятеля въ противную сторону, и овладѣлъ ущельемъ съ потерею одного убитымъ и шести человѣкъ ранеными.

Мы не описываемъ этого блестящаго боя, потому что драгуны въ немъ не участвовали и присоединились къ отряду только тогда, когда пѣхота стояла уже лагеремъ при самомъ сліяніи Шаро и Чанты-Аргуна. Стоянка была довольно тревожная. Каждый день, какъ только сумерки ложились на землю, непріятель вывозилъ свою артиллерію и стрѣлялъ изъ-за рѣки по нашему лагерю. Это всѣмъ такъ надоѣло, что Евдокимовъ рѣшилъ наконецъ заставить непріятеля покинуть ущелье, и 5-го февраля повелъ войска вверхъ по Шаро-Аргуну. Четыре эскадрона драгунъ, посланные впередъ, захватили переправу, и подъ ихъ прикрытіемъ пѣхота перешла на противоположный берегъ. Но непріятель уже отступилъ. Все теченіе Шаро-Аргуна теперь осталось въ нашихъ рукахъ, и Евдокимовъ тотчасъ заложилъ на немъ укрѣпленіе, послужившее первымъ этапомъ къ завоеванію горъ; пѣхота приступила къ работамъ, а драгуны отправлены были назадъ для прикрытія плоскости.

Наступилъ апрѣль мѣсяцъ. Въ Чеченъ-аулъ, гдѣ стояли драгуны, пришелъ изъ Чиръ-Юрта опять 2-й дивизiонъ и смѣнилъ 3-й, который отправился на отдыхъ. Уходившiе домой эскадроны покидали отрядъ безъ особаго сожалѣнiя, потому что война переносилась уже въ самыя горы, а въ горахъ кавалерiи дѣлать было нечего. Но въ этихъ расчетахъ ошиблись всѣ, не исключая даже самого Евдокимова.

Съ половины апрѣля стали ходить слухи о намѣренiи Шамиля спуститься съ горъ, чтобы вернуть отпавшее отъ него населенiе. Эти слухи повторялись съ такою настойчивостью, что Евдокимовъ для прикрытiя Малой Чечни приказалъ войскамъ занять все теченiе Аргуна отъ Воздвиженскаго укрѣпленiя до Сунжи. Драгуны, вмѣстѣ съ тремя батальонами Виленскаго полка и двумя казачьими сотнями, расположились подъ командою полковника Алтухова у Бердыкеля. Отсюда кавалерiйскiй лагерь былъ выдвинутъ впередъ, и дежурный эскадронъ или сотня поочередно занимали лѣсистую высоту Гойтенъ-Юртъ, откуда видна была вся Большая Чечня. Непрiятель, дѣйствительно, собирался въ горахъ, и по ночамъ рядъ дальнихъ огней обозначалъ его становища. Днемъ небольшiе дымки, поднимавшiеся надъ лѣсомъ вблизи подгорныхъ ауловъ, также обнаруживали и въ нихъ присутствiе многочисленныхъ партiй. Къ нашему лагерю непрiятель близко не подходилъ, но канонада часто слышалась къ сторонѣ Шалинскаго или къ Тепли-Кичу. Съ Гойтенъ-Юрта хорошо были видны оба укрѣпленiя, и можно было слѣдить даже за тѣмъ, какъ изъ темныхъ силуэтовъ башенъ вдругъ вырывался клубъ чернаго дыма, и Сунжа доносила къ намъ гулъ отдаленнаго выстрѣла. Сперва къ такимъ канонадамъ прислушивались съ нѣкоторой тревогой, но потомъ привыкли и стали относиться равнодушно.

Однажды, въ знойный майскiй день, когда солнце пекло невыносимо, дежурная казачья сотня, поднявшись на Гойтенъ-Юртъ, разбила себѣ шалаши и углеглась подъ ихъ прохладною тѣнью, а чеченцы. тѣмъ временемъ подкрались опушкою лѣса, и вдругъ, кинувшись на полусонный пикетъ, захватили его врасплохъ. По тревогѣ оба дивизiона драгунъ въ карьеръ понеслись на перерѣзъ, чтобы не дать непрiятелю уйти за Джалку; но чеченцы уже перескочили рѣчку, и занявъ на берегу старое кладбище, открыли ружейный огонь. Изъ лагеря подошли еще три батальона. Драгуны рванулись было за Джалку, но ихъ остановили—начальникъ отряда имѣлъ строгое приказанiе ни на шагъ не отходить отъ

Аргуна. Впослѣдствіи узнали, что нападеніе и сдѣлано было съ тою цѣлью, чтобы заманить насъ въ засаду (6).

Другая тревога случилась 20-го мая. Дежурная часть была опять отъ казаковъ, и опять день выдался такой жаркій, что даже густая листва сосѣднихъ лѣсовъ какъ-то поблекла и опустилась. На обширныхъ поляхъ, въ виду Гойтенъ-Юрта, ходили огромныя стада и табуны, принадлежавшіе мирнымъ ауламъ. Картина представляла собою въ полномъ смыслѣ слова сельскую идиллію. Даже кавалерійскій лагерь, съ утра разукрашенный и убранный, глядѣлъ какъ-то празднично. Несмотря на зной, въ немъ было шумно и весело: 4-й эскадронъ Нижегородцевъ справлялъ свой эскадронный праздникъ.

Въ самомъ разгарѣ обѣда, вдругъ съ предмостнаго укрѣпленія грянуло орудіе, и въ лагерѣ затрубили тревогу: прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ, что партія чеченцевъ захватила весь жительскій скотъ и гонитъ его за Джалку. Съ предмостнаго укрѣпленія партію замѣтили ранѣе, чѣмъ съ Гойтенъ-Юрта, и пѣхота выступила уже изъ Бердыкеля. Драгунскія лошади были разсѣдланы. Князь Амилахвари крикнулъ 3-му эскадрону: «Садись на попонки!» и, не ожидая остальныхъ эскадроновъ, выскочилъ въ поле. Драгуны въ однѣхъ рубашкахъ, съ перекинутыми только ружьями и шашками, скакали безъ сѣделъ, иные безъ попонъ, и даже на недоуздкахъ—и настигли непріятеля; опоздай они только минуту—и горцы вогнали бы стадо въ опушку лѣса. Когда подоспѣли остальные эскадроны, скотъ уже былъ отбитъ и возвращенъ на пастьбу. Вся честь этого поистинѣ молодецкаго дѣла принадлежала 3-му эскадрону (7).

Подобныя тревоги сами по себѣ, конечно, ничего не могли измѣнить въ общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій, но онѣ служили только прологомъ къ такому событію, которое чуть-чуть не дало совсѣмъ другого оборота нашимъ дѣламъ на Кавказѣ: въ Назрановскомъ обществѣ случилось возмущеніе, принявшее такіе размѣры, что можно было серьезно опасаться за пожаръ сосѣднихъ земель Кабарды и Осетіи. Весь Владикавказскій округъ пришелъ въ движеніе. Шамиль, внимательно слѣдившій за ходомъ тогдашнихъ событій, прислушивавшійся такъ чутко къ каждому біенію народнаго пульса, подмѣтилъ это волненіе умовъ и поспѣшилъ воспользоваться имъ, какъ средствомъ поднять народное возстаніе въ нашемъ тылу. Обстоятельства складывались для насъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ. Къ счастію, мятежъ задавленъ былъ прежде, чѣмъ Шамиль спустился

на плоскость, и колонна полковника Алтухова, уже двигавшаяся къ Назрану, была остановлена на Фортангѣ около Ачхоя. Сюда 29-го мая прибылъ самъ Евдокимовъ, и въ войскахъ пронесся слухъ, что пойдутъ уже не къ Назрану, а къ Галашевцамъ, чтобы удержать ихъ отъ соединенія съ Шамилемъ.

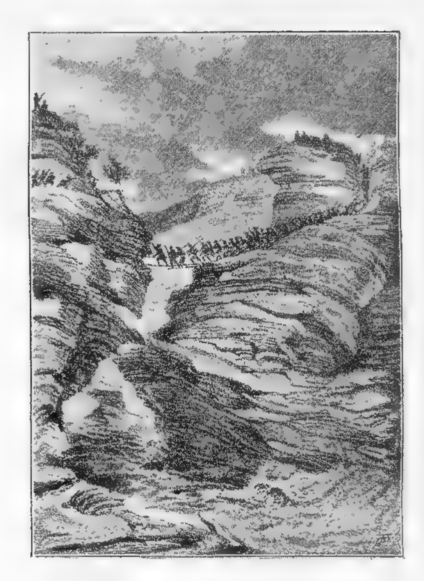
Ночь на 30-е мая осталась въ памяти Нижегородцевъ однимъ эпизодомъ, который даже среди кавказской войны представлялъ собою явленіе, вполнѣ выдающееся по дерзости, съ какою было совершено преступленіе. Ночью, когда все спало, два чеченца прокрались въ драгунскій лагерь и случайно наткнулись на офицерскую палатку, въ которой жили поручикъ Ушаковъ и два брата Моралины. Младшій Моралинъ, юноша атлетическаго сложенія, первый услыхалъ какой-то подозрительный шорохъ, и, выйдя изъ палатки, увидѣлъ двухъ азіятцевъ, которые отвязывали отъ коновязи его верховую лошадь. Въ отвѣтъ на его окрикъ, почти въ упоръ грянулъ пистолетный выстрѣлъ, и Моралинъ, на порогѣ своей собственной палатки, былъ раненъ пулею въ грудь. Весь лагерь поднялся на ноги—и все-таки чеченцевъ не поймали: ночь была темная, а кругомъ густой, невылазный бурьянъ.

Когда вслѣдъ за выстрѣломъ полковникъ Барковскій выскочилъ изъ палатки, Моралинъ стоялъ еще на ногахъ и передавалъ товарищамъ подробности происшествія. Барковскій, какъ бывшій студентъ, нѣсколько мараковавшій въ медицинѣ, осмотрѣлъ рану и нашелъ, что пуля къ счастію не задѣла легкихъ. Онъ самъ сдѣлалъ перевязку, а утромъ Моралина отправили въ Ассинскую станицу на попеченіе туземнаго медика. Благодаря крѣпкому сложенію, Моралинъ скоро поднялся на ноги, но медикъ предупредилъ его, что свойство раны требуетъ самаго акуратнаго и воздержаннаго образа жизни. Молодой, полный жизненныхъ силъ, Моралинъ пренебрегъ этимъ совѣтомъ, рана раскрылась и приняла безусловно смертельный характеръ. 10-го сентября онъ умеръ, а 12-го—печальные звуки похороннаго марша впервые огласили Чиръ-Юртъ по возвращеніи драгунъ изъ Азіятской Турціи ([8]).

На другой день, послѣ описаннаго нами происшествія, 30-го мая отрядъ перешелъ къ Нестеровскому укрѣпленію, за которымъ начиналась земля Галашевцевъ. Здѣсь оставили весь колесный обозъ и приготовились слѣдовать дальше на вьюкахъ. Но вслѣдъ затѣмъ колонна Алтухова получила новое приказаніе итти назадъ, и какъ можно скорѣе занять Ассинскую станицу.

Станицу застали въ большой тревогѣ. Тамъ уже знали, что Шамиль съ значительными силами идетъ въ Малую Чечню, и что всѣ галашевцы и карабулаки толпами пристаютъ къ его скопищу. Назрановцы опять зашевелились. Вся Малая Чечня стояла на угольяхъ. Войска, занимавшія Аргунскую линію, теперь перемѣнили фронтъ и стали лицомъ къ Нагорной Чечнѣ, закрывая собою новыя поселенія чеченцевъ. Наступилъ моментъ страшно критическій, отъ котораго зависѣла быть можетъ участь цѣлой кампаніи. Если бы Шамилю удалось прорваться сквозь наши отряды, мы очутились бы среди народнаго возстанія въ томъ же положеніи, въ какомъ находились въ сороковыхъ годахъ.

Какъ разъ въ это тревожное время, 6-го іюня, 1-й дивизіонъ Нижегородскаго полка неожиданно былъ вызванъ въ Чиръ-Юртъ, а на смѣну его въ Ассинскую станицу въ тотъ же день прибылъ полковникъ Никорица со 2-мъ дивизіономъ Сѣверцевъ. Что произошло отъ этого—мы скажемъ впослѣдствіи, а теперь будемъ продолжать разсказъ о томъ, что дѣлалось въ Ассинской станицѣ.

Переходъ въ Нагорной Чечнѣ.

Ачхоевскій бой.

X.
Кавалерійскій бой подъ Ачхоемъ.
(1858 г.).

На позиціи передъ ущельемъ Нэтхоя.—«Шамиль идетъ».—Выступленіе отряда.—Что видѣли драгуны на пути къ Ачхою.—Нижегородцы одни передъ цѣлымъ скопищемъ Шамиля.—Жестокій кавалерійскій бой на полянѣ.—Смерть Мирошникова.—Зловѣщій сигналъ отступленія.—Князь Амилахвари передъ фронтомъ 4-го эскадрона.—Новый кавалерійскій бой и пораженіе горцевъ.—Унтеръ-офицеръ Шиловъ.—Помощь, поданная драгунамъ.—Разсѣявшіяся мечты Ачхоя и Гази-юрта.—Ночь послѣ побѣды.—Незаслуженный упрекъ Евдокимова.—Письмо Алтухова.—Приказъ князя Дондукова.—Заключеніе.

8-го іюня въ Ассинской станицѣ получены были достовѣрные свѣдѣнія, что Шамиль прошелъ уже черезъ Шатоевское общество, и что его отдѣляетъ отъ насъ только одинъ перевалъ. Гдѣ онъ выйдетъ на плоскость—этого никто не зналъ, но лазутчики указывали на ущелья

Фортанги или Нэтхоя. Сообразно этимъ свѣдѣніямъ Алтуховъ со всѣмъ отрядомъ вечеромъ перешелъ къ Ачхою, а на слѣдующій день, 9-го іюня, еще подвинулся впередъ и сталъ на рѣчкѣ Нэтхое, гдѣ былъ когда-то большой аулъ, развалины котораго и теперь видны еще на высокомъ берегу рѣки. Мѣсто было глухое, дикое, съ поразительно-колоссальною растительностью. Чтобы разбить палатки и выдвинуть артиллерію, нужно было сначала выкосить густую траву, которая была въ ростъ пѣхотинца (').

Едва солдаты успѣли отобѣдать, какъ увидѣли скакавшаго въ лагерь всадника. Это былъ Алико, старшина Гази-юртовскаго аула, лежавшаго на Фортангѣ, нѣсколько южнѣе Ачхоя. Онъ еще издали махалъ рукой по направленію къ горамъ, и ломаннымъ русскимъ языкомъ кричалъ: «Шамиль сичасъ идеть!» Алтуховъ приказалъ сдѣлать два пушечные выстрѣла, чтобы извѣстить сосѣдніе отряды, стоявшие на Сунжѣ и въ Урусъ-Мартанѣ, а между тѣмъ приказалъ ударить подъемъ. Пока пѣхота становилась въ ружье и вытягивалась съ обозомъ на большую дорогу, кавалерія получила приказаніе итти впередъ и занять переправу черезъ Фортангу.

Между двумя рѣками Нэтхоемъ и Фортангой протянулась обширная ачхоевская поляна; направо видны лѣса, закрывавшіе Сунжу, налѣво—поляна окаймлялась темною грядою черныхъ горъ, съ ихъ вѣковыми дебрями и мрачными ущельями рѣкъ. Надъ незабвеннымъ днемъ 9-го іюня, готовившаго въ своей таинственной урнѣ блестящій жребій Нижегородскому полку—стояло знойное іюньское солнце. Душный, раскаленный воздухъ напоминалъ высокую температуру тропиковъ; живописные ландшафты вправо и влѣво были задернуты полупрозрачною синеватою мглой, которая чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе сгущалась, и темною завѣсой закрывала крайніе предѣлы горизонта.

Былъ первый часъ дня. Изъ лагеря подъ начальствомъ полковника Никорицы выступила небольшая кавалерійская колонна, въ общей сложности не болѣе четырехсотъ или пятисотъ человѣкъ (*). Впереди—Моздокская сотня; за ней дивизіонъ Нижегородцевъ, потомъ два конныя орудія и, наконецъ, два эскадрона Сѣверцевъ. За болѣзнью князя Чавчавадзе передъ Нижегородскимъ дивизіономъ ѣхалъ штабсъ-капитанъ князь Амилахвари. Солнце яркими снопами свѣта заливало поляну, и

(*) Драгуны были въ девяти-рядномъ составѣ.

подъ его лучами бѣлые кителя и бѣлыя фуражки драгунъ придавали праздничный видъ нашей кавалеріи. Оставивъ въ сторонѣ большую ассинскую дорогу, колонна направилась кратчайшимъ путемъ къ Гази-юрту.

Влѣво, верстахъ въ двухъ съ половиною, и почти параллельно съ нею двигалась другая кавалерія. Она не отличалась ни стройностью первой, ни мѣрнымъ кадансомъ ея аллюра; но она была по меньшей мѣрѣ въ пятнадцать разъ ея многочисленнѣе. Въ то самое время, когда выступала изъ лагеря колонна Никорицы, у темнаго входа въ скалистое ущелье рѣчки Нэтхоя показались передніе всадники. Растянувшись по трущобамъ и обрывистымъ тропамъ Черныхъ горъ, эти всадники вскачь переносились черезъ лѣсъ по одному, по два, по три, потомъ смыкались и выходили на равнину. Сквозь дымку мглы, окутавшей подгорья, какъ молнія сквозь тучи, сверкали ихъ ружья; между деревьями мелькали красивые значки—бѣлые, огненные, оранжевые. Число непріятеля росло въ ужасающей прогрессіи, и скоро вся грозная сила Шамиля, передъ которой русская кавалерія казалась ничтожною горстью, выдвинулась на плоскость. Она направлялась также къ Гази-юрту. Обѣ колонны шли шагомъ. Было что-то невыразимо-величественное въ этомъ медленномъ движеніи двухъ враждебныхъ сторонъ къ одному и тому же пункту, гдѣ встрѣча ихъ была неизбѣжна. Но что произойдетъ при этой встрѣчѣ— объ этомъ страшно даже было подумать! На сторонѣ одного противника была сила, грубая, стихійная, которая, казалось, должна была все сокрушить; у другого также имѣлась сила,—но только скрытая, нравственная, въ основѣ которой лежалъ историческій девизъ русскаго человѣка: «ляжемъ костьми, мертвіи бо срама не имутъ». Алико, старшина Гази-юрта, подъ стѣнами котораго должна была рѣшиться судьба одного изъ этихъ противниковъ, торопилъ Амилахвари. «Бога ради», говорилъ онъ, «иди скорѣе. Если Шамиль займетъ аулъ прежде насъ—жители примутъ его сторону, и Малая Чечня поднимется, какъ одинъ человѣкъ: она только ждетъ сигнала». Амилахвари передалъ слова старшины колонному начальнику. «Ну, что жь», сказалъ полковникъ Никорица, «идите, я останусь при своемъ дивизіонѣ и буду сообразоваться съ вами» ([2]). Нижегородцы тронулись рысью, и скрылись въ густыхъ облакахъ поднятой пыли. Впереди Нижегородцевъ скакала Моздокская казачья сотня.

Вотъ уже и крайнія сакли Ачхоя. Проходя мимо, драгуны видѣли во дворахъ множество осѣдланныхъ лошадей, а жители стояли на кры-

шахъ въ полномъ вооруженіи и провожали насъ весьма выразительными взглядами. Не трудно было предвидѣть, что при малѣйшей неудачѣ вся мирная Чечня изъ-за Сунжи нагрянетъ на насъ съ тыла.

За Ачхоемъ дороги, по которымъ двигались противники, сначала параллельныя, замѣтно начинаютъ сближаться. Влѣво отъ той, по которой шелъ Амилахвари, разбросаны тѣнистыя группы деревьевъ, образовавшихъ цѣлую рощу. За нею, подобно мачтамъ кораблей, показываются высокіе шесты съ цвѣтными флагами красиваго гази-юртовскаго кладбища, а еще далѣе—стоитъ и самый аулъ Гази-юртъ. По ту сторону рощи движутся густыя толпы непріятеля, и среди нихъ колышится зеленый значекъ Шамиля. На однообразномъ фонѣ черныхъ, коричневыхъ и желтыхъ черкесокъ, живописно выдѣляются бѣлыя чалмы мюридовъ. Быстро надвигается рѣшительная минута встрѣчи. Вотъ уже передовая партія, человѣкъ въ 300—400, отдѣлившись отъ главнаго скопища, вскачь перерѣзала драгунамъ дорогу и начинаетъ огибать ихъ съ фланга.—«Есаулъ Усачевъ», отдаетъ на ходу приказаніе князь Амилахвари, «не давайте имъ заскакать намъ въ тылъ!» Сотня перемѣняетъ фронтъ въ ту сторону, а дивизіонъ, подавшись правымъ плечомъ на встрѣчу главныхъ силъ Шамиля,—быстро развертывается подъ угломъ къ Гази-юрту ([3]).

Но еще не окончилось это построеніе, какъ новыя сильныя партіи, далеко протянувшіяся впередъ по чертѣ движенія непріятеля, вдругъ повернули на Гази-юртъ и, обскакавъ 3-й эскадронъ, плотною стѣной стали между нимъ и ауломъ. Мы обойдены съ трехъ сторонъ; въ тылу также гремитъ перестрѣлка: это казаки, не надѣясь устоять въ конномъ строю, спѣшились и отбиваются ружейными залпами. Положеніе князя Амилахвари становится отчаяннымъ. И вотъ тогда-то начинаются тѣ безпримѣрныя въ кавказской войнѣ кавалерійскія атаки, которымъ, по прошествіи длиннаго ряда лѣтъ, съ трудомъ вѣрятъ даже сами очевидцы. По знаку Амилахвари, быстрѣе чѣмъ можно написать эти строки, 3-й эскадронъ дѣлаетъ заѣздъ лѣвымъ плечомъ въ карьеръ, и, не обращая уже вниманія на главное скопище, кидается и опрокидываетъ тѣхъ, что̀ обошли его съ фланга. Отсюда князь Амилахвари несется на помощь къ казакамъ. Нечаянность, быстрота, видъ несущагося стѣною эскадрона,—все производитъ панику, и мѣстность передъ ауломъ мгновенно очищается. На долго ли?—этимъ вопросомъ заниматься было некогда: минута наступила рѣшительная.

Мюридъ съ наибскимъ значкомъ (съ рисунка Горшельдта).

Очевидцы и участники кавалерійскаго боя разсказываютъ, что Амилахвари едва-едва успѣлъ пристроиться къ 4-му эскадрону, какъ вся масса непріятельской конницы повернула во фронтъ и съ гикомъ ринулась на горсть нашей кавалеріи. Впереди неслись значки—одни красные, какъ пламя, другіе бѣлые, какъ лиліи. Атака горцевъ начата была блистательно. Земля загудѣла отъ топота тысячи копытъ; пронзительное гиканіе слышно было даже идущей далеко позади пѣхотѣ. Нижегородцы съ шашками на-голо понеслись на встрѣчу непріятеля.

Такого кавалерійскаго боя еще никогда не бывало на Кавказѣ. Драгуны врѣзались въ самую середину скопища и буквально въ немъ затонули. Ихъ бѣлые кителя только кое-гдѣ мелькали въ темной обступившей ихъ массѣ. «Драгуны погибли», подумалъ бы зритель,—если бы могъ только находиться въ эти минуты зритель въ сторонѣ отъ побоища. Но они не погибли. Ударомъ рослыхъ, массивныхъ лошадей драгуны, какъ сказочные богатыри, сбивали маленькихъ дагестанскихъ коней и прокладывали себѣ дорогу направо и налѣво. Боевые клики смолкли; слышно было только, какъ шашки, звеня, ударялись о шашки, какъ прогремитъ гдѣ-гдѣ одинокій пистолетный выстрѣлъ, или пронесется въ воздухѣ слабый стонъ умирающаго... Вотъ упалъ командиръ 3-го эскадрона поручикъ Вахваховъ, въ упоръ раненный пистолетною пулей въ плечо; упалъ Порожниченко—младшій вахмистръ 3-го эскадрона, сраженный пулею въ сердце; убитъ рядовой Пантелѣевъ, буквально перерубленный пополамъ ударомъ какого-нибудь «волчка» или «гурды». За нимъ падаютъ съ коней рядовые: Трояновъ, Бѣловъ, Григорьевъ; еще человѣкъ семь было ранено, но держатся въ сѣдлахъ и не хотятъ покинуть боя.

Съ четверть часа длилась общая свалка. Но вотъ, горцы начинаютъ подаваться назадъ. Не только смять, опрокинуть, но даже отбросить нашу кавалерію имъ не удалось. Они отодвигаются сами на двѣсти-триста шаговъ, останавливаются, и открываютъ съ коней жестокій огонь.

Шамиль уже не въ первый разъ выноситъ убѣжденіе, что не всегда количество доставляетъ побѣду, что бываютъ случаи, когда приходится считаться съ присутствіемъ иной, невидимой, нравственной силы, которою такъ богаты оказались Нижегородцы. Но вѣдь этой силѣ есть же граница, есть предѣлъ, за который она переходить не можетъ. Грубая, стихійная сила въ концѣ концовъ должна побороть ее—и Шамиль двигаетъ новыя толпы, еще не бывшія въ дѣлѣ.

Ачхоевскій бой.

Пока идутъ эти подкрѣпленія, противники стоятъ другъ передъ другомъ, раздѣленные лишь небольшимъ промежуткомъ. Поле между ними, еще недавно такое красивое и зеленое, теперь залито кровью, усѣяно людскими трупами. «Вонъ лежитъ Порожниченко»—слышится шепотъ въ рядахъ, и драгуны порываются взять его тѣло. «Оставить! Поднимете послѣ!» кричитъ Амилахвари. Онъ пользуется минутнымъ перерывомъ боя, чтобы какъ можно скорѣе собрать и устроить свои эскадроны, чтобы пронестись по ихъ рядамъ и одушевить драгунъ новымъ мужествомъ. Только тотъ и можетъ вливать отвагу въ сердца подчиненныхъ, кто самъ отваженъ. Эта истина здѣсь познается на дѣлѣ.

А пули сыплются градомъ. Вотъ пошатнулся въ сѣдлѣ старшій вахмистръ 3-го эскадрона Мирошниковъ, и на бѣломъ кителѣ его показалось маленькое кровавое пятнышко—это рана въ грудь, и безусловно смертельная. Князь Амилахвари приказываетъ его вывести изъ фронта. «Я самъ выѣду», отвѣчаетъ раненый, «теперь каждый человѣкъ дорогъ». Онъ сошелъ съ коня, тихо опустился на землю и, не выпуская повода изъ рукъ, тутъ же скончался. 3-й эскадронъ осиротѣлъ во второй разъ.

«Прапорщикъ Щедринъ, командуйте 3-мъ эскадрономъ!» крикнулъ Амилахвари, и вдругъ упалъ вмѣстѣ съ лошадью. Бѣлый кабардинскій конь его съ перебитою ногою бился на землѣ въ предсмертныхъ судорогахъ. Унтеръ-офицеръ Свиридовъ тотчасъ соскочилъ съ сѣдла и подвелъ свою лошадь. «Людей и такъ мало, садись!» сказалъ ему Амилахвари и приказалъ подать себѣ чью-то заводную офицерскую лошадь.

Все это, разумѣется, было дѣломъ одного мгновенія. Но горцы подмѣтили паденіе всадника на бѣломъ конѣ, и, не видя «русскаго наиба» передъ фронтомъ, двинулись впередъ всею массой. Вотъ-вотъ начнется новая атака. Драгуны не спускали съ нихъ глазъ. Нанести имъ пораженіе они, конечно, не могли. Если бы у непріятеля выбыло изъ строя 400, 500 даже 600 человѣкъ, чего нельзя было предположить,—то у него все-таки остались бы тысячи. Но защитить свою позицію—это было ихъ право, и лишить ихъ этого права было некому.

«Шашки вонъ!» крикнулъ Амилахвари. Но едва сорвалась эта команда, какъ вдругъ произошло нѣчто совершенно неожиданное: гдѣ-то позади фронта, рѣзко, отрывисто, кавалерійская труба прозвучала сигналъ отступленія. Всѣ невольно вздрогнули. Сигналъ между тѣмъ подхваченъ былъ трубачемъ 4-го эскадрона — и въ строю произошло замѣ-

шательство: одни, инстинктивно сознавая опасность отступленія, продолжали стоять, другіе, повинуясь сигналу, стали заворачивать лошадей... Если бы ударъ непріятеля пришелся въ эту минуту—она была бы послѣднею въ жизни 2-го дивизіона Нижегородскаго полка. Участь его висѣла на паутинѣ. Внѣ себя отъ гнѣва подскочилъ Амилахвари къ 4-му эскадрону, вырвалъ изъ рукъ трубача злосчастную трубу и далеко отшвырнулъ ее въ сторону. «Кто смѣетъ трубить отступленіе? Впередъ!» крикнулъ онъ. И драгуны въ третій разъ ринулись на встрѣчу непріятеля.

Какъ разъ въ это время подоспѣла конная артиллерія. Она до сихъ поръ находилась при Сѣверцахъ, имѣвшихъ свое назначеніе въ общемъ ходѣ боя,—и теперь прискакала сюда одна, безъ всякаго прикрытія. Два орудія, съ лихимъ хорунжимъ Золотаревымъ, взнеслись на первый курганъ и обдали непріятеля картечью. Драгуны и Моздокская сотня врѣзались съ фронта. Младшій вахмистръ Шиловъ, здоровый, рослый солдатъ, дорубился до самаго знаменщика, и однимъ взмахомъ шашки перерубилъ и руку горца и древко значка. Падавшее полотнище онъ подхватилъ налету и высоко поднялъ его надъ головой, какъ символъ побѣды. И побѣда, дѣйствительно, была наша. Горцы обратились въ бѣгство. Драгуны и казаки насѣли на бѣгущихъ. Разсказываютъ, что драгуны только и кричали казакамъ не заскакивать впередъ, опасаясь въ горячкѣ преслѣдованія полоснуть по ошибкѣ казака вмѣсто горца.

Отбитый непріятель частью отшатнулся къ лѣсу, но частью засѣлъ на гази-юртовскомъ кладбищѣ,—и изъ-за тѣхъ надгробныхъ камней, подъ которыми почили горскіе витязи, прежде ихъ отстаивавшіе свою родную землю отъ русскаго вторженія—открыли ружейный огонь.

Еще сомнителенъ былъ исходъ этого неравнаго боя. Горцы, три раза опрокинутые, были разстроены, но до окончательнаго пораженія ихъ еще было далеко. У нихъ еще было много свѣжихъ, непочатыхъ силъ, тогда какъ драгуны уже изнемогали отъ усталости. «Духъ бодръ, но плоть немощна»—вотъ что могли бы сказать они на исходѣ рокового дня 9-го іюня. Но въ эту минуту имъ, наконецъ, подали помощь.

Въ полуторѣ или въ двухъ верстахъ отъ мѣста боя на правомъ берегу Фортанги, почти у крайнихъ сакель Ачхоя, расположились вагенбургомъ, выступившіе изъ нэтхоевскаго лагеря, два батальона Виленскаго полка. Они не могли отойти отъ Ачхоя, чтобы не дать возможности жителямъ ударить въ тылъ драгунамъ; но артиллерія отъ нихъ отдѣли-

лась и пошла впередъ одна безъ прикрытія. Русская пословица говоритъ, что лучше поздно, чѣмъ никогда, а потому и появленіе девяти-фунтовыхъ пушекъ, подъ командой капитана Григорьева, пришлоськакъ нельзя болѣе кстати. Они снялись съ передковъ и принялись громить гази-юртовское кладбище. Этотъ живой и страшный огонь имѣлъ рѣшающее значеніе: Шамиль приказалъ отступать, и самъ уѣхалъ съ Ачхоевской поляны, которую онъ видѣлъ въ послѣдній разъ.

Черезъ полчаса подбѣжало нѣсколько ротъ егерей и подошли сѣверскіе драгуны. Въ то время, какъ Нижегородцы рубились съ непріятелемъ, товарищи ихъ по оружію не оставались безъ дѣла. Еще въ то время, какъ князь Амилахвари отдѣлился съ своимъ дивизіономъ, Шамиль отправилъ сильную партію для занятія Ачхоя, которая какъ разъ и встрѣтилась съ Сѣверцами. Здѣсь также произошелъ кавалерійскій бой, и Сѣверцы также захватили одинъ непріятельскій значекъ.

Къ четыремъ часамъ пополудни послѣдніе непріятельскіе всадники скрылись за деревьями дальняго лѣса, и на обнаженной мѣстности между Нэтхоемъ и Фортангой водворилась полная тишина. Егеря, опершись на ружья, вытирали ладонями крупный потъ, катившійся съ ихъ лицъ; драгуны, спѣшившись, молча оправляли лошадей и сбрую. Мирные чеченцы смотрѣли на эту картину изумленными, широко раскрытыми глазами—такъ все это совершилось быстро и неожиданно. Жителямъ Ачхой-Мартана и Гази-юрта пришлось разсѣдлать своихъ лошадей, разрядить винтовки, и навсегда разстаться съ своими несбыточными мечтами. Только теперь явились сосѣдніе отряды съ Урусъ-Мартана и съ Сунжи, поднятые нашими сигнальными выстрѣлами еще на Нэтхоѣ. Но имъ дѣлать уже было нечего, и они вернулись обратно.

Нижегородцы потеряли въ этомъ бою убитыми трехъ человѣкъ; ранены: поручикъ Вахваховъ и 27 нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ трое умерли на самомъ полѣ сраженія; лошадей выбыло 42, и въ томъ числѣ лошадь князя Амилахвари. Трофеемъ 3-го эскадрона былъ значекъ изъ шелковой красной матеріи, съ желтыми коймами.

Вечеромъ прибыли обозы, и лагерь разбили почти на самомъ мѣстѣ битвы, только поближе къ Фортангѣ. Главные виновники этого лихого дѣла молодцы-драгуны прошли на бивуакъ мимо пѣхоты съ пѣснями, не торопясь, въ строгомъ порядкѣ. Впереди развѣвались отбитые значки; сзади вели въ поводу многихъ лошадей; нѣкоторые хромали. «Любо было

смотрѣть—говоритъ одинъ очевидецъ—на храбрыхъ всадниковъ, непривыкшихъ считать непріятеля. До поздней ночи веселились они на своихъ бивуакахъ, пѣли пѣсни, кричали «ура» и выпили всю водку у маркитантовъ, такъ что пѣхотѣ ничего не осталось» ([4]). Но наконецъ улеглись и драгуны; остальные часы темной южной ночи прошли спокойно надъ бивуакомъ побѣдителей.

Князь Амилахвари и прапорщикъ князь Чавчавадзе, командовавшій 4 эскадрономъ, получили золотыя шашки съ надписью «за храбрость»; поручикъ Вахваховъ—орденъ св. Станислава 3 ст., прапорщикъ Щедринъ произведенъ въ поручики, а юнкеръ Мартиновичъ въ прапорщики ([5]). Нижнимъ чинамъ пожаловано девять знаковъ отличія Военнаго ордена ([6]).

Кромѣ того, въ полку имѣлся еще знакъ Отличія Военнаго ордена 2-ой степени, оставшійся послѣ старшаго вахмистра Мирошникова, убитаго въ Ачхоевскомъ дѣлѣ прежде, чѣмъ изъ полка успѣли выслать ему эту почетную награду. Теперь князь Амилахвари ходатайствовалъ о передачѣ этого знака унтеръ-офицеру Свиридову, особенно отличившемуся въ Ачхоевскомъ дѣлѣ и оставшемуся не награжденнымъ. Онъ писалъ, что «эскадронъ, заслужившій такую высокую награду своему старшему вахмистру, будетъ глубоко опечаленъ, если лишится этого креста, какъ памятника другого молодецкаго дѣла». Свиридовъ этого креста не получилъ, и мы приводимъ этотъ фактъ только какъ оригинальную и характерную черту тогдашняго времени ([7]).

Но прежде чѣмъ вышли эти награды, не особенно обильныя, принимая въ расчетъ тѣ результаты, которые были добыты Ачхоевскимъ дѣломъ, и тѣ геройскіе подвиги, которые совершены были въ бою одного противъ 15—20 человѣкъ,—драгунамъ пришлось предварительно пройти еще черезъ тяжелое испытаніе. Получено было предписаніе, въ которомъ генералъ Евдокимовъ выражался рѣзко, что «результаты Ачхоевскаго дѣла могли бы быть полнѣе, если бы у драгунъ было болѣе исправное оружіе». Замѣчаніе это онъ основалъ на показаніи лазутчиковъ, которые видѣли сами болѣе двухсотъ человѣкъ, вернувшихся изъ Ачхоевскаго дѣла съ шашечными ранами. Евдокимовъ поставилъ это въ вину дивизіону, полагая, что эти люди могли быть не только ранены, но изрублены на смерть,—точно и въ самомъ дѣлѣ два-три десятка, даже сотня лишнихъ мертвецовъ могли бы придать болѣе блеска, и безъ того блестящему Ачхоевскому дѣлу. Самый фактъ, что число раненыхъ горцевъ вдвое

превышало почти число участвовавшихъ въ битвѣ драгунъ, казалось уже долженъ бы былъ служить только къ увеличенію ихъ славы, а между тѣмъ имъ сдѣланъ былъ выговоръ, и Евдокимовъ угрожалъ даже прислать особаго офицера, для провѣрки въ полку оружія. Оружіе оставили въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно было въ ачхоевскомъ дѣлѣ, —и, разумѣется, никакого офицера прислано не было (8).

За то памятникомъ блестящаго участія Нижегородцевъ въ бою 9-го іюня остаются два офиціальные документа: одинъ—отзывъ о драгунахъ самого начальника отряда полковника Алтухова, другой—приказъ по полку, отданный княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ.

Алтуховъ съ самаго поля сраженія, слѣдовательно подъ первымъ и самымъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, поспѣшилъ извѣстить объ Ачхоевскомъ дѣлѣ князя Дондукова, конечно, понимая ту нравственную связь, которая лежала между полкомъ и его командиромъ. Вотъ что онъ писалъ ему:

«Находясь во время атаки на мѣстѣ сраженія, я былъ самъ свидѣтелемъ достойной храбрости и особой превосходной распорядительности командующаго 2-мъ дивизіономъ штабсъ-капитана князя Амилахвари. Объ отличномъ подвигѣ дивизіона я считаю обязанностію выставить въ донесеніи своемъ генералу Евдокимову. Мнѣ же, какъ начальнику отряда, остается сохранить признательную благодарность къ храбрымъ подчиненнымъ вашимъ, доставившимъ мнѣ случай оправдать назначеніе моего отряда,—считаю такъ потому, что главный успѣхъ надъ непріятелемъ по справедливости принадлежитъ драгунамъ» (9).

Письмо это не было реляціей или приказомъ главнокомандующаго съ ихъ стереотипною риторикой и офиціальнымъ характеромъ, — это было свидѣтельство лица, для котораго оно не было обязательно, и которое, слѣдовательно, было сердечно и искренно.

Въ тотъ же день былъ отданъ слѣдующій приказъ по полку:

«Благодарю отъ глубины души, отъ имени своего и отъ имени всѣхъ товарищей 2-й дивизіонъ, такъ блистательно поддержавшій честь и вѣковую славу полка. Мнѣ особенно пріятно заплатить дань моего искренняго сочувствія штабсъ-капитану князю Амилахвари, вездѣ и всегда являющему собою примѣръ той смѣлой неустрашимости и распорядительности, которыми онъ успѣлъ пріобрѣсти общее заслуженное уваженіе всего полка. Всѣхъ гг. офицеровъ, участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ, считаю пріятнымъ долгомъ искренно благодарить, а нижнимъ чинамъ, бывшимъ

въ строю, назначаю отъ себя по рублю серебромъ. Душевное спасибо молодцамъ 2-го дивизіона» ([10]).

Ачхоевское дѣло еще разъ показало всю силу традицій, на которыхъ покоится никогда не старѣющійся духъ полка. Отдѣльныя личности, конечно, имѣютъ значеніе: ихъ именами украшаются списки, какъ звѣздами первой величины украшается небо, но первенствующее значеніе все-таки принадлежитъ традиціямъ. Люди рано или поздно сходятъ со сцены, цѣлыя поколѣнія смѣняются,—традиціи остаются: онѣ не умираютъ.

Смерть вахмистра Мирошникова.

Станица Акі-Юртъ.

XI.

Послѣдніе дни командованія князя Дондукова.

(1858 г.).

Послѣ Ачхоевскаго дѣла.—Походъ къ Галашевцамъ и Ингушамъ.—Новое вторженіе Шамиля.—Форсированный маршъ Нижегородскаго дивизіона къ Назрану.—Бой у Акі-Юрта. — Наступившее затишье. — Печальный эпизодъ, послѣдствіемъ котораго является сдача полка княземъ Дондуковымъ.—Переписка его съ Д. А. Милютинымъ.—Путешествіе по Кавказу великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей.—Пріемъ полка графомъ Ностицомъ.—Прощальный приказъ князя Дондукова.—Александръ Дюма посѣщаетъ Чиръ-Юртъ.—Проводы князя.—Воспоминанія, сохранившіяся о внутренней жизни полка въ то время.—Шашка—подарокъ полка князю Дондукову.

Послѣ Ачхоевскаго дѣла отрядъ полковника Алтухова ночевалъ на рѣчкѣ Нэтхое. Поле битвы осталось за нами. Ночь прошла спокойно; а утромъ казачья сотня, ходившая въ Ачхой и Гази-юртъ, пригнала въ лагерь два-три десятка туземныхъ аробъ, на которыхъ размѣстили ране-

ныхъ, сложили тѣла покойниковъ,—и весь этотъ печальный транспортъ, подъ жгучими лучами солнца, двинулся на Сунжу въ станицу Михайловскую. Тамъ раненыхъ помѣстили въ военный госпиталь, а убитыхъ похоронили на станичномъ кладбищѣ. И ежели судьба приведетъ кого-нибудь изъ юныхъ Нижегородцевъ на Сунжу—онъ можетъ быть и не найдетъ теперь этихъ затерянныхъ могилъ, чтобы поклониться праху своихъ славныхъ предмѣстниковъ.

Утомленная боемъ, кавалерія провела весь день на чеку. Шамиль еще былъ въ нэтхоевскихъ лѣсахъ, и колонны, тѣсною сѣтью окружавшія подгорья, вынуждены были стоять наготовѣ. Ночью прискакалъ нарочный съ извѣстіемъ, что Шамиль бросился въ Галашевское общество. Отрядъ тотчасъ снялся съ позиціи и форсированнымъ маршемъ двинулся къ Нестеровскому укрѣпленію.

Въ Нестеровскомъ уже стояла колонна полковника Черткова, и здѣсь же Нижегородцы встрѣтили свой 1-й дивизіонъ, который всѣ полагали въ Чиръ-Юртѣ. Какъ онъ очутился здѣсь—объ этомъ послѣ, а теперь скажемъ, что въ Нестеровскомъ войска остановились только на полъ-часа, чтобы переложить вещи на вьюки, и двинулись дальше, къ галашевцамъ.

Когда подошли къ Августали—большому укрѣпленію, построенному въ видѣ стараго замка, Шамиль уже былъ въ сосѣднихъ горахъ. Простымъ глазомъ можно было слѣдить, какъ конныя партіи, спускаясь съ дальнихъ безлѣсныхъ высотъ, одна за другою тянулись къ Назрану. Поэтому отрядъ послѣ небольшого отдыха двинулся дальше, и 13-го іюня, передъ закатомъ солнца, уже стоялъ на Сунжѣ въ Назрановскомъ округѣ. Ночевали съ увѣренностію, что на слѣдующій день будетъ битва; но за ночь дѣла перемѣнились: Шамиль, предупрежденный быстрымъ сборомъ отряда, ушелъ въ Шатоевское общество, а войска перешли въ Назранъ для наказанія мятежныхъ ингушевцевъ ([1]). Четыре человѣка, главные руководители возстанія, приговорены были къ смертной казни повѣшеніемъ—и казнь должна была совершиться со всею потрясающею церемоніею на томъ самомъ курганѣ, гдѣ происходило народное собраніе, и откуда раздался первый кличъ къ возстанію. Преступниковъ привезли изъ Владикавказа, подъ прикрытіемъ восьми сотенъ линейныхъ казаковъ. Многотысячная толпа, собранная присутствовать при казни, хранила гробовое молчаніе, и во все время обряда не выразила своихъ чувствъ—ни словомъ, ни жестомъ.

Что думали Ингуши — это ихъ дѣло; но войска, стоявшія съ заряженными ружьями, смотрѣли только, чтобы не вспыхнулъ мятежъ, и не произошла попытка освободить осужденныхъ, о чемъ ходили темные слухи. Однакоже все обошлось благополучно, и на другой день отрядъ отпущенъ былъ на линію. Драгуны расположились опять у Бердыкеля.

Безпрерывныя попытки Шамиля поднять народное возстаніе въ Чечнѣ или среди Ингушей ни на одинъ день не замедлили выполненія общей программы, начертанной главнокомандующимъ чеченскому отряду. Въ то время, какъ драгуны стояли на Аргунѣ, главныя силы генерала Евдокимова вступили въ Черныя горы и начали пролагать себѣ путь въ Шатоевское общество. Шамиль хорошо сознавалъ безвыходность своего положенія и рѣшился въ третій разъ сдѣлать отчаянную попытку прорваться въ Малую Чечню, разсчитывая, что русскіе, отвлеченные въ противную сторону, теперь не успѣютъ перерадить ему дорогу.

Вечеромъ 28-го іюля, когда драгуны только что вернулись въ лагерь изъ Шалинскаго укрѣпленія, откуда перевозили на своихъ лошадяхъ больныхъ солдатъ,—полковникъ Алтуховъ получилъ неожиданное извѣстіе о новомъ вторженіи Шамиля —и опять въ Назрановскій округъ. Генералъ Мищенко требовалъ къ себѣ кавалерію. Драгуны, не успѣвшіе даже поужинать, голодные, и на усталыхъ лошадяхъ, тотчасъ выступили форсированнымъ маршемъ и, сдѣлавъ менѣе чѣмъ въ сутки 80 верстъ, явились подъ Назраномъ. На слѣдующій день, 30-го іюля, произошла битва близъ Акі-юрта. Картина этой битвы была весьма несложна. Какъ только артиллерія открыла огонь, непріятель, пораженный нечаянностью, вовсе не предполагавшій здѣсь присутствіе отряда, обратился въ бѣгство. Вся кавалерія понеслась въ атаку. Казаки и милиція рубили бѣгущихъ; драгуны шли на рысяхъ и поддерживали казаковъ. Черезъ два часа все было окончено; выстрѣлы смолкли, и только трупы, разбросанные по полю, напоминали о побоищѣ. Шамиль едва успѣлъ спастись, но его палатка съ походною постелью и кухней была захвачена казаками ([2]).

Такъ окончилось лѣто 1858 года въ Чечнѣ. Вся кавалерія вернулась опять къ Бердыкелю. Сѣверцы отправлены были въ свою штабъ-квартиру, а на мѣсто ихъ прибылъ 3-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, подъ командой подполковника Кишинскаго.

Послѣ тревожныхъ дней, пережитыхъ войсками лѣваго фланга въ

іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, на плоскости наступило совершенное затишье. Кругомъ было такъ тихо, что даже подъемныя и вьючныя лошади, принадлежавшія кавалерійскому отряду, ходили на пастьбѣ только подъ присмотромъ нѣсколькихъ фурштатовъ, оберегавшихъ ихъ скорѣе отъ хищнаго звѣря, чѣмъ отъ покушенія хищныхъ людей, о которыхъ не было даже слуховъ. Гдѣ-то въ горахъ гремѣла еще война, но это было такъ далеко, что драгунамъ тревожиться было нечего. И тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы это затишье было нормальное. Населеніе, приглушенное цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ ударовъ, молчало; но въ его средѣ еще жили фанатики, готовые безцѣльно пожертвовать даже собственною жизнію, чтобы подстрѣлить хотя одного зазѣвавшагося гяура. За примѣромъ ходить было не далеко. Однажды, подъ вечеръ 28-го августа, когда фурштаты Нижегородскаго полка, пасшіе лошадей, собрались въ кружокъ и коротали время въ разсказахъ, изъ лѣсу вышелъ татаринъ и, подойдя къ одному изъ нихъ, сидѣвшему поодаль, вдругъ выхватилъ огромный лезгинскій кинжалъ. По счастію ударъ пришелся по рукѣ, и солдатъ отдѣлался легкою раной. На его крикъ вскочили остальные, но татаринъ кинулся въ лѣсъ и исчезъ въ его чащѣ (3). Ненависть къ побѣдителямъ могло изгладить только одно всепримиряющее время.

Среди этого затишья нѣсколько офицеровъ, пріѣхавшихъ изъ Чиръ-Юрта, привезли извѣстіе, что князь Дондуковъ-Корсаковъ покидаетъ полкъ, и что причиной къ этой внезапной перемѣнѣ послужило слѣдующее обстоятельство, близко касавшееся самыхъ дорогихъ для полка интересовъ.

Еще въ маѣ мѣсяцѣ, въ то время, какъ первые два дивизіона Нижегородскаго полка находились въ Малой Чечнѣ, а 3-й, пробывшій въ своей штабъ-квартирѣ лишь нѣсколько дней, былъ вызванъ въ Кумыкскій отрядъ на Хоби-шавдонскія высоты, въ Чиръ-Юртѣ получено было предписаніе командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ о постройкѣ башни у Міатлинской переправы. Постройка эта возлагалась на обязанность начальника Сулакской линіи, и баронъ Врангель просилъ князя Дондукова-Корсакова обойтиться хозяйственными средствами, такъ какъ сумма была отпущена весьма недостаточная. Князь Дондуковъ отвѣчалъ, что для предстоящихъ работъ ему необходимо имѣть хотя одинъ дивизіонъ своего полка—такъ какъ всѣ шесть эскадроновъ находились на лѣвомъ крылѣ, и просилъ о смѣнѣ одного изъ нихъ сѣверцами. Евдокимовъ назначилъ въ Чиръ-Юртъ 1-й дивизіонъ полковника Барковскаго (4).

Грустно было 1-му дивизіону покидать боевую позицію въ то время, когда съ минуты на минуту ожидалось сраженіе; но еще грустнѣе были послѣдствія этой смѣны, которыя тогда никто не предвидѣлъ. Едва дивизіонъ прибылъ въ Грозную, какъ получилось извѣстіе о вторженіи Шамиля. На линіи поднялась страшная тревога. Каждый изъ начальниковъ болѣе или менѣе крупныхъ отрядовъ требовалъ присоединенія дивизіона къ себѣ. Предписанія и отношенія, противорѣчившія другъ другу, сыпались со всѣхъ сторонъ. Несмотря на такое отсутствіе общихъ распоряженій, —Барковскій не задумался бы исполнить свой долгъ, какъ исполнялъ его всегда, подчиняя себя интересамъ службы, но онъ имѣлъ категорическое предписаніе слѣдовать въ Чиръ-Юртъ и считалъ не въ правѣ измѣнить маршрутъ по своему усмотрѣнію. Онъ двинулся дальше. Въ Щедринской станицѣ его нагналъ курьеръ съ предписаніемъ Евдокимова вернуться назадъ и слѣдовать къ Геленъ-аулу. Барковскій тотчасъ исполнилъ приказаніе и поступилъ въ отрядъ полковника Черткова. Съ этимъ отрядомъ онъ сдѣлалъ походъ черезъ Галашевскія земли въ Назранъ, и затѣмъ отправленъ былъ обратно въ Чиръ-Юртъ.

Казалось бы, что дѣйствія полковника Барковскаго были совершенно правильны, а между тѣмъ они истолкованы были, какъ прямое уклоненіе его отъ долга боевого офицера, и вызвали приказъ по войскамъ лѣваго крыла, гдѣ въ самыхъ рѣзкихъ и обидныхъ выраженіяхъ обсуждался поступокъ и образъ дѣйствій полковника Барковскаго. Тяжелый упрекъ и нареканія, ложившіеся не только на заслуженнаго штабъ-офицера, но и на полкъ, заставили Барковскаго подать рапортъ и просить Евдокимова возстановить истину. На рапортъ этотъ не послѣдовало отвѣта. Тогда защиту правъ и чести полка принялъ на себя князь Дондуковъ-Корсаковъ. Вся переписка, касавшаяся этого дѣла, была отправлена имъ черезъ Евдокимова же къ начальнику главнаго штаба, съ просьбою повергнуть ее на личное разсмотрѣніе главнокомандующаго.

«Удовлетворенія себѣ, какъ подчиненный, за все испытанное мною — писалъ Дондуковъ къ начальнику главнаго штаба: —я не въ правѣ ожидать и съ покорностью приму отвѣтственность за настоящія дѣйствія мои, буде его сіятельство найдетъ ихъ противными порядку службы. Но, осудивъ меня, какъ главнокомандующій,—какъ человѣкъ, надѣюсь, онъ оправдаетъ мои побужденія. Въ этой надеждѣ, въ голосѣ моей совѣсти, и во мнѣніи моихъ сослуживцевъ найду себѣ вознагражденіе».

Письмо это произвело въ Тифлисѣ замѣтное впечатлѣніе. Отъ Евдокимова потребовали объясненій. Евдокимовъ отвѣчалъ, что онъ получилъ рапортъ полковника Барковскаго и, считая оправданія его вполнѣ основательными, приказалъ рапортъ принять къ свѣдѣнію.

Этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ Барятинскаго.

«Его сіятельство князь Александръ Ивановичъ—писалъ начальникъ главнаго штаба генералу Евдокимову—призналъ, что рѣшеніе ваше по дѣлу полковника Барковскаго не можетъ быть признано достаточнымъ для него удовлетвореніемъ за незаслуженное замѣчаніе, которое должно было глубоко огорчить *такого достойнаго* штабъ-офицера, а потому главнокомандующій поручилъ мнѣ сообщить, чтобы вы не ограничились только принятіемъ къ свѣдѣнію рапорта полковника Барковскаго, а выразили бы его оправданіе инымъ и гласнымъ образомъ».

Копія съ этого письма была сообщена и князю Дондукову-Корсакову.

Нижегородскій полкъ, глубоко оскорбленный въ лицѣ своего старшаго штабъ-офицера, былъ удовлетворенъ; но князь Дондуковъ считалъ невозможнымъ продолжать свою службу на лѣвомъ крылѣ, и 26-го августа 1858 года подалъ прошеніе объ увольненіи въ безсрочный отпускъ, съ отчисленіемъ отъ командованія полкомъ.

«При тѣхъ обстоятельствахъ, которыя вамъ извѣстны,—писалъ онъ генералу Милютину,—долгъ и совѣсть указываютъ мнѣ путь дѣйствій. Я не считаю возможнымъ продолжать службу во вредъ достойныхъ товарищей и подчиненныхъ. Мое увольненіе можетъ быть измѣнитъ и самое расположеніе начальника дивизіи къ славному полку, къ заслуженнымъ офицерамъ и облегчитъ настоящее тяжелое положеніе Нижегородскаго полка.

«Послѣ многихъ оскорбленій и сердечныхъ огорченій, которыя я испыталъ въ послѣднее время, съ прискорбіемъ сознаю, что ослабла во мнѣ необходимая для пользы энергія; нравственное состояніе духа моего сильно отражается также на разстроенномъ отъ ранъ здоровьѣ моемъ. Невознаградима уже та свѣжесть чувствъ, съ которыми такъ пламенно, такъ безотчетно посвящалъ я Кавказу въ продолженіи 15 лѣтъ всю дѣятельность и способности лучшихъ годовъ моей жизни. Семейство мое уже выѣхало въ Россію, и самъ я остаюсь только до октября мѣсяца, чтобы представить лично и въ послѣдній разъ свой Нижегородскій полкъ на смотръ великимъ князьямъ при проѣздѣ ихъ черезъ Чиръ-Юртъ».

— «Главнокомандующій — отвѣчалъ на это начальникъ главнаго

Типы Нижегородскаго полка
1856 г.

штаба—уважилъ тѣ побужденія, которыя руководили вами въ данномъ случаѣ. Не желая задерживать вашего отъѣзда, онъ приказалъ состоящему при немъ для особыхъ порученій полковнику графу Ностицу теперь же принять Нижегородскій полкъ на законномъ основаніи, а вамъ, по сдачѣ его, разрѣшаетъ отправиться въ Петербургъ и тамъ ожидать высочайшаго соизволенія на безсрочный отпускъ..» «Сожалѣю искренно—прибавляетъ Д. А. Милютинъ,—что обстоятельства заставляютъ васъ покинуть службу на Кавказѣ» (5).

Другимъ извѣстіемъ, полученнымъ изъ Тифлиса почти одновременно съ этимъ—былъ близкій пріѣздъ на Кавказъ великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей, пожелавшихъ посѣтить мѣста, пріобрѣтенныя въ послѣднее время русскимъ оружіемъ. Пріѣздъ великихъ князей представлялъ для края живой интересъ, поглощавшій вниманіе всѣхъ. Имъ интересовались даже горцы, между которыми распространился чрезвычайно странный слухъ, что молодые великіе князья примутъ начальство надъ войсками лѣваго фланга и поведутъ ихъ прямо на резиденцію имама.

Въ половинѣ сентября драгуны изъ Бердыкеля перешли въ Агшпатой и поступили въ колонну генерала Кемпферта, который долженъ былъ расчистить старыя просѣки по всему пути высокихъ путешественниковъ. Къ работамъ приступили немедленно. Между тѣмъ Шамиль спустилъ на плоскость нѣсколько партій, которыя вели перестрѣлку, а 1-го октября открыли даже канонаду по самому лагерю, при чемъ въ коновязяхъ Нижегородскаго полка убиты были три подъемныя лошади (6).

Въ этотъ самый день великіе князья находились уже въ Чиръ-Юртѣ. Вся штабъ-квартира Нижегородскаго полка съ ранняго утра была на ногахъ. День былъ праздничный; въ полковой церкви отслужили раннюю обѣдню, и священникъ, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ и св. водою ожидалъ высокихъ гостей на паперти. Несмотря на октябрь мѣсяцъ, чиръ-юртовскій вѣтеръ бушевалъ съ страшною силой и несъ тучи песку со стороны Каспійскаго моря. Вся мѣстность застлалась густымъ песочнымъ туманомъ. Передъ домомъ командира полка стоялъ почетный караулъ отъ лейбъ-эскадрона, и вѣтеръ нещадно трепалъ полотнище его штандарта. Въ часъ пополудни къ свисту урагана присоединился неумолкаемый гулъ орудійныхъ выстрѣловъ съ разныхъ башенъ Сулакскаго ущелья. Прошло еще съ полчаса—и топотъ скакавшаго конвоя, колокольный звонъ и радостные крики ура! убѣдили всѣхъ, что великіе князья уже прибыли,

но видѣть ихъ за тучею пыли не было никакой возможности. Подъѣхавъ прямо къ церкви и принявъ благословеніе священника, августѣйшіе братья направились къ почетному караулу. Вѣтеръ на мгновеніе стихъ, и взорамъ царственныхъ гостей представился фронтъ—весь справа до лѣва завѣшанный георгіевскими крестами. Грянуло ура! и слилось съ народными кликами. Пропустивъ мимо себя караулъ, и принявъ хлѣбъ-соль отъ жителей Чиръ-Юрта и присулакскихъ ауловъ, великіе князья сѣли за обѣденный столъ въ обширной залѣ, украшенной доспѣхами и знаками отличій одного изъ старѣйшихъ полковъ на Кавказѣ.

Къ сожалѣнію вѣтеръ помѣшалъ зажечь приготовленный фейерверкъ, и только съ большимъ трудомъ удалось освѣтить передъ окнами дома большой транспарантъ съ вензелями Ихъ Высочествъ (7).

На слѣдующій день великіе князья выѣхали въ Хасавъ-Юртъ. На самой границѣ, тамъ, гдѣ кончается Прикаспійскій край и начинается лѣвое крыло кавказской линіи, въ прикрытіе поѣзда поступилъ 1-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, сопровождавшій его до Хасавъ-Юрта. Отсюда великіе князья предполагали проѣхать черезъ Большую Чечню; но около Герзель-аула стояли въ сборѣ такія большія партіи, что Евдокимовъ предложилъ Ихъ Высочествамъ измѣнить маршрутъ, чтобы избѣжать напрасной потери людей, и ѣхать въ Грозную правымъ берегомъ Сунжи. Сообразно съ этимъ 2-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, высланный изъ Агшпатоя, встрѣтилъ великихъ князей въ Умаханъ-Юртѣ, и сопровождалъ ихъ до Грозной, а 3-й, Кишинскаго, отъ Грозной до Воздвиженской.

Пока великіе князья ѣздили осматривать Аргунское ущелье, оба дивизіона соединились въ Воздвиженской, и отсюда опять конвоировали поѣздъ черезъ всю Малую Чечню до станицы Ассинской. Памятнымъ эпизодомъ этого переѣзда остался народный праздникъ, устроенный на рѣчкѣ Рошнѣ, почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за восемь лѣтъ передъ тѣмъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ получилъ георгіевскій крестъ. Какъ только поѣздъ миновалъ густые лѣса и выѣхалъ на рошнинскую поляну, взорамъ великихъ князей неожиданно представилась тріумфальная арка, увѣнчанная русскимъ двуглавымъ орломъ и осѣненная чеченскими значками, отбитыми у горцевъ чеченскою же милиціею. За этою аркой возвышался легкій павильонъ, точно красивая русская дача, по мановенію волшебнаго жезла, выросла надъ костями русскихъ солдатъ, выросла—и стала свидѣтельницею, что эта земля отнынѣ до скончанія

вѣка становится русской. Самый павильонъ былъ небольшой и состоялъ всего изъ двухъ комнатъ: пріемной и столовой. Въ пріемной былъ столъ, покрытый русской узорною скатерью, да два-три отомана, убранные персидскими коврами. Столовая задрапирована была вся бѣлою бязью, перемѣшанною съ алымъ кумачомъ,—что выходило просто, очень небогато, но чрезвычайно красиво. По срединѣ комнаты стояли покоемъ столы, а для великихъ князей приготовлены были два большія, вызолоченныя кресла, обитыя малиновымъ атласомъ. Они помѣщались на большомъ коврѣ, какъ разъ противъ входныхъ дверей, такъ что великіе князья все время могли любоваться чуднымъ ландшафтомъ, который представляли собою лѣса и горы чеченской земли. Около арки драгуны остановились и пропустили мимо себя экипажъ великихъ князей. На всемъ пространствѣ отъ тріумфальныхъ воротъ до раскрытыхъ дверей павильона, шпалерами стояли чеченцы, и эти, еще недавно злѣйшіе наши враги, привѣтствовали высокихъ гостей русскимъ «ура», и принимали ихъ съ хлѣбомъ и солью. Завтракъ прошелъ чрезвычайно оживленно. Два хора Сунженскихъ казаковъ пѣли свои боевыя пѣсни и славили въ нихъ Слѣпцова; нѣкоторыя изъ нихъ произвели такое впечатлѣніе на великихъ князей, что они заставляли повторять ихъ по два и по три раза. Во время завтрака Ихъ Высочества съ бокалами въ рукахъ не разъ выходили къ народу и пили за его благоденствіе ([8]).

Проводивъ затѣмъ поѣздъ до Ассинской станицы, драгуны пошли назадъ, и на пути къ Чиръ-Юрту встрѣтили графа Ностица, ѣхавшаго принимать Нижегородскій полкъ. Онъ осмотрѣлъ оба дивизіона и не могъ не обратить вниманіе на ихъ прекрасное состояніе, особенно на то, что въ эскадронахъ, пробывшихъ въ походѣ почти круглый годъ, не имѣлось ни одной побитой или ссадненной лошади ([9]).

Въ Чиръ-Юртъ графъ Ностицъ прибылъ 16-го октября, а 17-го Нижегородскій полкъ читалъ послѣдній, прощальный приказъ своего стараго командира.

«Товарищи Нижегородцы! Настала минута разлуки съ вами. Разстаюсь съ славнымъ мундиромъ, которымъ такъ справедливо гордился, прощаюсь со знаменами, подъ сѣнію которыхъ въ рядахъ вашихъ въ продолженіе пяти лѣтъ былъ свидѣтелемъ доблестей и славныхъ испытаній вашихъ. Отъ глубины души благодарю васъ, товарищи, за тѣ отрадныя чувства, которыя навсегда оставили въ сердцѣ моемъ память о командованіи

вами. Я оставляю въ васъ не одинъ полкъ, а родную семью, съ которою такъ тѣсно связаны всѣ лучшія и свѣтлыя воспоминанія моей жизни и боевой службы моей.

«Да хранитъ васъ Богъ, товарищи, на новые подвиги во славу полка, и да благословитъ васъ всѣмъ лучшимъ въ мірѣ. Вездѣ и всегда думы мои будутъ съ вами, и молитва о васъ не разлучна будетъ съ мольбою моею о самыхъ близкихъ сердцу моему.

«Въ память этихъ чувствъ примите отъ бывшаго командира вашего и неизмѣннаго друга благословеніе полковымъ образомъ Знаменія Пресвятой Богородицы, на сооруженіе котораго жертвую 1.200 р. с. Прощайте Нижегородцы! Прощайте славные, дорогіе, боевые мои товарищи!»

Этотъ образъ—складень хранится въ полку до настоящаго времени, а драгоцѣнный окладъ на иконѣ и каменья, украшающіе ризы,—даръ княгини Надежды Андреевны.

Послѣднимъ эпизодомъ изъ жизни полка этого времени былъ пріѣздъ въ Чиръ-Юртъ извѣстнаго французскаго романиста Александра Дюма, сочиненія котораго въ сотнѣ тысячъ экземпляровъ расходились по всей Европѣ и читались въ Россіи едвали не болѣе, чѣмъ въ самой Франціи.

Вотъ какъ описываетъ самъ Дюма свое путешествіе и впечатлѣніе, произведенное на него короткимъ пребываніемъ въ Чиръ-Юртѣ ([10]):

«Посреди казармъ Нижегородскаго полка мы увидѣли большое зданіе, великолѣпно освѣщенное; мы догадались, что это жилище князя и направились къ его подъѣзду. Въ первой залѣ незнакомый штабъ-офицеръ подошелъ къ намъ. Я его принялъ за князя и привѣтствовалъ, но онъ, не давъ мнѣ договорить, объявилъ, что онъ не князь Дондуковъ, а его преемникъ графъ Ностицъ. И такъ мы очутились въ гостяхъ у графа. Князя предупредили между тѣмъ о нашемъ прибытіи, и онъ скоро присоединился къ намъ; одна рука его была на перевязи. Мы вошли во второй залъ, весь обтянутый великолѣпными персидскими коврами князя. Первый предметъ, обратившій на себя наше вниманіе, была картина довольно значительныхъ размѣровъ: она представляла черкесскаго вождя, защищающаго съ своими людьми вершину одной горы. Я спросилъ, кто удостоился быть героемъ картины? Мнѣ отвѣчали, что это Хаджи-Муратъ, одинъ изъ самыхъ легендарныхъ героевъ Кавказа (*).

(*) Снимокъ съ этой картины помѣщенъ въ VI томѣ исторіи.

Полковой образъ, пожертвованный княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ.

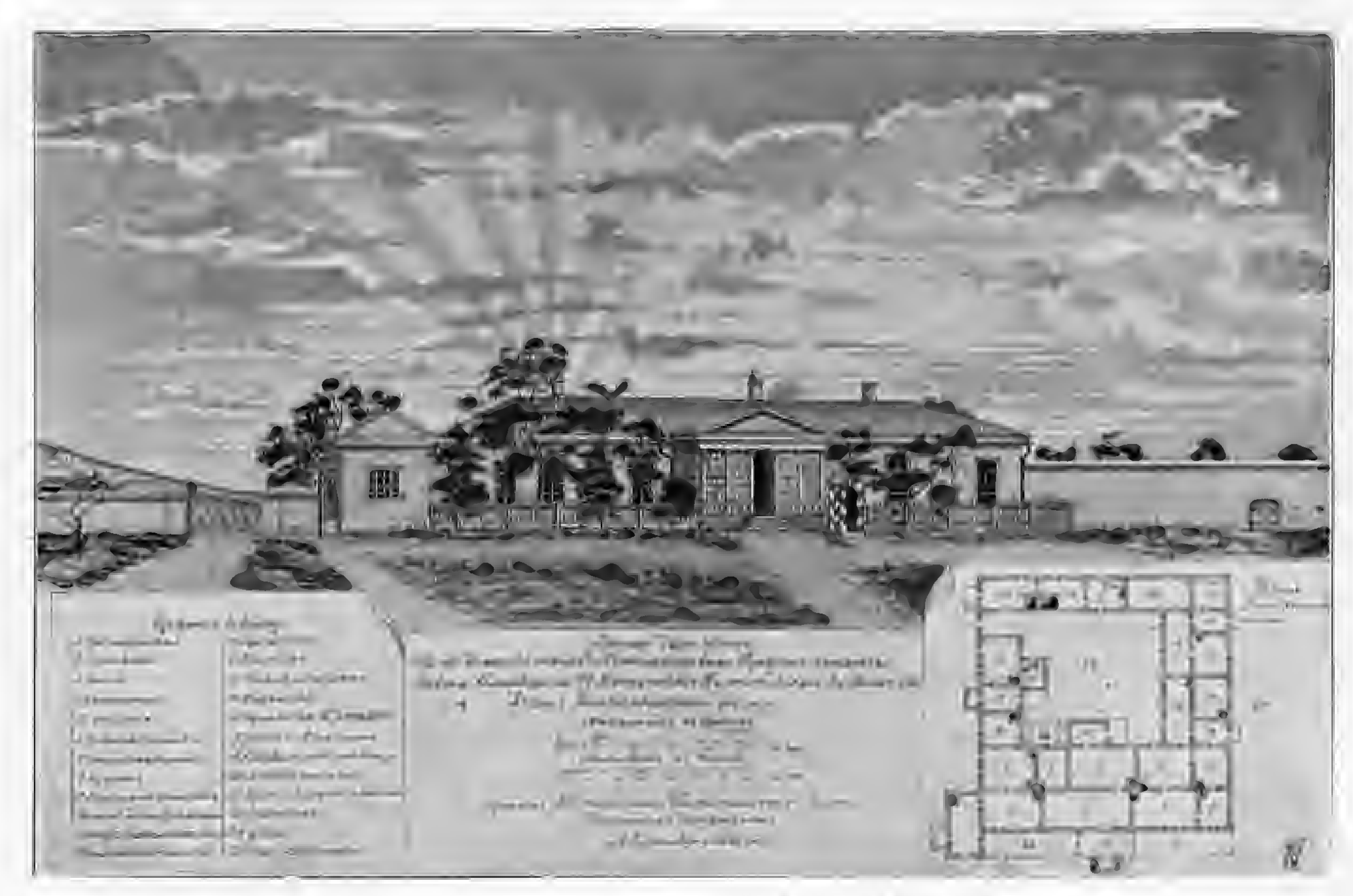
«Цѣлая стѣна залы украшена почетными знаками, пожалованными полку. Знамена его георгіевскія, а трубы изъ серебра, украшенныя также крестомъ св. Георгія. Князь Дондуковъ и графъ Ностицъ показывали намъ всѣ эти знаки отличій съ истинно отеческою нѣжностію. Одинъ былъ опечаленъ новымъ своимъ назначеніемъ, принуждавшимъ его оставить начальство надъ такимъ полкомъ, другой гордился тѣмъ, что признали его достойнымъ преемникомъ.

«Между тѣмъ какъ мы осматривали этотъ почетный музей, залы постепенно наполнялись офицерами. Всякій вечеръ въ 8 часовъ князь Дондуковъ имѣлъ привычку ужинать, и всѣ офицеры приглашены были разъ навсегда: приходилъ, кто хотѣлъ. Доложили, что ужинъ готовъ; мы отправились въ столовую, гдѣ раскинутъ былъ столъ, накрытый на 25—30 персонъ. Полковая музыка гремѣла въ продолженіе всего ужина. Послѣ ужина начались танцы. Это было сдѣлано собственно для насъ. Приглашены были лучшіе плясуны полка, и передъ нами исполнились всѣ національные танцы. Въ Чиръ-Юртѣ я не могъ не замѣтить разницы между русскимъ солдатомъ въ Россіи и тѣмъ же солдатомъ на Кавказѣ: здѣшній солдатъ веселый, живой шутникъ, даже проказникъ, и при всемъ томъ мундиръ полка для него предметъ гордости.

«Въ этотъ вечеръ графъ Ностицъ показывалъ моему товарищу Майне цѣлый альбомъ видовъ Кавказа, и въ особенности Тифлиса, сдѣланные имъ самимъ посредствомъ фотографіи.

«На другой день утромъ къ крайнему нашему прискорбію мы должны были разстаться съ милыми хозяевами. Майне увозилъ съ собою пять или шесть фотографическихъ картинъ, а я портретъ Хаджи-Мурата. Сверхъ того, мнѣ подарили на память отъ имени нижегородскихъ драгунъ клочекъ знамени, отбитаго ими у Хаджи-Мурата въ Табасарани».

Командованіе князя Дондукова окончилось. Въ самый день отъѣзда князь обошелъ казармы и простился со всѣми эскадронами. Потомъ полкъ въ полномъ составѣ выстроился на коняхъ и провожалъ его до Хасавъ-Юрта, гдѣ кабардинцы тоже встрѣтили его цѣлымъ полкомъ, стоявшимъ шпалерами отъ самаго въѣзда до квартиры своего полкового командира. На другой день оба полка вмѣстѣ проводили князя до самыхъ границъ полкового поселенія, гдѣ ружейные залпы и орудійные выстрѣлы со всѣхъ фортовъ хасавъ-юртовскихъ укрѣпленій были послѣднимъ прощальнымъ привѣтомъ отъѣзжающему ([11]).

Домъ князя Дондукова въ Чиръ-Юртѣ. Съ [illegible]

О боевой дѣятельности полка во время командованія князя Дондукова мы уже говорили; скажемъ теперь нѣсколько словъ о его внутренней жизни, отличавшейся такимъ задушевнымъ, мягкимъ, семейнымъ характеромъ, что преданія о немъ живутъ въ полку и понынѣ. Въ глухомъ Чиръ-Юртѣ, похожемъ на монастырь, отрѣзанный отъ остального міра, не было ни клубовъ, ни собраній, никакихъ общественныхъ развлеченій, и князь Дондуковъ сдѣлалъ свой домъ центромъ, гдѣ группировалось все полковое общество. Это общество составляли теперь не одни Нижегородцы, но и Сѣверцы, которые въ глазахъ князя остались все тѣми же Нижегородцами, которыми онъ командовалъ въ Азіятской Турціи, да и сами Сѣверцы относились къ нему по привычкѣ гораздо сердечнѣе и ближе, чѣмъ къ своему новому командиру. Оба полка цѣлые дни проводили у князя, пользуясь широкимъ хлѣбосольствомъ, ласками и привѣтливостію его и княгини. Всѣ были у него, какъ дома, никто ничѣмъ не стѣснялся. Въ большомъ кабинетѣ князя была богатая библіотека, а рядомъ помѣщалась билльярдная. Тамъ проводили время до обѣда, за который садилось не менѣе сорока, а иногда отъ 70 до 100 человѣкъ. Вечера начинались съ шести часовъ; играли на нѣсколькихъ столикахъ въ копеечный ералашъ, занимались музыкой или чтеніемъ, а иногда устраивали хоровое пѣніе, подъ аккомпаниментъ княгини. Чтобы еще болѣе разнообразить замкнутую жизнь, князь устроилъ домашній театръ, выписалъ инструменты, и офицеры сами составили оркестръ, исполнявшій не только водевильные куплеты, но и цѣлые большіе отрывки изъ оперъ. Княгиня принимала въ театрѣ горячее участіе, сама брала роли, чтобы привлечь другихъ полковыхъ дамъ, и скоро чиръ-юртовскій театръ получилъ такую извѣстность, что ко дню представленій стали пріѣзжать съ особыми оказіями гости изъ Шуры и Хасавъ-Юрта. Театръ обыкновенно заканчивался веселымъ ужиномъ, а поутру «оказіи» опять развозили гостей по домамъ ([12]). Такъ текла чиръ-юртская жизнь въ продолженіе трехъ лѣтъ,—и когда князь уѣхалъ, духовная связь между нимъ и его подчиненными никогда не прерывалась.

Спустя семь лѣтъ два старѣйшіе Нижегородца, Барковскій и Яневичъ, оба уже оставившіе службу, проѣзжали изъ Вильно въ Петербургъ, и по дорогѣ случайно встрѣтились съ княземъ Александромъ Михайловичемъ. Вотъ какъ одинъ изъ нихъ описываетъ эту встрѣчу ([13]).

«Проѣздомъ въ Петербургъ, мы встрѣтились съ достойнѣйшимъ кня-

земъ Александромъ Михайловичемъ, и изъ Пскова помчались съ нимъ на почтовыхъ, верстъ за 70 въ сторону, въ его имѣніе Полонное, чтобы повидаться съ его семействомъ. Княгиня Надежда Андреевна та же любезная, милая и добрая, какою мы знали ее и прежде. Оба приняли насъ со всѣмъ радушіемъ, какъ родные. Домъ великолѣпный, о 20 комнатахъ, настоящій дворецъ! Чего тамъ нѣтъ!—А ужъ картинъ, изображающихъ Нижегородцевъ въ разныхъ видахъ ихъ боевой жизни, нельзя и счесть. Мы пробыли тамъ двое сутокъ; воспоминаніямъ о Кавказѣ, въ особенности о Нижегородцахъ, не было конца. Изъ знакомыхъ остался одинъ лишь Карапетъ, старый, сѣдой, какъ лунь, и все тоскуетъ по родинѣ. Старушка няня умерла. Вотъ все, что я могу сообщить о любимой всѣми нами семьѣ князя Александра Михайловича»....

У князя Дондукова-Корсакова, въ числѣ фамильнаго оружія, есть одна примѣчательная шашка. Ее знаетъ весь Кавказъ, потому что при своихъ почти безпрерывныхъ поѣздкахъ по краю, князь никогда не разлучался съ нею. Въ богатомъ историческомъ арсеналѣ его, она занимаетъ почетное мѣсто. Клинокъ шашки—«волчекъ», одинъ изъ тѣхъ венеціанскихъ клинковъ, которые цѣнятся дорого и достаются рѣдко. На рукояткѣ—гербъ князя; на лицевой сторонѣ, богато оправленныхъ, ноженъ красиво вычеканена надпись: «Командиру Нижегородскаго драгунскаго полка князю Дондукову-Корсакову 1854—1858 года». За тѣмъ слѣдуютъ боевыя названія тѣхъ мѣстъ, гдѣ князь побывалъ съ своими Нижегородцами; на лентѣ, обвивающей дубовый вѣнокъ, имена всѣхъ офицеровъ. Шашка отдѣлана по рисункамъ поручика Шемаева; работа художественна и исполнена извѣстнымъ андревскимъ мастеромъ Богаукаевымъ.

Шашка эта—даръ Нижегородскаго драгунскаго полка, поднесена князю 30 іюля 1859 года, при слѣдующемъ письмѣ, подписанномъ отъ лица всѣхъ старшимъ штабъ-офицеромъ полка полковникомъ Барковскимъ ([14]):

«Князь Александръ Михайловичъ! Трехлѣтнее командованіе вами полкомъ среди боевой жизни будетъ для насъ лучшимъ воспоминаніемъ тѣхъ счастливыхъ минутъ, которыя мы провели подъ вашимъ начальствомъ. Въ память того незабвеннаго времени признательные Нижегородцы просятъ принять подносимую при этомъ шашку, не какъ отъ подчиненныхъ, но какъ отъ друзей вашихъ, во свидѣтельство того, что вы сами были

лучшимъ другомъ нашимъ. Пусть Богъ и это оружіе будутъ защитою вамъ отъ враговъ вашихъ, а любовь и преданность Нижегородцевъ девизомъ вашей славы».

Типы мирныхъ горцевъ. (Съ акварели Коррадини).

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

	ТОМЪ VII стр.
ГЛАВА I.	
[1]) Ар. Тиф. окр. шт., по 2-му отд. ген. шт. 1853 г. дѣло № 121	2
[2]) Разсказы старыхъ Нижегородцевъ.	3
[3]) Тоже	—
[4]) Исторія Вост. войны Богдановича, т. II.	4
[5]) Сбор. извѣстій относящихся до настоящей войны. Путилова	5
[6]) Тамъ же, книга IV.	9
[7]) Военный сбор. 1860 г. № 2. Походный дневникъ есаула.	—
[8]) Сборникъ Путилова, кн. VI.	10
[9]) Тамъ же.	11
[10]) Тамъ же.	—
[11]) Тамъ же.	—
[12]) Ар. Тиф. окр. шт. Особое отдѣл. 1853 г. № 203.	12
[13]) Воен. Сб. № 2. Походный дневникъ	—
[14]) Знаки отличія Военнаго ордена получили: рядовые Федоръ Кузнецовъ, Алексѣй Перебейносъ, Елистратъ Колюжный, Осипъ Опришко и Василій Кованцовъ. Кромѣ того старшему вахмистру 9 эскадрона Никифору Алексѣеву—вторая треть жалованья на имѣющійся у него знакъ отличія Воен. ордена	13
ГЛАВА II.	
[1]) Разсказы старыхъ Нижегородцевъ.	16
[2]) Записки Шульца (рукопись).	17
[3]) Ар. Тиф. окр. шт. О Башъ-Кадыкъ-Ларскомъ сраженіи 2-е отд. генер. шт. № 11, особое отд. № 209 и о военныхъ дѣйствіяхъ на границахъ Азіятской Турціи № 9.	—
[4]) Разсказъ князя Ч*.	20
[5]) Записки Шульца (рукопись).	22
[6]) Тамъ же и сбор. Извѣстій Путилова.	—
[7]) Записки Шульца и разсказы кн. Ч* и кн. А*.	24
[8]) Тамъ же.	—
[9]) Тамъ же.	25
[10]) Подлинная росписка, выданная начальникомъ корпуснаго штаба въ пріемѣ отъ 4-го дивизіона 14 турецкихъ орудій хранится у полковника Шульца.	—
[11]) Сборникъ извѣстій Путилова.	26
[12]) Тамъ же.	—
[13]) Тамъ же.	—
[14]) Тамъ же.	28
[15]) Тамъ же.	29
[16]) Ар. Т. окр. шт. 2-е отд. ген. шт. 1853 г. № 11.	—
[17]) Сборникъ извѣстій Путилова.	30
[18]) Ар. Тиф. окр. шт. 2-е отд. ген. шт. д. № 11.	—

ГЛАВА III.

[1]) Сбор. извѣстій Путилова, кн. II. 32
[2]) Записки Шульца. Воспоминанія князя А* и разсказы другихъ Нижегородцевъ. 36
[3]) Сбор. извѣстій Путилова, кн. II. . . . . —
[4]) Тамъ же, кн. VII. 40
[5]) Награды за Башъ-Кадыкъ-Ларъ пожалованы слѣдующія: полковнику Тихоцкому—золотая табакерка украшенная алмазами и вензелемъ Его Величества. Золотыя шашки: штабсъ капитанамъ Суринову, графу Менгдену, Авалдову и Кузьмину-Караваеву, и прапорщикамъ: Покатилову, Вихману и Кошаеву. 41

Владиміра 4 ст. капитану Вернеке.

Анну 2 ст. съ короною: маіору Моллеру и капитану Колмыкову.

Анну 2 ст. капитану Моисѣеву и ветеринарному врачу Олехновичу.

Анну 3 ст: капитанамъ Кишинскому и Позняку, штабсъ-капитанамъ Макарову, князю Челокаеву и Григоровичу; поручикамъ: Тарновскому, Аветову, Кусакову и Мамулову.

Анну 4 ст.: поручикамъ Ключареву, Чайкину, Ушакову, Авалдову 2 и князю Ивану Амилахвари, прапорщикамъ Миссюрину и князю Георгію Амилахвари.

Затѣмъ подполковникъ Шульцъ произведенъ въ полковники, штабсъ-капитаны: Батіевскій и Ялбржиковскій—въ капитаны; поручики Андреевъ и Фогель въ штабсъ капитаны; прапорщики князь Аргутинскій, Андреевъ 2 и Кондиба въ поручики; старшій вахмистръ Шведовъ и юнкера: Григоровичъ, Іосселіани, князь Дмитрій Чавчавадзе, Готовицкій, Бергеръ, Аствацатуровъ, князь Вахваховъ, Андреевъ 3, Колупайловъ, князь Церетели, Суриновъ, Драгилевъ, Вердеревскій и прикомандированные изъ милиціи Султановъ и Едигеровъ—въ прапорщики.

Монаршее благоволеніе—прапорщикамъ князю Абашидзе, Тавкежеву и Эгазе.

Единовременно годовой окладъ жалованья—штабъ-лекарю Пржездецкому.

Къ сожалѣнію возстановить полный списокъ нижнихъ чиновъ, награжденныхъ знаками отличія Военнаго ордена, невозможно. Кресты получались немедленно, но донесенія о томъ, кому они розданы, нигдѣ не сохранились. Вотъ имена, которыя еще можно было собрать по архивнымъ документамъ:

Полный окладъ по знаку отличія Воен. орд. получили: старшіе вахмистры: Федоръ Шведовъ, Максимъ Шведовъ, Кароль Цалкъ, Тимофѣй Докучаевъ и младшій вахмистръ Ѳедоръ Румянцевъ.

Двѣ трети: стар. вах. Михаилъ Ковалевскій, Иванъ Мирошниковъ, Павелъ Шепелевъ, Николай Шункевичъ и ун.-оф. Василій Фельшагенъ.

Знаки отличія Военнаго орд.: юнкера Гоппе, Пѣтуховъ, Алдадановъ и князь Багратіонъ-Мухранскій; млад. вахмистра: Лепета, Наумовъ, Земляникинъ, Пирожниченко, Морозовъ, Лучаниновъ, Брыжюкъ, Костыркинъ; ун.-оф.: Гончаровъ, Воронцовъ, Машкутинъ, Литвиненко, Синицынъ, Кожохинъ, Бѣгановскій, Ивановъ; рядовые: Ѳоминъ, Коваленко, Сидоренко, Добрынинъ, Трофименко, Золотаревъ, Шрамковъ, Кеведичъ, Новиковъ, Гороховъ, Карасевъ, Шабельниковъ, Пасмуръ, Абловъ, Шеховцовъ, Степановъ, Булгаковъ, Третьяковъ, Смирновъ, Фончиковъ, Назаренко, Борисевичъ, Некрасовъ, Елисѣевъ, Яновъ, Голушкинъ, Андреевъ, Петровъ, Маловъ, Калачъ, Озеровъ, Слѣпужниковъ, Козловъ, Бригаровъ, Шереметьевъ, Маторинъ, Сердюкъ, Ганжа, Литюкъ, Бирюковъ, Мирошниченко, Алхимовъ, Садолинъ, Низемцевъ, Духсъ, Павленко, Чупасъ, Батаевъ, Лисицынъ.

[6]) Приказы по полку за 1854 годъ. 41
[7]) Сборникъ Путилова, кн. II 42
[8]) Штабъ и 1-й дивизіонъ въ Караклисѣ, 2-й по эскадронно въ малоканскихъ слободахъ: Новомъ Делижанѣ и Никитовкѣ, 3-й въ аулѣ Бязикентѣ, 4-й въ д. Воскресенкѣ и 5-й въ д. Никитовкѣ. . . . . -
[9]) Приказъ по полку 4-го февраля 1854 года. 43
[10]) Біографія князя Дондукова-Корсакова, помѣщенная въ кавказскомъ календарѣ. 44
[11]) Изъ послужнаго списка капитана Свистунова. Ар. гл. шт. 45
[12]) По четыре батальона отъ полковъ: Эриванскаго карабинернаго, Грузинскаго гренадерскаго и егерскихъ: Бѣлевскаго и Тульскаго; баталіоны: Кавказскій стрѣлковый и Кавказскій саперный 46

ГЛАВА IV.

[1]) Воен. сб. 1860 г. № 1. Воспоминаніе о Закавказскомъ походѣ, и № 2 Походный дневникъ 50
[2]) Тиф. Ар. окр. шт. Реляція о Кюринъ-Даринскомъ сраженіи кн. Бебутова. . . 55
[3]) Тамъ же. . . . . -
[4]) Разсказы кн. Ч*. 56
[5]) Воен. сб. 1867 г. № 2. Изслѣдованіе объ уставѣ нашей пѣхоты. Графъ Д. Добровольскій-Евдокимовъ. 59
[6]) Матеріалами для описанія Кюрюкъ-Даринской битвы служили: Дѣла штаба Кав. воен. округа о военныхъ дѣйствіяхъ 1854 г. на турецкой границѣ. Воен. сб. 1860 г. № 1. Воспоминанія о Закавказскомъ походѣ, № 2; походный дневникъ и Кав. сборникъ № 1. 60
[7]) Разсказъ ген.-ад. князя Святополкъ-Мирскаго. 61
[8]) Воен. сб. № 2. 1860 г. Походный дневникъ. . . . .

ГЛАВА V.

[1]) Воен. сб. 1860 г. Походный дневникъ Есаула. 64
[2]) Сборникъ извѣстій Путилова. 65
[3]) Отзывъ нач. штаба Кав. кор. къ гр. Нироду 4-го декабря 1854 г. . . . . . —

Вотъ этотъ списокъ, съ именами еще уцѣлѣвшими отъ забвенія:

Полный окладъ по знаку отличія Военнаго ордена получили: старшіе вахмистра Алексѣевъ и Шункевичъ; двѣ трети оклада: стар. вах. Магачевъ, младшіе: Наумовъ, Ковригинъ, Вирвихвостъ, Даллеръ и Боровской; ун.-оф.: Коршуненко и Кажохинъ; рядовые: Бородай, Гнѣдыхъ, Бондаревъ, Лисицынъ и Лимоновъ.

Знаки отличія Военнаго ордена: юнкеръ Дрейлингъ, произведенный вмѣстѣ съ тѣмъ въ офицеры; млад. вах.: Фіоклистовъ, Зайцевъ и Шляковъ; ун.-оф.: Стахѣевъ, Чистовъ, Рыжиковъ, Ивашкинъ, Лаврентьевъ, Демидовъ, Гнетовъ, Коршуненко и Семеновъ; рядовые: Огаревъ, Горбенко, Любименко, Скуба, Титюнниковъ, Широкогородскій Бойденко, Володинъ, Кузнецовъ, Меньковъ, Гриценко.

Младшему вахмистру Румянцеву и фельдшеру Мурзину—единовременно по 50 р. с.

Рядовые изъ разжалованныхъ Николаевъ, Денисьевъ, Тимковскій Ивановъ и

	ТОМЪ VII стр.
Станюкевичъ произведены въ унтеръ-офицеры, а рядовымъ: Долгошову и Плыгину прощены штрафы	67
4) Житіе всѣхъ святыхъ и сказаніе о праздникахъ правосл. церкви о. I. Бухарева.	68
5) Сборникъ извѣстій Путилова.	—
6) Штабъ, 1-й и 4-й дивизіоны въ Сала-Оглы и Казахъ-Бехлы, 2-й дивизіонъ по эскадронно въ Калярарѣ и Пойло, 3-й и 5-й въ Карахкесиманѣ	70
7) Князь Давидъ Чавчавадзе, старый Нижегородецъ временъ Безобразова и Постельса. За дѣло подъ Шильдами онъ былъ произведенъ въ полковники, получилъ орденъ св. Анны 2 ст. и назначенъ флигель-адъютантомъ	72
8) Дислокаціи въ Елизатполѣ не сохранилось	—
9) Приказы по полку за 1855 годъ	—
10) Изъ разсказовъ и воспоминаній старыхъ дружинниковъ	75
11) Аксамитный вмѣстѣ съ прикомандированіемъ къ 4-му конно-мусульм. полку былъ переведенъ въ 5-й Груз. лин. бат.	76
12) Сбор. изв. Путилова, кн. 9.	—
13) Воспоминанія современниковъ.	—
14) Тамъ же.	77

ГЛАВА VI.

1) Висковатовъ. Описаніе одежды и вооруженіе войскъ, и приказы по полку за 1855 годъ	80
2) Записки и разсказы современниковъ	—
3) Яковъ Петровичъ Баклановъ (его біографія).	82
4) Приказъ по кав. кор. 14 іюня 1855 г. № 145.	—
5) Ар. шт. Кавк. воен. окр. 1855 г. о назначеніи на должности. Письмо Муравьева къ Воен. Мин. отъ 29-го іюня 55 г.	83
6) Кавказскій сбор. № 1. Воспоминаніе о походѣ 1855 г. въ Аз. Турціи кн. Дондукова-Корсакова.	84
7) Тамъ же. Воспоминанія о Закавказс. походѣ. Воен. сб. 1863 г. № 2. Русскіе въ Азіят. Турціи Лихутина	85
8) Приказы по Кавк. корпусу за 1855 г.	86
9) Воспоминанія современниковъ	—
10) Арх. шт. Кав. воен. окр. О военныхъ дѣйствіяхъ въ 1855 г.	87
11) Записки доктора Сандвита. Воен. сб. 1878 г. № 2 и 3.	-
12) Воен. сб. 1869 г. № 10: «Ночное дѣло подъ Карсомъ». Воспом. и разсказы современниковъ. Знаки отличія Воен. орд. за ночное дѣло получили: вахмистра: Ивановъ, Шиповаловъ, Косугубовъ и Григорьевъ; ун.-оф: Шедринъ, Семеновъ, Благодаровъ; трубачи: Щелкановъ и Литвиненко; ряд.: Дубовченко, Верейкинъ, Сердюковъ, Емельяновъ, Малаховъ, Свиридовъ (Иванъ), Яндеръ, Рыженко и Шелаевъ.	89
13) Муравьевъ. Война за Кавказомъ въ 1855 году.	90
14) Приказы по полку за 55 г. Кав. сб. № 1.: «Восп. о походѣ 1855 г. въ Азіят. Тур. кн. Дондукова-Корсакова».	—
15) Разсказы и воспоминанія современниковъ.	92
16) Тамъ же.	—

[17]) О смерти кн. Грузинскаго С.-Пет. Вѣд. 1856 г. № 17. Матеріалами при описаніи штурма Карса служили: Оф. док. изъ Ар. шт. Кав. воен. окр. Штурмъ Карса. Воен. сб., 1861 г. № 3-й, и разсказы современниковъ 95
[18]) Знаки отличія Воен. ордена получили; ун.-оф.: Харинъ и Цапковъ, трубачъ Дракинъ и ряд.: Чакрыгинъ, Васильевъ, Чернявскій, Овчаренко, Лукъяновъ, Дудатьевъ и Врубель . . . . —
[19]) Записки и разсказы современниковъ. 96
[20]) Тамъ же . . . . —
[21]) Тамъ же 98
[22]) Муравьевъ. Война за Кавказомъ въ 1855 году. . . . . —
[23]) Русскій Вѣст. 1861 г. т. 34 № 8. Записки Корсакова . . . . —
[24]) Тамъ же 99
[25]) Тамъ же . . . . —
[26]) Приказы по Кав. кор. за 1855 г. 100

ГЛАВА VII.

[1]) Ар. шт. Кав. воен. окр. Военно-судныя дѣла за 1856 г. 102
[2]) Разсказы и воспом. современниковъ. . . . . —
[3]) Зная до какой степени военныя дѣйствія полка зависятъ отъ его подвижности и насколько подвижность обусловливается исправнымъ состояніемъ обоза, князь Дондуковъ обратилъ на это особое вниманіе, и въ полку появились нѣмецкіе фургоны, легкіе и поворотливые, какіе обыкновенно употребляются колонистами. Подъемныя лошади также цѣликомъ замѣнены были новыми. . . . . —
[4]) Ар. шт. Кав. воен. окр. о передвиженіи войскъ въ 1856 году. 103
[5]) Воспоминанія и разсказы князя А. . . . . —
[6]) О сформированіи Сѣверскаго полка. Выс. приказъ 3-го апрѣля 1856 г. Приказъ Воен. Мин. 1856 г. № 60, и Штатная вѣдомость, приложенная къ тому же приказу . 104
[7]) Приказы по полку за 1856 годъ . . . . —

Нельзя не посвятить нѣсколькихъ строкъ памяти стараго Нижегородца Карла Карловича Шульца, подъ начальствомъ котораго 4-й дивизіонъ заслужилъ Георгіевскій штандартъ въ бою 27-го февраля 1851 года на Басѣ.

Назначенный командиромъ Новороссійскаго драгунскаго полка, Шульцъ привелъ его съ Кавказа въ Курскую губернію, пѣшкомъ и въ кадровомъ составѣ; тамъ онъ сформировалъ его изъ молодыхъ людей и лошадей резервныхъ эскадроновъ, и менѣе чѣмъ черезъ годъ представилъ его на смотръ въ Бозѣ почившему императору Александру II въ такомъ блестящемъ видѣ, что государь съ гордостью сказалъ иностраннымъ принцамъ, присутствовавшимъ на смотру: «Вотъ такова у меня вся кавалерія».

Варшавскіе смотры въ командованіе Шульца безспорно составляютъ самый блестящій періодъ въ мирной жизни Новороссійскаго полка, которому выпала тогда завидная доля служить представителемъ всей русской кавалеріи. На первомъ изъ этихъ смотровъ въ 1858 году, кромѣ Новороссійскаго, участвовали еще Курляндскій уланскій полкъ и казаки. Когда прошла пѣхота, и во главѣ кавалеріи показался вороной эскадронъ Новороссійскаго полка, государь сказалъ, обращаясь къ свитѣ: «Вотъ идутъ Мои кавказцы!» Впереди полка на эффектномъ ворономъ конѣ ѣхалъ Шульцъ, рѣзко выдѣляясь отъ строя, блестѣвшаго мѣдными касками, своею скромною фуражкой съ голу-

бымъ околышемъ. Когда полкъ прошелъ, государь подозвалъ къ себѣ Шульца. «Отчего вы въ фуражкѣ? Вы ранены?» спросилъ онъ его съ участіемъ. — «Раненъ въ голову, въ лѣвый високъ, ваше величество!» отвѣтилъ Шульцъ. «Въ какомъ сраженіи?»—«Подъ Кюрюкъ-Дара, въ рядахъ Нижегородскаго полка». Лицо государя засіяло улыбкой. Онъ обратился къ стоявшимъ рядомъ съ нимъ регенту Пруссіи (впослѣдствіи императору Вильгельму) и принцу Наполеону, представилъ имъ Шульца, и самъ объяснилъ подробно, гдѣ и какъ онъ раненъ. Затѣмъ, вызвавъ изъ фронта всѣхъ нижнихъ чиновъ, украшенныхъ георгіевскими крестами, государь благодарилъ ихъ за боевую службу, и потомъ, обратясь къ однимъ Новороссійцамъ, сказалъ: «А за ваши Кавказскіе подвиги передаю вамъ послѣднее спасибо нашего покойнаго государя. Вы, кавказцы, только одни и радовали его своими побѣдами».

Черезъ три дня были маневры. Дѣлая по окончаніи ихъ свои замѣчанія, государь обратился къ Шульцу: «Вашъ полкъ атаковалъ превосходно, но останавливался слишкомъ далеко отъ пѣхоты». «Впрочемъ, поспѣшно прибавилъ государь:—васъ не учить, какъ надо атаковать пѣхоту; вы доказали это на дѣлѣ».

На слѣдующій годъ государь сдѣлалъ полковое ученье только одному Новороссійскому полку. Ученье было горячее. «Шульцъ! сказалъ государь: Полкъ учился превосходно. Я ожидалъ, что онъ будетъ хорошо учиться, но я не ожидалъ, чтобы онъ такъ учился. Спасибо!» Тутъ-то государь обратился къ иностраннымъ принцамъ и сказалъ: «Вотъ такова у меня вся кавалерія. Это полкъ, который сражался подъ Кюрюкъ-Дара, а вотъ и генералъ (онъ указалъ на Багговута), который водилъ его». Государь милостиво обнялъ Багговута и протянулъ руку Шульцу. Тотъ хотѣлъ поцѣловать ее. «Не надо, не цѣлуйте!» сказалъ государь: «Не многіе служатъ мнѣ такъ, какъ служите вы». И онъ еще разъ крѣпко и сердечно пожалъ руку старому полковнику. Шульцъ въ полковничьемъ чинѣ получилъ генеральскую аренду на 12 лѣтъ.

Прошло съ тѣхъ поръ много времени. Шульцъ, произведенный въ генералы, уже былъ въ отставкѣ, но государь никогда не забывалъ ни его, ни смотра Новороссійцевъ. Въ 1868 году одинъ изъ бывшихъ офицеровъ Новороссійскаго полка, уже въ мундирѣ гвардейскихъ уланъ, подъѣзжалъ къ государю на ординарцы. Принявъ рапортъ, государь сказалъ: «Я видѣлъ тебя прежде въ Новороссійскомъ мундирѣ».—Такъ точно, ваше величество.—«Гдѣ теперь вашъ старый полковой командиръ Шульцъ?» «Въ отставкѣ за ранами, ваше величество».— «Имѣешь ли ты о немъ свѣдѣнія?» «Такъ точно, я съ нимъ въ перепискѣ, ваше величество».—«Напиши, что я ему кланяюсь». Прошелъ еще годъ, и государь, вторично встрѣтивъ того же офицера на ординарцахъ, спросилъ: «Имѣешь ли извѣстія о Шульцѣ? Какъ его кюрюкъ-даринская рана? Что онъ подѣлываетъ?»—«Раны препятствуютъ ему служить, ваше величество. Онъ живетъ въ своемъ екатеринославскомъ хуторѣ». «Славно командовалъ онъ полкомъ. Напиши, что государь ему кланяется».—«Вотъ она, моя высшая награда за службу», говаривалъ старый ветеранъ, передавая своимъ друзьямъ и знакомымъ милостивое вниманіе къ себѣ государя. Онъ жилъ безвыѣздно въ своемъ екатеринославскомъ хуторѣ, и тамъ же скончался 21-го ноября 1883 года. (Исторія Новороссійскаго полка, составленная Потто и Рус. Ст. 1883 г. т. 38-й Новороссійскіе драгуны передъ лицомъ Императора Александра II) 104

[9]) Слова государя, произнесенныя на смотру во Владикавказѣ въ 1871 году . 106

[10]) Висковатовъ. Описаніе одежды и вооруженія войскъ 107

[11]) Записано со словъ князя Дондукова-Корсакова. 108

[12]) Ар. шт. Кав. воен. окр. Военно-судныя и слѣдственныя дѣла за 1857 годъ. .	109
[13]) Арх. шт. Даг. обл. и Астраханскія губ. Вѣдомости за 1857 годъ.	112
[14]) Разсказы и воспоминанія современниковъ.	—
[15]) Высоч. приказъ 19-го марта 1857 года.	114
[16]) Приказъ Военнаго Министра 9-го марта 1857 года	—

ГЛАВА VIII.

[1]) Кавказская старина. Выписка изъ дневника бар. Николаи, кн. XIV	116
[2]) Тамъ же	117
[3]) Изъ семейнаго архива кн. Дондукова-Корсакова.	—
[4]) Ар. шт. Кав. Воен. Окр. О военныхъ дѣйств. на лѣв. крылѣ Кав. линіи 1857 г. .	—
[5]) Тамъ же	119
[6]) Тамъ же. Дѣла о наградахъ за 1857 г.	120
[7]) Разсказы старыхъ Нижегородцевъ.	—
[8]) Тоже, и приказы по Кавказской арміи за 1857 г	123
[9]) Зиссерманъ. Исторія Кабардинскаго полка. Т. III.	—
[10]) Разсказы старыхъ Нижегородцевъ.	125
[11]) Ар. шт. Даг. обл. О происшествіяхъ на Сулакской линіи въ 1857 г.	126
[12]) Тамъ же.	—
[13]) Воен. сб. 1871 г. № 9. Шенширекское дѣло	127
[14]) Тамъ же.	—
[15]) Къ сожалѣнію полнаго списка не сохранилось	128

ГЛАВА IX.

[1]) Изъ Семейнаго арх. кн. Дондукова. Письмо кн. Чавчавадзе отъ 25 октября съ приложеніемъ приказа по войскамъ Кумыкскаго отряда. Тиф. Ар. Окр. шт. Дѣло о наградахъ за 1857 годъ.	130
[2]) Записано со словъ участниковъ экспедиціи.	132
[3]) Кавказс. Старина. Изъ дневника бар. Николаи и разсказы очевидцевъ. . . .	134
[4]) Разсказы и воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ.	135
[5]) Тоже	138
[6]) Тоже	140
[7]) Тоже	—
[8]) Тоже	141

ГЛАВА X.

[1]) Воен. Сб. 1863 г. № 12. Лѣто въ Чечнѣ въ 1858 г.	144
[2]) Воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ	145
[3]) Матеріалами для Ачхоевскаго дѣла служили офиціальные документы Ар. шт. Кав. воен. окр. Воен. сб. 1863 г. № 12 и 1864 г. № 2. Воспоминанія князя А. и разсказы участниковъ боя	146
[4]) Воен. сб. 1863 г. № 12 и 1864 г. № 2.	152

⁵) Мартыновичъ былъ сынъ извѣстнаго Черногорскаго воеводы Милы Мартыновича, занимавшаго министерскій постъ при князѣ Даніилѣ и изгнаннаго имъ изъ отечества за приверженность къ Россіи. Молодой сынъ его, Богданъ, былъ присланъ въ Нижегородскій полкъ вольноопредѣляющимся въ маѣ 1858 года. Какъ простой горецъ, не получившій европейскаго воспитанія, онъ нуждался въ заботахъ о своемъ развитіи, и главнокомандующій поручилъ его особымъ заботамъ князя Дондукова, будучи увѣренъ, что въ Нижегородскомъ полку, и подъ руководствомъ такого начальника, молодой человѣкъ успѣетъ въ короткое время пріобрѣсти все нужное, чтобы сдѣлаться полезнымъ новому отечеству. (Изъ семейнаго архива князя Дондукова: письмо къ князю начальника главнаго штаба Кавказской арміи. Д. А. Милютина). Черезъ мѣсяцъ Мартыновичъ уже участвовалъ въ Ачхоевскомъ бою и сразу заслужилъ офицерскіе эполеты. . 152

⁶) Знаки отличія Военнаго ордена получили: старшій вахмистръ Спиридонъ Семеновъ, унтеръ-офицеръ князь Чавчавадзе, и рядовые: Сергѣевъ, Проваловъ, Сашневъ, Ярошинъ, Горащенко, Гнѣздиловъ и Осипъ Богатько. Послѣдній былъ польскій дворянинъ, два раза бѣжавшій за границу, и за вооруженное сопротивленіе при его поимкѣ, четыре года отбывшій въ рудникахъ каторжныя работы. Потомъ онъ былъ поселенъ въ Забайкальской области, и по ходатайству генералъ-губернатора Восточной Сибири, свидѣтельствовавшаго объ его отличномъ поведеніи, государь разрѣшилъ зачислить его рядовымъ на Кавказъ въ Нижегородскій полкъ. Отличіе, оказанное имъ въ Ачхоевскомъ бою, обратило на него милостивое вниманіе государя, и въ декабрѣ того же года Богатько былъ совсѣмъ уволенъ отъ службы съ возвращеніемъ прежнихъ правъ состоянія, и съ дозволеніемъ возвратиться на родину въ Царство Польское. —

⁷) Ар. шт. Кав. воен. окр. Дѣла о наградахъ Чеченскаго отряда за 1858 годъ . —

⁸) Семейные архивы князей Дондукова и Амилахвари 153

⁹) Семейныя бумаги кн. Дондукова . . . . —

¹⁰) Приказы по полку за 1858 г. 154

ГЛАВА XI.

¹) Ар. Тиф. Окр. шт. и Воен. Сб. 1863 г. № 12. Лѣто въ Чечнѣ 1858 г. . . . 156

²) Тамъ же. 157

³) Ар. Тиф. Окр. шт. Дѣла о происшествіяхъ на лѣвомъ крылѣ. 158

⁴) Изъ семейнаго архива кн. Дондукова . . . . —

⁵) Вся приведенная нами переписка заимствована изъ семейнаго ар. кн. Дондукова, гдѣ хранятся подлинныя бумаги. 161

⁶) Ар. Тиф. окр. шт. О воен. дѣйств. на лѣвомъ крылѣ въ 58 г. . . . . —

⁷) Воспоминанія и записки старыхъ Нижегородцевъ 162

⁸) Тоже. 163

⁹) Приказы по полку за 1858 годъ. . . . . —

¹⁰) Путешествіе А. Дюма по Россіи. (Переводъ съ французскаго) 164

¹¹) Воспоминанія и разсказы старыхъ Нижегородцевъ. 166

¹²) Тоже. 168

¹³) Письмо Барковскаго къ князю Амилахвари (семейный архивъ послѣдняго). . —

¹⁴) Подлинное письмо въ семейномъ архивѣ князя Дондукова 169

